

IN THE GRIM DARKNESS OF THE FAR FUTURE THERE IS ONLY WAR!

KILL TEAM

A LAST CHANCERS NOVEL BY GAV THORPE

WARHAMMER
40,000

Annotation

Томясь в Имперской тюрьме, лейтенант Кейдж -- осужденный солдат 13-го Штрафного Легиона -- доходит до точки. Так бы история и закончилась, но его безжалостный командир возвращается с новым самоубийственным заданием. Теперь Кейдж должен собрать команду из самых худших гвардейцев Империи, после чего повести их на единственную миссию: ликвидировать подстрекателя к войне вражеского генерала, одного из таинственной расы чужаков Тау.

- [Глава первая](#)
- [Глава вторая](#)
- [Глава третья](#)
- [Глава четвертая](#)
- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)

- [1](#)

Отряд ликвидации

Глава первая

Пролог

Воздух был наполнен кружащейся серой пылью, поднятой вверх ураганными ветрами, что вопили вокруг твердого черного гранита башни. Мрачное здание без окон тянулось к бушующим небесам, вместо них сотни сверкающих прожекторов своими желтыми лучами бесплодно пытались разогнать пыльную бурю. Целых три сотни метров башни уходили ввысь третьей луны Гховула^[1], практически идеального цилиндра из нерушимой и мрачной скалы, высеченной из неплодородного плоскогорья, где стоял исправительный лагерь.

На вершине вспыхнули узкие красные лучи лазера, пронзая тьму облачной ночи.

Секунду спустя на них ответил треугольник белых вспышек, на посадочную площадку сажился шаттл. В свете посадочных огней по площадке туда-сюда бегали техники, защищенные от свирепого

климата громоздкими рабочими костюмами из тонкой металлической сетки, руки прятались в огромных перчатках, а на ногах были ботинки с толстой подошвой.

С затихающим воем двигателей три опоры шаттла с громким лязгом коснулись металлического настила посадочной площадки. Секунду спустя сбоку открылся люк, и на шипящей гидравлике к нему, дергаясь, протянулась погрузочная рампа. Высокая фигура пригнулась, проходя через низкий вход, и вышла на мостик. Она постояла там секунду, тяжелая шинель хлопала от ветра, а руки в перчатках прижимали к голове офицерскую фуражку. Несмотря на ужасающие погодные условия, офицер держал спину прямо, словно столб. Вновь прибывший целенаправленной походкой прошагал по погрузочному мостику, постоянно глядя только перед собой.

Облаченные в черное охранники козырнули мужчине и без слов предложили ему пройти к открытому железному лифту внутри здания на посадочной

площадке. Со скрипом ржавых петель надзиратель закрыл двери и дернул рычаг. Сопровождаемый звоном цепей и хрустом шестеренок лифт поехал вниз.

--- На каком уровне заключенный? --- спросил офицер, заговорив впервые, с тех пор как прибыл. Его голос был тихим и глубоким, властный тон выдал человека, который привык, что ему подчиняются без вопросов.

--- Шестнадцатый уровень, сэр, --- ответил охранник, не встречаясь с пронзительным взглядом голубых глаз офицера.

--- Один из изолированных этажей, --- поспешно добавил он. Гость не ответил, а просто кивнул.

Лифт прогрохотал пару минут, медленно проходя этаж за этажом, подсвеченный индикатор отмечал их спуск. Когда они достигли семнадцатого, охранник дернул рычаг, и секунду спустя в шахте эхом отозвался скрип плохо смазанных тормозов. Лифт задрожал и через несколько секунд остановился.

Офицер взглянул на указатель

этажей, на котором теперь светилась
число "16".

--- Техножрецы обещали взглянуть на
лифт, сэр, но сейчас они слишком заняты,
--- извиняющимся тоном ответил
надзиратель на вопросительный взгляд
офицера. Охранник был старым и
измученным, с тонкими прокуренными
белыми волосами. Униформа на нем
сидела явственно плохо. Застенчиво
прокашлявшись, охранник со скрипом
открыл двери и отошел с дороги.

Уровень, куда вышел высокий
столб, был круглым, как и сама башня,
в стенах через равные промежутки
располагались тяжелые бронированные
двери. Все было покрыто старой
известкой, бледно-серую поверхность
местами пачкали ржаво-коричневые
подтеки.

--- Сюда, сэр, --- произнес охранник,
проходя вправо от двери лифта, осознав,
что офицер ожидает указания. Еще один
охранник, моложе и крепче того, что ждал
на посадочной площадке, стоял у одной из
дверей, на нем была та же самая простая

черная униформа, с пояса свисала тяжелая
глубинка. Первый охранник провел офицера
к двери и отщелкнул маленькое смотровое
окошко. Из маленькой решетки пахло
застарелым потом, но выражение лица
офицера осталось безразличным, он
всмотрелся в узкое окошко. Камера внутри
была точно так же пуста, как коридор
снаружи, и выкрашена в такой же серый
цвет. Всего лишь несколько квадратных
метров комнаты освещались единственной
светосферой в потолке за проволочной
решеткой. Тусклый желтый свет придавал
болезненный вид постояльцу камеры.

Он висел на цепях у дальней стены,
запястья были скованы тяжелыми
цепями, уходящими к разным углам
потолка. Его ноги тем же образом были
прикованы к полу.

Его голова была опущена к груди, а
черты лица скрыты глиной испачканной
гривой неухоженных волос. Кроме тряпья
на бедрах, на нем ничего не было, тусклый
свет падал на его подтянутые, жилистые
мускулы. Его грудь была крест-накрест
очерчена шрамами, некоторые были

новыми, некоторым было уже несколько лет. Руки также были изуродованы, особенно заметным был разрез на бицепсе правой руки, закрывающий то, что осталось от татуировки. На левом бедре с обеих сторон виднелись шрамы от отверстий, оставленные явно сквозным ранением.

--- Почему его перевели сюда? --- тихо спросил офицер, от его голоса заключенный слегка шевельнулся.

--- За первый месяц пока он находился здесь, он убил семь надзирателей и пять заключенных, и почти что сбежал, сэр, --- объяснил пожилой охранник, нервно глядя через окошко и обмениваясь взглядом с другим охранником.

--- Командант последние пять месяцев держит его в изоляторе ради безопасности других арестантов и охраны, сэр.

Офицер кивнул в ответ, и на какое-то неуловимое мгновение надзирателю показалось, что он заметил удовлетворенную улыбку на губах офицера.

--- Каково его умственное состояние? --- спросил мужчина, переводя взгляд с

надзирателя обратно в клетку.

--- Медики осматривали его дважды и объявили психопатом, сэр, --- через мгновение ответил охранник, --- кажется, он всех ненавидит. Он отказывается есть что-либо, кроме протеиновой каши. Разрешает приблизиться к себе, только когда мы отводим его в тренировочный зал. Хотя мы не позволяем ему там заниматься с другими заключенными. Также никому не позволено в его присутствии иметь при себе что-либо, что можно превратить в оружие. Мы поняли это, когда он пытался бежать...

Офицер обернулся и вопросительно поднял бровь.

--- Никому в голову не приходило пересчитывать ложки в столовой, --- побледнев, объяснил надзиратель. Мужчина снова вернул свое внимание к камере.

--- Прекрасно, --- прошептал он сам себе.

--- Откройте дверь, --- приказал он младшему из двух охранников, после чего отошел в сторону.

Узрюмый темноволосый надзиратель сделал так, как ему приказали, дверь со скрипом открылась, и впервые заключенный поднял голову. Как и все остальное тело, его лицо представляло собой путаницу шрамов, к груди опускалась длинная борода. В ответ арестант бросил на надзирателя злобный взгляд, его темные глаза светились дикой ненавистью. Второй охранник встал с другой стороны от заключенного, расстегнул привязь тяжелой дубинки и стал держать ее наготове под правой рукой.

— А теперь наручники, — приказал офицер.

— Не думаю, что это хорошая мысль, сэр, — ответил потрясенный престарелый охранник. Глаза заключенного не двигались, они продолжали прожигать надзирателя.

— С-с-сэр? — с испуганным взглядом спросил молодой офицер, — вы слышали, что мы рассказали вам об этом животном?

— Он не животное, — отрезал офицер.

— наручники.

Надзирателя со светлой шевелюрой явно потряхивало, но он прошаркал вперед и начал теревить связку с ключами. Второй охранник последовал за ним, снятая дубинку с пояса. Присев, охранник нерешительно ототкнул сначала левую ногу и нервно вздрогнул, ожидая удара. Чуть более уверенно он отстегнул правую. Он взглянул в лицо заключенному, но взгляд арестанта был прикован к другому офицеру безопасности. Он быстро снял кандалы с запястий и спешно отошел на пару шагов, готовый к удару.

Растирая руки, чтобы вернуть циркуляцию крови, арестант шагнул вперед. Затем, не говоря ни слова, заключенный резко шагнул влево от себя, правая рука выстрелила и выбила дубинку из хватки молодого надзирателя, который завизжал и схватился за сломанное запястье. Второй охранник шагнул вперед, но заключенный был быстрее, он развернулся на одной пятке и с разворота пнул ногой в живот, с глухим ударом и хриплым криком боли надзиратель

впечатался в стену. Охранник со сломанной рукой уже пришел в себя, но арестант снова обратил свое внимание на него, сжатыми пальцами он ударил его в затылок и, обхватив шею охранника рукой, зажал голову в замок. Раздался громкий хруст, когда шея охранника сломалась, арестант удовлетворенно зарычал и позволил телу грудой свалиться на пол. Затем он шагнул к выжившему надзирателю и уже был готов повторить, когда в камеру вошел офицер.

--- Думаю, хватит, --- тихо произнес гость, и заключенный обернулся, хищная улыбка от жестокого развлечения появилась на его покрытом шрамами лице.

--- Я до устачки рад вас видеть, Полковник, --- хрипло смеясь, произнес арестант, --- я снова вам нужен?

--- Да, ты снова нужен, Кейдж, --- ответил Полковник.

Глава вторая

Винкүларүм

+++ фигуры собираются, план пришел
в движение +++

+++ Время подготовиться к
открытым ходам +++

Со смесью облегчения и страха я смотрю на Полковника. С одной стороны, тот факт, что он оказался здесь, означал завершение шести месяцев страданий и скуки. С другой, его присутствие означало, что я очень скоро могу погибнуть. Я полгода надеялся, и в то же время боялся, что это мгновение наступит, меня разрывало между ожиданием и предвкушением. Хотя все равно я был рад его видеть, потому что скорее готов рискнуть с Полковником, чем до конца своей жизни гнить в этой проклятой камере. Он просто стоит тут и выглядит точно таким же, каким я видел его в последний раз, словно он только что

вернулся после секундного отсутствия, а не бросил меня на гвести дней в камеру, паявшись на четыре голые стены.

--- Отойдите его и приведите в зал для аудиенций, --- коротко бросает Шеффер охране, затем еще раз смотрит на меня, разворачивается и широкими шагами выходит за дверь.

--- Ты слышал офицера, --- возвращает меня к жизни надзиратель, поскольку я стою на месте и пьюсь в удаляющуюся спину Полковника. Охранник нервно смотрит на труп в углу камеры и отходит от меня на пару шагов, его глаза излучают настороженность, а руку он держит около пистолета на ремне.

Я следую за ним к лифту и в толчании жду там пару минут, пока подъемник увозит Полковника обратно к крыше башни. Мой разум бурлит. Что Полковник принас для меня? Что за миссия в этот раз? Командующий 13-ым Штрафным Легионом, известным скорее как "Последний Шанс", Полковник Шеффер в последний раз провел меня и примерно четыре тысячи штрафников через

кровавые, самоубийственные миссии на
десятике миров, и, в конце концов, от нас
осталось только несколько выживших. Это
снова повторится? Я снова проведу
следующие два года на кораблях,
вырываемый от одной зоны боевых действий
к другой, раздумывая каждый раз, будет ли
это сражение для меня последним? Честно
говоря, мне на это наплевать. Если время,
проведенное в этой зловонной камере, меня
чему-то и научило, так это тому, что жизнь
на поле боя, драка за свою жизнь, гораздо
более приятная, чем просиживание на
своей заднице девять десятых дня.

Хотя я знал, что он вернется за
мною. Когда он улетал, он ничего не
сказал, но я помню его слова, что он
произнес три года тому назад, когда мы
впервые встретились. "Как раз ублюдок по
мне" — вот как он отозвался. После этого
он меня нокаутировал, должен добавить,
но в те дни я не держал на него зла. Он
сделал кое-что хуже со мной и с другими.

С грожащим лязгом подъемник
останавливается, и надзиратель
сопровождает меня внутрь. Мы грохочем

пару этажей к уровню охраны, где
расположены душевые. Я никогда раньше не
ехал этим путем, последние пять месяцев
мои гигиенические процедуры каждый
второй день состояли из поливания моего
тела холодной водой из шлангов. Следуя за
охранником без задних мыслей, мой разум
все еще занят появлением Полковника. Оно
не гарантирует ничего, кроме кровавой
бани и сражений, но Полковник всегда это
собой и символизировал. Хотя не только,
но и непреклонную, бескомпромиссную веру
в Императора и непоколебимую
преданность Императору.

Я никогда особо не верил, но так было
только до "Последнего Шанса", где я
осознал свою роль в огромной схеме бытия.
Я убийца, хладнокровный ублюдок, и не
возражаю против этого. Но теперь я один
из убийц Императора, Его хладнокровный
ублюдок, и Он снова хочет использовать
меня. Это дает мне определенную долю
удовлетворения, хотя все что я знаю, так
это как причинять боль, убивать и
калечить, но зато у меня появилось
ощущение предназначения, которого

никогда не было раньше. Там снаружи жестокая, суровая галактика, и если ты собираешься в ней выжить, тебе придется выучить кое-какие жесткие тяжелые уроки. Я выучил их, в то время как четыре тысячи других штрафников "Последнего шанса" -- нет, и я все еще здесь. Все время пока я был в камере, вспоминая каждую битву, каждый выстрел и каждый удар ножа, я полагал, что Император и Полковник еще не закончили со мной. Я считаю, что они оба вообще никогда не отстанут от меня, даже когда я сдохну, в этом я уверен.

Я стягиваю обноски и захожу в душевую кабину. Охранник включает воду снаружи, и из решетки на потолке в меня каскадом бьет хлесткая струя горячей воды. Охранник швыряет мне зернистый кусок мыла, и я начинаю скоблить и очищать себя.

--- Мне нужно побриться, --- перекрикиваю я плеск воды. Охранник что-то бормочет в ответ, но я не слышу его из-за барабанившей по голове воды.

--- Я говорю, дай мне лезвие, мне

нужно избавиться от этих долбанных волос
и бороды!

--- Тебе не позволено иметь острые
предметы, Кейдж, --- кричит в ответ
охранник, --- у меня есть приказы...

--- Да ради Императора, ты, кусок
дерьма, я не собираюсь предстать перед
Полковником как хренов нищий, ---
возражаю я, выглядывая из кабинки. Он
быстро отступает. Я указываю на
пистолет и нож на его поясе.

--- Если бы я хотел убить тебя, ты бы
уже остывал, --- с улыбкой говорю я ему, ---
дай мне свой чертов нож, пока я не вышел и
не взял его сам.

Он отстегивает ножны и швыряет их
мне, при этом выглядит так, словно готов
угнать в любую секунду. При виде страха в
его глазах, я грожу от удовольствия. Да я
сделал бы все что угодно, чтобы несколько
лет тому назад заслужить такую
репутацию на Олимпе. Именно такой ужас
сделал бы все намного проще для моего
подъема из низов.

Я шагаю обратно под поток воды и
мылю лицо и голову, затем вытаскиваю

нож и выкидываю ножны обратно на плиточный пол. Начинаю отрезать волосы как можно ближе к коже, выбрасываю пучки в водоворот сливного отверстия на полу. Затем я бреюсь и отрезаю бороду, скоблю ножом щеки и подбородок, заодно снимаю небольшой слой кожи. Жалит сильнее, чем рана от лазера, но мне все равно. Я провожу рукой по гладкой коже, наслаждаясь ощущением чистоты, как кажется, впервые за века.

С гривой на голове чуть сложнее, но в конечном итоге я утврждаюсь ее срезать, оставив себе на затылке несколько отметин и порезов, угол неудобный. Мое лицо было разорвано на части, а затем снова собрано несколько лет тому назад, так что мне никогда не выиграть ни одной медали на конкурсе красоты.

Удовлетворенный полученным презентабельным видом, я вытираюсь насухо грубым царапающимся полотенцем, предложенным охранником. Он в это время уходит искать мне какую-нибудь подходящую одежду. Вскоре он возвращается со стандартной формой

заклученного: с отбратительными, мешковатыми серыми брюками, тканой рубашкой из необработанного льна, и парой бесформенных и плохо сидящих ботинок. Надев это, я ощутил себя прямо таки дулом, словно маленький пацан напялил на себя одежду старшего брата. Следуя за своим охранником к лифту на беседу с Шеффером.

Он стучит в дверь, и Полковник приглашает меня внутрь. В отличие от остальной башни, круглый зал украшен яркой фреской, которая бежит по всем стенам, насколько я могу судить, на ней изображено что-то из сцен Экклезиархии. Житие какого-то великомученика, судя по последней картинке, где мучника с пылающим нитом разрывают на части зеленокожие чудища, я так понимаю, причудливая интерпретация орков. Я игрался с настоящими орками, и воплоти они даже еще страшнее, чем гротескные пародии, намалеванные в зале.

Полковник сидит за простым столом из темной, почти черной древесины. Напротив него стоит простой,

подходящий по цвету стул. Столешница
сильно завалена бумагами в мягких
коричневых футлярах, перевязанных
красным шнуром и запечатанных
различными официальными печатями.

— Кейдж, — произносит Полковник,
отрывая взгляд от пачки пергаментов в
своих руках, — присаживайся.

Я подхожу и опускаюсь на стул,
который начинает живо скрипеть
ножками, пока я обустройстваюсь на нем.
Полковник вернул свое внимание к
изучению документов в своих руках. Я
терпеливо жду. Будучи запертым в
клетке, я немного научился терпению. Я
полагаю, это как ожидание добычи,
терпение охотника, который до самого
конца сидит или лежит неподвижно. Это
то самое терпение, что проверяет вашу
внимательность, медленно проплывающие
часы и дни угрожают пошатнуть ваш
разум. Но я научился. Я научился
успокаивать свои мысли, обращать их
внутрь себя: считать удары сердца,
считать вдохи и выдохи, в уме
проделывать сотни ритуалов подготовки

и обслуживания оружия, драться с оружием
и без оружия с разными врагами в
ограниченном пространстве своей
собственной головы, пока твои руки и ноги
прикованы цепями к стене.

Когда Полковник намеренно
кашлянул, я осознаю, что уплыл в хорошее
натренированное состояние транса,
торгаю и фокусируюсь на нем. Он вообще
не изменился, хотя я на самом деле и не
ожидая этого. Все та же мощная, чисто
выбритая челюсть, резкие скулы и
пронзающий взор ледяных голубых глаз.
Взор, который может вонзиться в твою
душу и прожечь тебя сильнее, чем
лазерный резак.

--- Есть еще одно задание, --- начинает
он, откинувшись назад и скрестив руки на
груди.

--- Я уже догадался, --- отвечаю я, сидя
с прямой спиной, всем своим видом
изображая внимание.

--- Собственно говоря, времени
немного, --- продолжает он, его взгляд не
изменился, --- ты соберешь и обучишь
команду для ликвидации военного

командира чужаков.

Это удивляет меня. В последний раз он был очень скрытен относительно целей миссии. Думаю в этот раз все по-другому.

--- Как ты, возможно, ожидаешь, процесс выбора в этот раз будет более целенаправленным и сфокусированным, чем в последний, --- произносит он, словно читая мои мысли, --- я не могу себе позволить потратить столько времени, чтобы повторить процедуру, которой ты был подвергнут ранее.

Ставлю, что так, думаю я. Потребовалось четыре тысячи солдат и двенадцать часов с половиной года для "выбора" штрафников "Последнего шанса", когда Полковник последний раз вел меня в бой. Кроме самого Полковника, я был единственным выжившим.

--- В этой тюрьме содержатся некоторые наиболее специализированные бойцы в этом секторе Империи. Именно с этой целью я заключил их здесь, собрал в одном месте, где с легкостью могу получить к ним доступ, вместо того, чтобы носиться по звездам. Это делает

сбор команд на много более
прямолинейным, дополнительным плюсом
является то, что только несколько
человек знают, что они здесь, и я могу
поддерживать абсолютную секретность, ---
говорит он мне, взмахом руки указывая на
двела на столе.

--- Тебе придется прочитать эти
документы и выбрать тех, кого считаешь
самыми подходящими для задания. Затем
ты обучишь их умениям, которыми они не
обладают, пока я подготовлю финальные
детали для самой миссии. Затем я поведу
штрафников "Последнего Шанса" на эту
миссию. Все ясно?

--- Полностью, сэр, --- осторожно
отвечаю я, раздумывая над его словами, ---
если мне нужно выбирать, тогда мне
нужно знать чуть больше о том, что вы
планируете.

--- В данный момент нет. Я скорее
позволю тебе выбрать мужчин и женщин,
чьи навыки ты считаешь ценными, вне
зависимости от ситуации, с которой
можешь столкнуться, --- говорит он, качая
головой, --- наш выбранный персонал будет в

какой-то степени проинформирован о плане атаки, который я разработаю. Гибкость будет ключом к успеху.

--- Думаю, понял, --- отвечаю я ему, наклонившись вперед и положив руки на столешницу, --- собрать команду, которая сможет сделать то, что нам нужно, чем бы оно ни было.

--- И снова твоя способность схватывать на лету сложные задачи изумляет меня. --- саркастически отвечает Полковник. --- Разве это не то, что я только что сказал?

--- Почти, --- отвечаю я с улыбкой.

Затем до меня кое-что доходит:

--- Полковник, а почему группа из штрафников? Я имею в виду, что уверен --- вы можете набрать людей из полков Гвардии по всему сегменту.

--- Ты же сам однажды ответил мне на это, если помнишь, --- через секунду размышлений отвечает Шеффер, --- я могу пролаять приказы, заставить людей сделать то, что хочу, но для миссии этого недостаточно.

--- Теперь вспомнил, --- отвечаю я

Полковнику, когда он делает паузу, -- вы хотите группу, которой незачем жить, кроме как ради успеха миссии. Так было на Избавлении, да? Да, я помню: когда больше не осталось ничего ценного за что можно было бы сражаться, кроме как за свою жизнь, то вы будете лучшими бойцами.

-- Ты это хорошо выучил, -- многозначительно произносит Шеффер.

-- Но я все еще здесь, -- с горькой улыбкой отвечаю я.

ЗДЕСЬ в тюрьме двести семьдесят шесть человек военных заключенных. У меня больше недели ушло, чтобы пробраться через их дела, я засел с одним из писчих Винкларута, чтобы он читал мне детали их дел. Я никогда не учился читать, в этом действительно никогда не было необходимости. Когда я в следующий раз увидел Полковника, он сказал мне, что у меня есть еще три дня, чтобы сделать выбор. Для начала, я даже не знаю с чего начать. Брифинг Полковника был настолько туманным, что я с трудом себе представляю, что нам

придется сделать. Первый день я провел просто сидя и обдумывая кое-что, на что у меня была уйма времени в последние месяцы. Я посчитал, что примерно десяти хороших бойцов будет вполне достаточно. Мой опыт в Коританоруме говорил мне, что если с заданием Полковника не смогут справиться несколько хорошо тренированных человек, то и никакая армия не поможет.

Исходя из этого, я програлся через записи с агентом, стараясь разделить их по навыкам, предыдущему воинскому опыту и, что самое важное, по причинам, по которым они оказались в тюрьме. Собрались отбросы на любой вкус, но все как один бывшие военные. Это не удивительно, учитывая жизненную цель Полковника. Но именно в этих заключенных было кое-что особенное. Все как один были специалистами в том или ином роде. Тут были пилоты, снайперы, эксперты по проникновению, диверсанты, инженеры, бойцы джунглей и городов, экипажи танков, артиллеристы, штурмовики, саперы и десантники. Как

Полковник и сказал, он собрал здесь вместе всех лучших солдат со всего сегмента, и они все здесь ради того, чтобы я сделал выбор. Так кого же мне искать? Как выбрать команду экспертов, когда у меня есть возможность выбирать из целой роты? На что мне смотреть, чтобы отделить одних от других?

Когда остается только два дня для решения, я начинаю расстраиваться. Мне нужно рассмотреть их под определенным углом, каким-то образом отобрать лучших из лучших.

И я начал больше понимать, почему Полковник сделал именно то, что он сделал для последней миссии. Я начал понимать, что возможно, протащить четыре тысячи мужчин и женщин через ад и вернуть обратно, и посмотреть, кто выживет — единственный способ на самом деле разобраться, у кого есть инстинкт воина, кто боец и последний герой, а кто просто пушечное мясо, предназначенное для спасения лучших воинов. Возможно, мне просто нужно поставить их в пары и заставить драться, чтобы посмотреть,

кто выйдет победителем.

Но затем меня посещает вдохновение Императора. Возможно, я и не могу пройти с ними несколько сражений, дабы выявить лучших, но мне тогда не придется физически устранять слабые звенья. Середина ночи и я отсылаю охрану разбудить агента. Я натягиваю свою новую униформу, любезно предоставленную Полковником. Легко проскальзываю в простую оливковую рубашку и темно-зеленые брюки, аккуратно вдеваю ремень и туго затягиваю, затем напяливаю ботинки. Даже не могу передать вам, насколько хорошо ощущать туго затянутую униформу и крепкие боевые ботинки на ногах после месяцев с босыми ступнями. Все это заставляет меня снова ощутить себя солдатом, а не заключенным.

Я иду туда, где Полковник посвящал меня в детали моего задания и жду агента. Проходит пара минут, прежде чем заспанный и смущенный агент врывается в зал для аудиенций.

— Нам нужно поговорить со всеми

заклученными, — говорю я, хватаю пару десятков дел со стола и вручаю стопку ему.

— Со всеми? — устало спрашивает он, его глаза мутные от сна, он едва сдерживает зевок.

— Да, со всеми, — отрезаю я, и подталкиваю его шатающуюся фигуру к двери, — кто там первый?

Неудобно нагруженный горой беспорядочной бумажки, он читает имя на верхнем деле:

— Заклученный 1242, Афрен, — отвечает он мне, пока мы ждем лифт, — Катера тринадцать-двенадцать...

КОГДА мы выходим из лифта на тринадцатом этаже, я вижу, что охранник, прислонившись к стене, спит стоя на посту. Я отвешиваю ему оплеуху, и он падает на пол, когда его голова ударяется о землю, с его губ срывается измученный визг.

— Проснись, надзиратель! — ору я на него и поднимаю на ноги.

— Что происходит? — ошеломленно

спрашивает он, потирая глаза.

--- Открой камеру двенадцать, --- говорю я ему, хватаю за одежду и тащу к двери камеры, --- и обращай ко мне сэр или лейтенант, я офицер!

--- Извините, сэр, --- мяллит он, в его трясущихся руках звенят ключи, пока он вставляет нужный в замок. Когда дверь открывается, я отталкиваю его в сторону.

--- Ты, за мной, --- входя в клетку, я рычу клерку. Он осторожно следует за мной. Комната такая же, как и все остальные, маленькая и пустая, за исключением шконки на полу вдоль дальней стены напротив двери. Заключенный уже на ногах с поднятыми кулаками в защитной стойке. Если мужчину вообще можно описать как здоровенный, то это наш парень. Он в полтора раза выше меня, его плечи словно позаимствованы у огрина, а бицепсы больше чем у большинства людей бедра. На нем только арестантские брюки, его грудные мышцы играют, пока он сжимает и разжимает пальцы. У него плоское лицо и маленькие глазки, под массивными

бровями они посажены слишком близко друг к другу. Я как-то сомневаюсь, что он сможет сосчитать до десяти, даже если будет использовать свои пальцы.

--- Попробуешь ударить меня? --- небрежно спрашиваю я, закрываю за собой дверь и облакачиваюсь на нее, скрестив руки на груди.

--- Ты что, только что выпал из варпа что ли? --- в ответ рычит Афрен и делает шаг вперед. Агент паникующе пищит и забивается в угол.

--- Ты не можешь просто так врываться сюда, у меня есть право на шестичасовой сон ночью. Так написано в правилах заключения.

--- В правилах заключения также говорится, что мне не позволено тут никого убивать, однако это меня не останавливает, --- отвечаю я ему тем же бесцеремонным тоном.

--- А ты верно Кейдж? --- спрашивает он, внезапно уже менее уверенный в себе. --- Я слышал о тебе, ты гребанутый на всю голову.

--- Я лейтенант Кейдж из

тринадцатого Штрафного Легиона
"Последний шанс", и тебе лучше запомнить
это, когда обращаешься ко мне, боец, ---
напоминаю я ему. Полковник сказал мне,
когда отдавал униформу, что восстановил
меня в звании, очень мило с его стороны.

--- А ты ждешь, что я отдам тебе
честь? --- с улыбкой отвечает
заключенный.

--- Читай, --- говорю я клерку,
игнорируя Афрена. Агент явно собирается
с силами и полнезно прочищает себе
горло.

--- Колан Афрен, бывший сержант-
инструктор 12-ого полка Рейнджеров
Джерико, --- начинает он монотонно
бубнить, --- семь лет службы. Три
кампании. Арестован и осужден за
жестокость к новобранцам. Приговорен к
увольнению из армии с лишением прав и
привилегий, и пяти годам каторжных
работ. Приговор затенен заключением по
приказу Полковника Шеффера, 13-ый
Штрафной Легион...

--- Сержант-инструктор? Я должен
был догадаться, --- говорю я ему, своим

прохладным взглядом лова его
рассерженный взор, -- нравится дрючить
новичков, а? Ты не подходишь, мне нужны
настоящие солдаты, а не какие-то
грозилы из тренировочного лагеря. Кто-
то, кто сражался...

-- Ах ты, коротышка! -- ревет он и
кидается в меня. Я отхожу в сторону от
неуклюжего выпада и вбиваю его лицом в
металлическую дверь камеры. Он катнется
падает на пол. Я выхватываю дело из рук
агента, внутренне улыбаясь от ужаса на
его лице, и швыряю бумагу на шконку.

-- Можешь забрать их позже, когда
закончит, -- говорю я ему, перекатывая
бесчувственное тело Афрена прочь с
дороги, и открываю дверь, -- минус один,
осталось гвесту семьдесят пять.

-- ЭРИК КОРЛБЕН, -- монотонным
голосом зачитывает клерк, -- бывший
мастер-сержант 4-ого полка Асгарда. Три
года службы. Одна кампания. Арестован и
осужден за несоблюдение субординации на
поле боя. Приговорен к тридцати пяти
ударам плетью, увольнению из армии с

лишением прав и привилегий, и десяти
годам заключения. Приговор заменен
заключением по приказу Полковника
Шеффера, 13-ый Штрафной Легион...

Корлбен низкий и коренастый, с
густыми торчащими рыжими волосами и
ветвистыми бровями. Он сидит на краю
кровати, тупо глядя в пол, руки на
коленях.

Все говорит о том, что он сломлен и
угружен, но я даю ему шанс доказать свою
полезность.

--- Значит, тебе не нравятся приказы,
Корлбен? --- спрашиваю я, почесывая голову.

--- Тогда несколько странный выбор
вступить в Имперскую Гвардию...

--- Я не просился, --- бормочет он в
ответ, не поднимая глаз.

--- Ах, призывник, --- медленно отвечаю
я, --- готов поспорить, что ты порядком
разозлен. Тебя призвали в армию, а ты не
хочешь сражаться. А затем заперли тебя
здесь гнить до конца жизни. Кажется,
Император действительно тебя
недолюбливает, Корлбен.

--- Думаю, да, --- соглашается он.

Впервые встречаясь со мной взглядом и горько улыбаясь.

--- Как тебе шанс выбраться отсюда, и может быть даже оставить в прошлом все, что ты натворил? --- предлагаю я, изучая его реакцию. --- Хотя это и значит следовать новым приказам...

--- Очень бы хотелось, --- он медленно кивает, --- я не против подчиняться --- если только это не самоубийственный штурм вражеского бункера.

--- Что ж, Корлбен, это неправильный ответ, --- злобно говорю я ему и захлопываю дело в руках агента, --- больше ты меня не увидишь.

--- ГАВР ТЕНААН, --- сонно бормочет агент, едва способный разлепить глаза. Мы к этому времени уже тридцать шесть часов на ногах, идем обратно в зал аудиенций Полковника за новой порцией еды, за все это время мы только дважды сделали перерыв перекусить и попить. Он валится с ног, видно на последнем резерве сил. Слабак. Как и большинство здешних обитателей.

Только полдюжины впечатлили меня, у остальных серьезные проблемы с дисциплиной, или они трусы, или возможно убьют меня, как только выйдут.

--- Бывший снайпер Тобрианских Консулов. Тринадцать лет... службы. Шесть кампаний. Арестован и осужден за стрельбу в гражданских Императора без приказа. Приговорен к повешению. Приговор... приговор заменен заключением по приказу... приказу Полковника Шеффера, 13-ый Штрафной Легион.

Тенаан хрющав, я полагаю, ему едва за сорок. У него серое хрюое лицо и холодный отдаленный взгляд, словно он на самом деле не смотрит на меня. Он не особо обращает внимание на происходящее, его пальцы теребят шов рубы.

--- Нравится убивать, а? --- спрашиваю я, склонив голову набок и подначивая. --- Ставлю, что ты был охотником до вступления.

--- Так иэ есть, сэр, --- растягивая слова, произносит он, --- привык охотиться на оленей иэ прочих в горах. Затем пришли они иэ сказали, что если хочү,

можу отстреливать орков, это показалось хорошим предложением.

— Так как ты дошел до того, что отстреливал гражданских? — спрашиваю я, ожидая услышать историю из его собственных уст.

— Они были у меня на пути, сэр, — сухим тоном отвечает он и слегка пожимает плечами, — их не должно было быть там.

— Сколько? — подгоняю я его, зная ответ из дела, но желая, чтобы он сам рассказал. У этого парня есть потенциал.

— Я не полню точно, сэр, — медленно отвечает он, — гутаю, в тот раз около десяти, гутаю да.

— В тот раз? — спрашиваю я, удивленный признанием. — И сколько гражданских ты завалил?

— Около пятидесяти, по моим подсчетам, сэр, мож чутка больше, — кивает он, подтверждая цифру в деле.

— Пятидесяти? — недоверчиво спрашиваю я. Ну, хорошо, может по сравнению со счетом моих убийств это будет словно плевок в океан, но я хотя бы

действовал по приказу.

--- Даже для меня, ты как-то слишком радостно нажимаешь на спусковой крючок.

--- Жаль, что так, сэр, --- извиняется он и еще раз слегка пожимает плечами. Благодарно вздохнув, агент откидывает дедло и, шатаясь, выходит из камеры, я иду за ним.

--- Итак, сколько у нас получается? --- спрашиваю я его, когда мы идем обратно к лифту. Он смотрит на маленькую пачку бумаги, оставшуюся в его руках.

--- Восемь, лейтенант, вы оставили только восьмерых, --- устало отвечает он, протягивая документы мне.

--- Тебе они понадобятся, --- говорю я ему, отпихиваю документы и захожу в лифт, --- собери их всех завтра после завтрака в комнате аудиенций и проинформируй Полковника Шеффера, что я встречу с ним там же. Я отваливаю немного поспать.

МОИ ВОСЕМЬ "рекрутов" стоят шеренгой в зале, расслабленно так стоят, взгляд каждого прикован ко мне. Им всем

любопытно, но в тюрьме быстро распознали слухи, что психопат Кейдж говорит с каждым и предлагает способ выйти из тюрьмы. Но кроме этого, у них больше нет никаких догадок о том, что происходит. Один или двое нервно дергаются под твоим взглядом. Открывается дверь и, широко шагая, входит Полковник, как всегда в полной униформе.

--- Смирно! --- равная я, и они достаточно резко реагируют. Это одна из причин, по которой они здесь, в них еще осталось хоть какое-то подобие дисциплины.

--- Ну и что ты подобрал для меня, Кейдж? --- спрашивает Полковник, медленно проходя вдоль шеренги и осматривая каждого по очереди.

Мы начинаем слева направо, с Торка. Он высок, хорошо сложен, красив и умен. Блондин с короткой стрижкой, его лицо начисто выбрито, а глаза горят. Он вытянут по струнке, ни один мускул на его лице не дергается, его взгляд устремлен строго прямо перед собой.

--- Бывший комиссар Торк, сэр, ---

представляю я его Полковнику, и он
вытаскивает, словно вспомнил что-то.

--- Достаточно необычно, я уверен, вы
согласитесь. Комиссар роты штурмовиков
Морк имел образцовое досье. Закончил
Схолу Прогениум с отличием. Десять раз
представляли к награде за храбрость.
После пяти кампаний, он провел три года
в Схоле Прогениум, обучая кадетов-
комиссар, после чего ему подписали
прошение о переводе в боевую часть. За все
это время был ранен семь раз, три раза
отказался от почетного увольнения из
армии и вернулся к обязанностям по
обучению. Вкратце, сэр, он --- настоящий
герой.

--- Тогда напомните мне, почему он
оказался военным заключенным,
лейтенант, --- кисло произносит Шеффер.

--- Комиссар и его рота штурмовиков
участвовала в ночной высадке во время
операции по подавлению мятежа на
Сеперии, --- говорю я Полковнику,
вытаскивая из памяти детали, которые
всю прошлую ночь вдвигал себе в голову,
--- атака прошла полностью успешно,

вражеский лагерь был разгромлен, все враги уничтожены, пленных не брали, как и было приказано. Проблема была в том, что это была не та цель. Какой-то картограф Департаменту перепутал координаты цели, и наш герой повел своих бойцов атаковать командный лагерь 25-ого полка Гоплитов. Они вырезали полностью весь штаб генерала.

--- Без потерь, должен указать, --- я улыбнулся Морку, который оставался таким же беспристрастным во время пересказа истории, --- дабы прикрыть свои шкуры, Департамент обвинил всю роту в неисполнении приказа, и их всех отправили в штрафные легионы. Вот тогда появились вы и перевели героя сюда. Настоящая ошибка, и возможно он единственный невинный боец во всей этой тюрьме.

--- Значит ты, должно быть, ненавидишь его, Кейдж, --- говорит Полковник, пристально глядя на меня.

--- Конечно, сэр, --- отвечаю я, сжав губы.

--- Тогда зачем выбрал его? ---

спрашивает он, обращая свое внимание на бывшего комиссара. --- Возможно тут такая-то месть?

--- Совсем нет, Полковник, --- со всей честностью отвечаю я, --- этот боец будет следовать вашим приказам буквально, не задавая вопросов. У него почти непревзойденный боевой опыт, дисциплина и вера. Он всецело предан Императору и сделает все, чтобы наша миссия была успешной. Я лично не выношу его, сэр, вы правы. Но если захочу, чтобы кто-то меня прикрывал, наш герой подойдет для этого лучше всех.

Полковник просто хмыкает и шагает к следующему в шеренге. Невысокий и жилистый, лысый, словно пушечное ядро, но с такой кустистой бородой, что кажется, будто кто-то глупо пошутил и перевернул его голову вверх ногами.

--- Ганс Айл, --- говорю я Полковнику, глядя на сияющую макушку низкорослого, так сторщенна из-за рваного шрама как раз над левым ухом.

--- Когда-то восемь лет оттрубил во звезде разведки, Айл здесь лучший скаут.

которого можно найти. У него есть действительный боевой опыт сражений в пустыне, лесах, джунглях и в городе. У него, кажется, ему уж чересчур нравится глупость. Дезертировал во время сражения на Табраке-2, ускользнул, пока находился в плену. Выживал на равнинах в течение двенадцати недель, прежде чем началось наступление остальной армии, и его поймали. Он находчив и доказал, что может действовать по своей инициативе.

— Есть еще другие причины, почему ты выбрал его? — спрашивает Шеффер, и его брови слегка нахмурились.

— Для миссии мне не нужен еще один дезертир, — подчеркивая, добавляет он, — ссылаясь на мои многочисленные попытки побега во время нашей последней службы.

— Что ж, сэр, причина в том, что он еще сильнее, чем я, ненавидит сидеть в камере и сделает все, чтобы выбраться, — объясняю я. Я слегка сомневаюсь, но думаю, что Айл захочет увидеть завершение миссии, вместо того чтобы снова свалиться в одиночку.

Конечно же, этого я не говорю

Полковнику. Шеффер еще раз сурово осматривает бойца и идет дальше.

--- Это Пол Регис, --- указываю я на следующего в шеренге. Они примерно с меня ростом и моей комплекции, чуть угрюбый в талии и лицом, у него бледная кожа и искривленный нос. Он самый нервный из всех, его глаза хлопают то на меня, то на Полковника, в них вспыхивают и сменяются страх и ненависть.

--- Наш друг Пол служил сержантом артиллеристом семь лет, у него обширный опыт осад и бомбардировки, --- продолжаю я, когда Полковник обращает взор своих голубых ледяных глаз на Региса.

--- Наш жадный сержант-артиллерист был пойман на грабеже рун улья Басшиман на Фландере, вопреки явным приказам капитана.

--- Мародер? --- с гримасой отвращения восклицает Полковник, его глаза все еще прикованы к Регису.

--- Он был приговорен к повешению, пока не вмешались вы, Полковник, --- подчеркиваю я, --- это еще не все, есть еще большие подозрения, что он виновен не

только в тародерстве. Некоторое могут
называть это открытым грабежом или
хуже, но нет никаких доказательств. Он
настоящий подонок, сэр, но я считаю, что
он выучил, насколько важно следовать
приказам.

Регис хрюкает и кивает, на
мгновение на лице Шеффера отражается
раздражение.

— Я разве говорил, что тебе можно
двигаться, Регис?! — в ответ ору я на
заклученного.

— Н-нет, сэр, — заикается он, в его
глазах горит паника.

— Значит, не шевелись! — рычу я,
раздраженный за этот цирк перед
Полковником. Если ты сейчас облажается,
то все будет раговаться гостеприимству
этой башни до конца наших жизней. А
этого я определенно не желаю. Я смотрю
на Полковника, дабы оценить его реакцию,
но он уже сфокусировался на следующем
бойце.

— Снайпер первого класса, Таня
Страдински, — оглашаю я, пока Полковник
ростатривает ее с ног до головы, его лицо

остаётся бесстрастной маской. На первый взгляд Таня неплоха, хотя с другой стороны я бы не сказал, что она милашка. Она коротко стрижена, черные волосы и мягкие коричневые глаза, полные губы и выступающие скулы. Она на несколько дюймов ниже меня, и с хорошей мускулистой фигурой, как и ожидается от солдата.

— Без сомнений, она лучший снайпер в этой тюрьме, а возможно и во всем секторе. Четыреста пятьдесят шесть подтвержденных убийств за девять лет службы. Выиграла тридцать восемь полковых и меж полковых медалей за стрельбу, еще награждена тремя медалями за действия во время службы. Она здесь за отказ стрелять во врага, она четырежды отказывалась, прежде чем ее осудили. Она была вовлечена в прискорбный инцидент, в котором домла сгорел королевский детский сад на Миносе, и погибли двадцать детей, включая отпрыска Имперского командующего. После проведенного Инквизицией расследования, с нее сняли все обвинения, но

с тех пор она не может стрелять, кроме как на стрельбище. Пусть это не введет вас в заблуждение, что с ней поступили жестоко. Есть подозрение, что она специально стреляла по этому детскому садику.

--- И ты привел мне снайпера, который отказывается стрелять? --- с сомнением спрашивает Полковник, выгнув дугой бровь. --- Что-то я не понимаю твоих мотивов, Кейдж.

--- Что ж, сэр, должно быть, вы не считали, что она может быть полезна, когда отсылали ее сюда в это сборище, --- подчеркиваю я, от моей безупречной логики Полковник сниксился, --- по крайней мере, она знает о стрельбе намного больше, чем кто-то из нас, к тому же у нее есть опыт обучения.

--- В любом случае, --- добавляю я, откидывая Таню самым суровым взглядом, --- я заставляю ее стрелять снова.

Выражение лица Шеффера остается сомневающимся, его глаза бьют меня несколько секунд. Я выдерживаю его пристальное внимание и спокойно смотрю

ему в глаза. Лишенная каких-либо эмоций маска, что обычно носит на лице Полковник, возвращается на свое место, и он делает шаг к Лодону Стрелли.

Если человек когда-либо может выглядеть ненадежным и хитроумным, то это Стрелли. Худой и с глиняными конечностями, словно его кроили по рисунку ребенка.

Даже его лицо глиняное, с острыми подбородком и высоким лбом, разделенное узким и глиняным носом. Он смотрит на меня прищуренными глазками и сжимает челюсть, оценивает меня, старается понять, что я за человек.

— Стрелли в команде в качестве пилота шаттла, если такой понадобится, — объясняю я Полковнику, — изначально пират с промысловых астероидов Санбастиана, пилот Стрелли осознал ошибочность своего пути, когда орки наводнили эту систему восемь лет тому назад. До сюда он служил пилотом шаттла, а затем позднее летчиком-истребителем "Грома". И уже в это время, несмотря на то, что он стал широко

известным и уважаемым летным асом, слишком увлекся разногласиями между Гвардией и Флотом, и обстрелял бронированную колонну пехоты, принадлежащую Бойцовым Кулакам с Тезуса. Полковник Кулаков Тезуса потребовал, чтобы Флот отдал Стрелли и, под их суд, где его должным образом признали виновным и приговорили к смерти через повешение.

Ваше вмешательство спасло его.

В этот раз Полковник ничего не говорит, он просто пристально и долго смотрит на Стрелли, словно пытается прищипить того взглядом к стене. Под упорным ледяным взглядом пилот чувствует себя неуютно и ерзает, я замечаю, как его длинные пальцы начинают нервно барабанить по бедру. Пока продолжается пристальное изучение Полковника, глаза Стрелли пялятся на дверь, мне кажется, он собирается туда кинуться.

В этот момент Полковник переводит свое внимание и шагает дальше. Стрелли бросает на меня недоуменные взгляды, его былая

самостоятельность исчезла. Я игнорирую его.

--- Следующий --- пехотинец Квидлон, бывший боец 18-ого полка с Нового Оплота, который очутился здесь благодаря тому, что неспособен обуздать свое любопытство и внять предупреждениям старших офицеров.

Первое что приходит в голову, когда смотришь на Квидлона --- "квадрат". Он невысок, широк, прямые плечи, огромная челюсть и плоская голова. Даже его уши почти квадратные. Вытянувшись по струнке, превосходно неподвижен, вы даже можете подумать, что это скульптура ученика, который еще не умеет придавать человеческой фигуре более гладкие черты.

--- Кажется, он не смог совладать со своей страстью к машинерии, --- спешно продолжаю я под подгоняющим взглядом Полковника и уводя свои мысли от странной внешности молодого солдата.

--- Несмотря на несколько жалоб от слуг Агентус Механикус и выговоры от его старших офицеров, Квидлон продолжил вносить несанкционированные изменения в оружие и машины своего танкового взвода.

Насытившись им, и мудро не желая
вступать в перепалки с техножрецами,
его вышестоящие офицеры в конечном
итоге обвинили его в неподчинении.

--- Почему ты не внял данным тебе
предупреждениям? --- спрашивает Квидлона
Полковник, он впервые с тех пор как вошел,
обращается напрямую к кому-то из
заключенных.

--- Я хочу знать, как все работает,
сэр, и мои изменения никому не принесли
вреда, они позволили оружию и
двигателям служить лучше, --- быстро
отвечает пехотинец, слова вылетают
короткими очередями, словно стабберные
выстрелы на полуавтомате.

--- Ну и как ты думаешь, за что ты
здесь оказался, боец? --- продолжает
спрашивать Полковник.

--- Здесь, сейчас, в этой шеренге с
остальными, с лейтенантом и вати, или в
тюрьме, сэр?

Когда мы встретились в первый раз, я
был удивлен тем, насколько он быстро
говорит, но вскоре осознал, что это от
того, что его мозг работает так же

быстро. Хотя это производит крайне неудачный эффект, заставляет любого стышленного человека выглядеть глупо, и я могу себе представить, почему на его таланты не обратили внимания другие, которые этого не осознали.

— В этом зале, в данный момент, — подтверждает Полковник, — с остальными заключенными.

— Что ж, сэр, я не знаю наверняка, почему я тут, но я могу рискнуть и предположить, учитывая все, что я слышал ранее и мою беседу с лейтенантом вчера, что возможно, я могу быть вам полезен, сэр, потому что умею чинить машины, — глядя на Шеффера, скороговоркой выналивает Квидлон.

— Можешь, — кивком соглашается Полковник, после чего делает еще пару шагов вдоль шеренги.

— Даже не представляю, какую гору вы свернули, чтобы достать этого, — говорю я, глядя на него. Мужчина кажется совершенно неприметным во всем. Средний рост, среднее телосложение, темнокоричневые волосы, серые глаза, обычное

лицо без каких-либо характерных черт. Его дело оказалось таким же образом странно коротким, да и эти крохи были несколько слутны. Но то, что было там, стало увлекательным чтивом. Ладно, хорошо, это было интересно слушать, но не в этом дело.

--- Ойнас Трост, бывший эксперт по саботажу и терроризму, --- оглашаю я Шефферу.

--- Я все еще эксперт, --- ворчит на меня Трост.

--- Я разве разрешал тебе открыть пасть? --- рычу я в ответ и наклоняюсь к нему. Его глаза встречаются с моими, и у меня по спине бежит дрожь. Они мертвы. Я имею ввиду, они абсолютно лишены эмоций, настолько пустые, словно нарисованные. Они говорят мне, что я могу гореть или истекать кровью до смерти, а он просто пройдет мимо и не удостоит вторым взглядом.

--- Испытай меня. И я покажу тебе, что такое хладнокровие, --- шепчу я ему в ухо, возвращая самообладание.

--- Этого я потню, --- говорит

Полковник, отогвизгает меня в сторону и
встает напротив Троста, -- этого я очень
хорошо помню. Трост, агент Оффисио
Сабаторум под прикрытием. Он, возможно,
убил людей больше, чем все в этой башне
вместе взятые, включая тебя и меня,
Кейдж. Я помню, что он ошибся и отравил
трех адмиралов и их семьи.

Трост все еще пытается подавить
меня взглядом, но я стою на своем. Если я
сейчас покажу слабость, он поймет это, и в
дальнейшем у меня будут проблемы с
сохранением своего авторитета.

-- Ну и кто последний? -- спрашивает
Полковник, указывая на последнего
мужчину в шеренге.

-- Это Питер Строниберг, полевой
хирург 21-ого полка Копоранской
Бронированной Конницы, сэр, -- говорю я
Шефферу, отрывая взгляд от Троста.
Хирург выглядит изможденным, темная
кожа, тонкие черные волосы и нервный тик
правого глаза. Он смотрит на Полковника
усталыми налитыми кровью глазами.

-- Во время кампании на Филипп
Секунда, он пристрастился к странному

коктейлю из стимуляторов и болеутоляющих по собственному рецепту. Это не только повлияло на его работу, к концу кампании он терял в пять раз больше пациентов, но он начал распространять свое вещество между солдатам в обмен на услуги и деньги.

— А ты думаешь, что этот его медицинский опыт окажется полезным в этой миссии? — насмешливо спрашивает Полковник. — Да он выглядит как ходячий мертвец, я бы не доверил ему даже открыть пузырек с лекарствами, а уж с гальванокаутером даже бы близко к себе не подпустил.

— Он здесь уже три года, Полковник, и из-за своей давней привязанности не может спать больше четырех часов за сутки, — объясняю я, — однако к удовольствию губернатора, он последний год работает доктором для заключенных.

— Хмhm, ну посмотрим, — рычит Полковник, бросив на меня взгляд.

Полковник сжимает руки за спиной и разворачивается на месте, шагает в центр комнаты перед собравшимися

рекрутати". Я подхожу туда же и становлюсь чуть позади и слева от него. Он еще пару раз рассматривает шеренгу, взвешивает у себя в уме достижения каждого. Я даже не уверен, он оценивает их, или меня за то, что я выбрал их.

--- Они все кажутся подходящими, Кейдж, --- тихо говорит он мне, не оборачиваясь, --- но мы посмотрим, кто из них пройдет финальное испытание, а кто провалит.

--- Финальное испытание, сэр? --- встревожено спрашиваю я. Я даже представить не могу, что у Полковника на уме, хотя считал, что уже все предусмотрел.

--- Меня зовут Полковник Шеффер, --- рявкает он, его сильный голос наполняет зал, --- я командующий офицер 13-ого Штрафного Легиона.

Он смотрит на меня секунду:

--- Как вы слышали, некоторые из вас называют его "Последним Шансом". Это я собрал вас всех в этой тюрьме и теперь стою здесь, чтобы предложить вам выбор. Мне нужны солдаты, бойцы как вы, чтобы

принять участие в опасном задании. Уверяд ли многие из вас, а возможно даже все вы, переживут эту миссию. Я подвергну вас самым безжалостным тренировкам, которые сможет изобрести лейтенант Кейдж, и ожидаю полного подчинения. В ответ на вашу преданность делу, я предлагаю вам полное прощение за совершенные преступления, по которым вас осудили. Переживете задание и будете свободны свободно заниматься тем, чем пожелаете. Не выживете, тогда будете прощены постерптно, дабы ваши души были очищены от ваших грехов, и вы могли вознестись и присоединиться к Императору.

— Помните, жизнь, проведенная не в служении Императору — вдвойне потерянная жизнь, как в этом мире, так и в том. Я так же напому вам, что вы все поклялись в верности и преданности Императору и Империи, который служит ему, и я еще раз предлагаю вам возможность исполнить эти клятвы.

Я смотрю на Полковника. Вот он стоит тут, прямой как шомпол, и

расслабленно держит руки за спиной. Я не вижу его лица, но помню, когда он последний раз произносил подобную речь для меня и примерно четырех тысяч других заключенных, где-то года три тому назад. Это не дословно та же самая речь, но я помню его лицо. Оно излучало уверенность и искренность, эти голубые глаза светились гордостью. Он и правда верит в то, что спасает в этом мире наши души от проклятья. А может быть так оно и есть. Мой старый друг Франк определенно в это верил, и после того, через что я прошел в "Последнем Шансе", я чертовски уверен, что заслужил для себя искупление.

--- Норк, --- говорит он, глядя на бывшего комиссара, --- ты пойдешь добровольцем на это задание?

--- Так точно, сэр! --- грохочет в ответ, и я представляю в этот момент, как комиссар шагает через бурю пуль и лазерных лучей, его команды словно трубный глас для солдат вокруг него. --- Для меня будет честью и привилегией снова служить Императору.

--- Айл, --- выкрикивает Полковник, --- ты пойдешь добровольцем на это задание?

--- Если это означает покинуть эту катеру, тогда да, согласен, --- отвечает мужчина и решительно кивает.

--- Регис, ты пойдешь добровольцем на это задание? --- спрашивает артиллериста Полковник. Регис колеблется, смотрит вдоль шеренги влево и вправо, а затем опять на Полковника.

--- Я не хочу умереть, --- бормочет он, глядя при этом в пол, --- я бы предпочел остаться здесь, сэр.

Я вижу, как Полковник напрягся, словно Регис только что оскорбил его мать или что-то в этом духе.

--- Я предлагаю тебе последний шанс, Регис, --- говорит Шеффер, его голос начинает утихать, верный признак того, что он зол, --- ты пойдешь добровольцем на это задание?

--- Катитесь в ад, фразгеры! --- отвечает Регис, его уныние внезапно превращается в ярость, и он кидается к болт-пистолету на ретне у Полковника. --- я нигуда не пойду с тобой, сумасшедший, я

нахрен убью вас всех!

Шеффер шагает ему навстречу и тыльной стороной руки бьет Регису в челюсть, одним ударом отправляет его на пол. Тот вскарабкивается на ноги и замыкается на Полковника, но я поспеваю первым и солидно впечатываю кулаком в нос, повсюду разлетаются брызги крови и, кувыркаясь, он снова летит на пол.

— Мне по-настоящему жаль это слышать, — торжественно отвечает Полковник, не двигаясь после атаки.

— Не вызвавшись добровольцем, ты доказал мне и Императору, что больше не являешься верным и полезным слугой. Твое присутствие в этом учреждении более не является необходимым. Властью данной мне, как командующему офицеру судебной власти Императора, твой приговор о заключении пересмотрен, — продолжает Полковник. На лице Регуса появляется улыбка. Когда Полковник отстегивает застегжку на кобуре болт-пистолета, улыбка угасает, на ее место приходит ужас.

— Тем самым я приговариваю тебя к

стерти, приговор привести в исполнение немедленно. Лейтенант Кейдж, исполните свой долг.

Он вытаскивает свой болт-пистолет и протягивает его мне. Я ощущаю в руке его тяжесть, от него пахнет свежей оружейной смазкой. Впервые за месяцы я держу в руках оружие, и его вес придает мне уверенности.

--- Не двигайся и все будет быстро, --- говорю я Регису, целясь в голову. Регис игнорирует меня и вскакивает на ноги, несется к двери в зал. Я провожу его дулом, но вмешивается Трост и валит того на землю. Они двое катаются там, дерутся и обмениваются короткими, злыми ударами. Регис пытается вырваться. Я вмешиваюсь и бью рукояткой пистолета Регису в лоб, ошеломя его. Оттолкнув Троста в сторону, я ставлю ногу Регису на глотку, припиливая его к месту. Он еще некоторое время пытается сопротивляться, выкрикивает в мой адрес угрозы, после чего обмякает. По его лицу струятся слезы, по его серой рубашке в районе промежности расплзается темное пятно.

— Прими свое наказание как солдат, —
— шикаю я на него с отвлращением, и
прицеливаюсь в левый глаз. Одно мягкое
нажатие на спусковой крючок и все, хлопок
детонации болта эхом отдает от стен,
когда разрывной снаряд разносит череп
Регуса на части и пачкает мои ноги
кровью и осколками кости. Я делаю шаг
назад, пистолет слегка еще дымится, и
смотрю на остальных. Квидлон выглядит
ошеломленным, на лице Стрелли свирепая
ухмылка, Морк все еще стоит по струнке,
глаза смотрят прямо перед собой. Лица
остальных ничего не выражают. Смерть
для них не нова. Хорошо, потому что до
того как миссия завершится, они увидят
гораздо больше трупов.

Я возвращаю пистолет Полковнику и
орю остальным построиться. Шеффер
продолжает, словно только что вообще
ничего не произошло, по очереди
спрашивает остальных, вызовутся ли они
добровольцами на задание. Они все
отвечают — да.

ПОТРЕСКИВАЮЩИЙ на решетке

костер сверкает искрами, когда обитатель комнаты подбрасывает еще одно полено в огонь. Потирая руки, он возвращается к низкому кожаному креслу в стороне от камина. Он худощав, щурит глаза, его темные волосы прилизаны назад, а подбородок украшает превосходно ухоженная борода. На нем плотная рубашка из темно-синей шерсти, воротник на шее завязан золотым шнуром, ерзая, он сидит и ждет. Он вытянул свои глиняные ноги перед собой, на них обтягивающие брюки из того же материала, что и рубашка. Он заинтересованно осматривает комнату, красные лакированные панели на стенах и книжную полку до потолка, которая тянется на несколько метров вдоль всей длины одной из стен. В футляре, очевидно вырезанном из слоновой кости, стоят часы, их методичное тиканье перебивает шум камина. Опять вернув свое внимание к книжной полке, мужчина встает и медленно подходит к ней, дабы исследовать собранные тома. Он пробегаются пальцами по корешкам,

склонив голову на бок, чтобы прочитать названия.

В этот момент со щелчком замка дверь позади него открывается. Разворачиваясь, он приветствует вошедшего улыбкой. Другой мужчина значительно старше, его лицо сморщено, словно смятый пергамент, но его глаза до сих пор чистые и ясные. От его прически осталось только несколько завитков седых волос, и он тяжело опирается на трость для ходьбы.

--- Гестимор, так много прошло времени с последней нашей встречи, --- говорит молодой и делает шаг вперед, после чего ласково кладет руку на плечо старику.

--- Так и есть, --- коротко отвечает Гестимор, его голос тверд и силен. --- Я боюсь, что мы оба больше уделяем внимание нашему долгу, чем дружбе.

--- Но-другому быть не может, --- буднично отвечает посетитель, помогая престарелому сесть в кресле.

--- Давай, присаживайся и мы поговорим.

Молодой берет стул с прямой спинкой из-за рабочего стола и присаживается напротив Гестимора. Наклоняется вперед, кладет руки на колени, и сжимает их.

— Ты выглядишь еще старше, чем я мог представить, — печально произносит он.

— Да, Люций, я стар, — соглашается Гестимор, медленно кивая, — но у меня осталась еще пара славных лет, и мой разум все еще острый как никогда.

Иллюстрируя, он постукивает себя по голове.

— Зачем вы подчинились этому? Вы же знаете, что существуют лекарства против старения, — спрашивает Люций.

— Быть человеком, означает быть смертным, — философски отвечает престарелый мужчина, — отрицать это, значит думать о бессмертии, а это область только благословенного Императора. Ну, или для Темных Сил, которых мы боимся. Отринуть свою смертность для меня, все равно, что отринуть все человеческое, за что я так упорно сражался, дабы защитить

остальных.

Несколько минут оба сидят в полном молчании, приятное молчание, которое возможно только по прошествии многих лет дружбы. Первым его нарушает Гестимор, отвлекаясь от пламени в камине и взглянув на Люция.

--- Ты пересек семь секторов не заметишь, чтобы спросить о моем здравии, --- подчеркивает он, его лицо делается серьезным.

--- Ты получил посланные мной данные? --- спросил Люций, откидываясь назад, с деловым выражением лица.

--- Да, и скажу, что ты играешь с огнем, --- серьезно ответил Гестимор, --- но ты все равно получишь от меня любую помощь.

--- Больше чем что-либо, я нуждаюсь в совете, старый друг, --- объяснил Люций.

--- Ты прав, твое предприятие рискованно, но потенциальная награда стоит опасностей. При этом я бы предпочел заручиться поддержкой более существенной, чем есть сейчас. Мне нужно действовать быстро, резко и решительно.

и я не уверен, что люди, которые есть у
меня, подходят по требованиям.

--- Ах, это просто, --- Гестимор
отмахнулся от обеспокоенности своего
товарища взмахом руки с разбѣхшими
венами, --- обратись к старым клятвам,
погнати еще раз братство.

--- Такое не просто, --- ответил Люций
осторожно, --- братство нужно
использовать только в экстренных
случаях. Кроме того, увиливания и
ухищрения как всегда мое оружье.

--- Если тебе нужно их
вмешательство, значит, время для
хитростей и интриг давно прошло, ---
возразил Гестимор, поглаживая свою
лысую макушку рукой, --- возьми только
одного брата. Для поддержки, как ты
сказал.

--- Я подумаю над твоим советом, ---
задумчиво ответил Люций, глядя в платя
и вспоминая минувшие сражения.

Глава третья

Лавры славы

+++ Цель в неведении и действует без раздумий. Они полностью доверяют нам. +++

+++ Опасайтесь недооценивать их. Они должны остаться в неведении относительно наших планов. +++

--- Ваши дополнительные тренировки начинаются сей же час, --- провозглашает Полковник, пока мы грузимся в шаттл, когда шли по мостику, вокруг посадочной площадки был ветер.

--- В мое отсутствие вся полномочия власти переходит к лейтенанту Кейджу. Вы должны в точности исполнять то, что он прикажет. Ваши жизни будут зависеть от поддерживаемой вами дисциплины и обучения всему, чему вы сможете научить друг друга.

Интерьер шаттла намного лучше по сравнению с тем, к чему я привык. Вместо

длинные деревянные скамейки в главном отсеке индивидуальные кресла, вдоль центрального прохода шесть рядов по три кресла с каждой стороны. Они обиты черной кожей, похожие на подушки, подголовники, толстые ремни безопасности с позолоченными застежками, в общем, эти богатые кресла явно для комфорта более важных слуг Императора, чем мы. И все же, в данный момент они наши, я сажусь в одно из них в самом конце, наслаждаюсь ощущениями после пяти месяцев кандалов, прибитых к стенам. К моему удивлению, ко мне подходит Полковник и садится рядом.

--- Ты понимаешь свое положение, Кейдж? --- спрашивает он, пристегивая себя ремнями безопасности.

--- Думаю да, сэр, --- отвечаю я после секундного размышления, --- я должен превратить эту кучку отбросов в боевой отряд.

--- Я имею в виду другое, что я только один раз предлагаю последний шанс, --- говорит Шеффер, --- и ты уже его потратил. В этот раз никакого тебе

прощения.

Я что-то такое подозревал, но все равно услышать такое прямолинейное начало, словно удар по голове. Значит, вот так. Нет прощения и нет конца сражениям, за исключением смерти.

Я удивлен своими собственными чувствами, когда понимаю, что необыкновенно спокоен. У меня вообще причудливое ощущение отстраненности, как будто кто-то другой контролирует мою жизнь. Это действительно странное ощущение, его сложно объяснить. Я всю свою жизнь сражался против всего. Дрался, чтобы свалить из ульев Олимпа. Дрался со скуки на Стигии, и все завершилось Последним Шансом. Я воевал два с половиной года, чтобы сбежать от Полковника и смерти, я был уверен, что она меня ждет. Я сражался с ощущением вины и депрессией от того, что остался единственным выжившим в Коританоруме, и увы, этот бой проиграл. А последние шесть месяцев дрался, чтобы свалить из тюрьмы и против всё возрастающего безумия, которое из-за всех этих сражений

начало заполнять мою голову.

В последний раз я осознал вот что: даже если я свободен, то все равно буду драться. Я просто не умею ничего другого. Если хотите, такова моя судьба, таково предназначение. Возможно, в планах Императора мне отведена роль бойца, до тех пор, пока не умру. Может быть, это все, что я могу предложить Емү.

Именно это открытие поразило меня, удивило, почему-то это мне раньше в голову не приходило. Вот почему я здесь, вот почему Полковник выбрал меня и почему я выжил, когда тысячи других умерли. Я сражаюсь. Вот что я делаю. Возможно, у меня был шанс изменить все это, но Полковник сделал все так, что этого никогда не случится, он заставил меня пройти через два с половиной года постоянной кровавой бани и сражений. Я превратился в его создание. Теперь я действительно ублюдок по немү.

— Я понимаю, сэр, — говорю я Шефферу, глядя на сидение перед собой. О да, я точно понимаю, что он сделал со мной, во что он меня превратил. Как я и

говорил, учитывая, что я все могу изменить. Но теперь мой последний шанс -- попытаться выжить, а не жить нормальной жизнью. Благодаря Шефферу это существование теперь единственное, что мне осталось.

-- Хорошо, -- коротко отвечает он и откидывает голову на спинку.

-- Только есть кое-что еще, Полковник, -- говорю я сквозь сжатые губы.

Он смотрит на меня, скосив глаза.

-- Я ненавижу вас за то, что вы сделали со мной. И однажды я убью вас за это.

-- Но не сегодня, Кейдж, -- отвечает он мне с трачной ухмылкой, -- не сегодня...

-- Нет, сэр, не сегодня, -- соглашаюсь я, тоже откидывая голову. Закрываю глаза, и пока мой разум уплывает в сон, представляю, как мои руки сжимают его горло.

ДНЕВНОЙ цикл начинается с того, что в моей комнате включаются светополосы. Я вскакиваю со своей койки и быстро одеваюсь, натягиваю новую

униформу. Пройдя через дверь, что соединяет мою комнатку со спальней группы, я вижу, что большинство из них все еще спит, только Строниберг смотрит на меня.

— Поднимайтесь, вы, ленивые, толстые, никчемные куски сточного дерьма! — ору я на них, прохожу вдоль комнат и пинаю их койки. — вы вроде как солдаты, а не дети!

— Отвали, солдатик, — рычит Стрелли, вскакивает со своей кровати и встает на ноги передо мной, — ты, может быть, и думаешь что главный, раз Полковник так сказал, но еще раз толкнешь меня и я выбью [censored] из тебя всю дурь, — я слышу, как сзади ко мне подходит Трост, слегка разворачиваюсь и делаю шаг назад, чтобы держать его и пилота на виду.

— Я согласен с флотским, — хрипло говорит Трост, его мертвые глаза смотрят на меня, — ты знаешь, скольких я убил? Да я даже не моргну, добавляя тебя в список.

Я ничего не говорю, сохраняю

безразличное выражение лица. Я смотрю на других. Морк игнорирует меня, стоя спиной ко мне, он натягивает свои парестантские обноски. Таня сидит на краешке своей койки, болтает ногами, она явно не спит, но и не встанет на мою сторону. Квидлон выглядит несколько смущенным, его глаза бегают между мной, Стрелли и Тростом, пытается решить на какой он стороне. Если у него есть хоть капелька разума, он прилжнет ко мне. Айл все еще лежит на кровати, закинув руки за голову, тупо смотрит в потолок и притворяется, что ничего не происходит.

Я наконец-то перевожу взгляд обратно на Стрелли.

--- Думаю, вам тут не много не хватает дисциплины, --- говорю я ему, скрестив руки на груди.

--- И что ты сделаешь? --- настежается он. --- Наденешь на нас ошейники с взрывчаткой?

--- Мне они не понадобятся, --- тихо отвечаю я. Он фыркает, и ровно через мгновение мой кулак врезается в его лицо. Вылетает выбитый зуб, Стрелли падает

на одну из металлических стоек кровати. Словно молния я разворачиваюсь к Тросту, который стоит с ошеломленным выражением лица, оно меняется на агонию, когда мой ботинок врежется ему пах, он кулет падает на пол.

--- Можно было обойтись и без этого, --- говорю я им всем, пока Трост корчится на полу, а Стрелли поднимается на ноги и пятится от меня. --- Теперь вы штрафники "Последнего шанса". А это означает, что вы самые худшие отбросы в галактике. И вы еще пожалеете о том, что не сдохли. И так же это означает, что если вы попробуете перечить мне, я порву вас на таленькие кусочки, а их выкину в воздушный шлюз. И если кто-то из вас думает, что может грохнуть меня, тогда, пожалуйста, валяйте. Но уж будьте добры, сделайте все хорошо, потому что если я выживу, то вам крупно не повезет.

--- ЧТО ЭТО ТАКОЕ? --- спрашиваю я Строниберга, поднимая свой нож к его лицу. Сегодня первый день настоящих тренировок на борту "Лавров славы".

Превосходное судно, это уж точно. Специально построенное для штурмовиков, как проинформировал меня Полковник, "Лавры славы" имеют на борту все, что можно пожелать. В данный момент мы стоим в одном из тренировочных ангаров. На корабле их четырнадцать, каждый из них построен так, чтобы представлять различные боевые условия, а обслуживает их настоящая армия техножрецов. Тут есть и джунглевый ангар, городской, пустынный, ночного мира, различные стрельбища, тренировочные квадранты, в одном из них есть даже пляж. На самолете я еще не видел их всех, так что мне вроде как любопытно посмотреть, как они организовали джунгли на космическом корабле. Они сделали деревья из досок? Но лучше всего тут оружейная, со всем этим добром можно целый улей захватить, там покоится такой набор смертоносного вооружения, что у меня аж руки зудят, заполучить его. Но это будет позже, а сейчас мы начинаем с основ.

— Это нож, — прямо отвечаю я, он тупо смотрит в ответ.

--- Какое у меня звание, рядовой Строниберг? --- гребезжу я.

--- Вы лейтенант, --- быстро отвечает он, --- то есть, вы --- лейтенант, сэр.

--- Так-то лучше, --- говорю я, делая шаг назад и размахивая перед ним ножом.

--- Что это такое?

--- Это нож, сэр, --- резко отвечает он.

--- Неправильно! --- рявкаю я.

--- Что это такое?

--- Я не понимаю, сэр... --- В замешательстве отвечает он, глядя на остальных собравшихся вокруг меня. Мы стоим в ангаре для упражнений, огромное открытое пространство для бега, тренировок ближнего боя, лазанья по канату и все такое. И мы в середине зала, а остальные вокруг меня. Я поднимаю нож над головой и медленно поворачиваюсь, глядя на каждого из них.

--- Вы можете мне сказать, что это такое? --- спрашиваю я их, вращая нож между пальцев.

--- Это боевой нож стандартной модели, выполненный по шаблону Церватес, сэр, --- отвечает Квидлон, --- стандартное

боевое вооружение ближнего боя для многих полков Имперской Гвардии, выкованное на мифри-кузнице Церватес.

--- Это все, утник? --- спрашиваю я, нахмурился, глядя на нож. --- Я подозреваю, что ты можешь рассказать мне много интересных вещей об этом ноже, не так ли?

--- Об этом конкретном ноже, сэр, или об этом типе ножей? --- невинно спрашивает он.

--- Что? --- отвечаю я, заводясь. --- Кровь Императоры, ты слишком много думаешь, Квидлон.

Я делаю паузу, дабы снова собраться с мыслями, закрываю глаза и пытаюсь изгнать Квидлона из головы. Глубоко вдохнув, я открываю глаза и снова осматриваю окружающих. Некоторые из них обмениваются взглядами друг с другом. Тростю скучно, он стоит, скрестив руки, и пялится в потолок.

--- В руках я держу не нож, --- равняю я на них, мой голос звенит, отражаясь от дальних переборок тренировочного ангара, --- в своих руках я держу оружие.

Единственное назначение оружия ---
калечить и убивать. Это смерть воина.

Теперь они смотрят на меня более
заинтересованно, заинтригованы, куда я
далее поведу речь.

--- Эй, Трост, для чего нужно оружие?
--- Являю я на саботажника, который все
еще осматривает зал.

--- Мм? --- он смотрит на меня. ---
Назначение оружия --- калечить и убивать.
Сэр.

Его голос спокоен, лишен эмоций, а
выражение лица сложно определить.

--- О чем, мать твою, ты так
интересном размышляешь, если считаешь,
что можешь игнорировать меня, рядовой
Трост? --- ору я на него, бросаю нож и иду к
нему. --- Тебе со мной скучно, Трост?

--- Я рассчитываю, сколько
термических зарядов необходимо, чтобы
взорвать одну из этих переборок, ---
отвечает он, наконец-то глядя на меня.

--- Да ты у нас настоящий подрывник,
да? --- говорю я, наседаю на Троста. Он
фыркает в ответ. Мой кулак врежется в
его челюсть еще даже до того, как он

сознает, что я взмахнул рукой, удар
шибает его с ног. Он пытается
преодолеть следующий удар,
размахивая руками, тогда я хватаю его
левое запястье обеими руками и
выворачиваю вперед, утыкая его носом в
пол. Ставлю на его плечо ногу и
выворачиваю руку, сустав выстреливает,
словно пробка из бутылки, Трост ругается
сквозь сжатые губы.

--- Твои терпические заряды не особенно
помогли, не так ли, подрывник? Теперь
попытайся установить хоть одну бомбу, ---
я отступаю, позволяя его вывихнутой руке
упасть на пол. Издавая стоны и бросая на
меня убийственные взгляды, он помогает
себе здоровой рукой и встает на колени.

--- Строниберг, разберись с этим, ---
говорю я хирургу, указывая на Троста,
который баюкает свое поврежденное плечо,
его лицо искажено от боли.

--- Будет больно, --- предупреждает
медик Троста, сильно стискивает его руку
и дергает. С отчетливым щелчком
сустав встает на место, мужчина вопит
от боли.

--- Уменно так, и все бѣдут
внимательно слушать то, что я говорю,
всем понятно? --- спрашивая я
отважившихся встретиться с моим
взглядом. Строниберг помогает Тросту
встать на ноги, после чего снова занимает
свое место в кругу.

--- Мне до фрага, выживете вы или
нет, в этом бѣдѣ уверены. Меня волнует
только собственное выживание, и это
означает, что я должен положиться на
отребье вроде вас. Если Полковник
посчитает, что кто-то из вас не
подчиняется, он и глазом не моргнет ---
выпустит болт в любого из вас, так что
лучше вам проявить заинтересованность.
Слушаете меня, и мы все остается живы.
Игнорируете меня, и нас всех отфракуют.

Айл поднимает руку, и я киваю ему,
разрешая обратиться.

--- Да кто вы нахрен такой, сэр? ---
спрашивает он.

--- Я человек, которого Полковник
протащил через десяток различных кругов
ада, и выжил после этого, --- медленно
отвечаю я, жестами показывая остальным

собраться передо мной, чтобы мне не приходилось постоянно поворачиваться, --- я человек, который помог Полковнику убить три миллиона душ. Я единственный выживший из четырех тысяч, погибших на поле боя. Я убивал спящих. Я стрелял в них. Тыкал ножом. Сражался с ними. Да я даже голыми руками забивал людей до смерти. Я сражался с тиранидами и орками, маршировал по иссушающим пустыням и протерзанным пустошам. Я почти умер шесть раз. Несколько раз меня пытались убить мои собственные бойцы. Я сражался с такими тварями, о существовании которых вы даже не подозреваете. И я убил их всех.

Каждое слово было правдой, и они видят это по моим глазам, даже Трост, который впервые проявляет признак хоть какой-то эмоции --- какой-то отблеск уважения.

--- Но все это неважно, --- продолжаю я, прохаживаясь туда-сюда перед ними, и глядя на каждого по очереди. --- Я лейтенант Кейдж, ваш офицер-инструктор. Я сделаю все, что, для

захочу, и с любым, с кем, тля, захочу, когда
и как, мать вашу, захочу. И во всем
огромном царстве Императора нет
ничего, чтобы вы могли сделать или
сказать, дабы остановить меня. Это
будет худшим, самым худшим временем в
вашей жизни. Но, как и говорил Полковник,
если вы хотите получить прощение не
постертно, и уйти свободным, тогда вам
нужно слушать то, что я говорю и делать
в точности то, что я вам прикажу. И если
один из вас оплошает, я вздрючу вас всех.

Я оставляю их на некоторое время
поразмышлять над этой речью, подбираю
нож и иду к дальнему концу
тренировочного зала. Я улыбаюсь сам себе.
Как я однажды и говорил, из меня вышел бы
отличный инструктор, если бы не мой
терзкий темперамент. И вот я тут
выясняю, что мой паршивый нрав,
оказывается, лучшее оружие в арсенале. Ну
и знание о том, что моя собственная
жизнь зависит от тренировок этих
губоголовых на радость Полковнику.

Я оглядываюсь на них и слышу, что
они переговариваются меж собой.

Предстоит еще долгий путь, прежде чем они станут боевой командой, но их сплотит взаимная ненависть ко мне. Ну, в любом случае я так планирую. Со мной это сработало. Моя ненависть к Полковнику и ко всему, что он представляет собой, наполняет меня решимостью выжить. Я на самом деле дам им возможность выступить против меня, чтобы доказать, насколько они на самом деле слабы. Я сломаю каждого из них и соберу вместе, и честно говоря, я буду наслаждаться каждой минутой. Почему? Потому что кроме настоящего сражения, в моей жизни осталась только одна вещь, которая приносит удовольствие.

Стою на месте, играюсь ножом в руках и смотрю на них. Они все ветераны, они считают себя особенными. Это иллюзия. Я видел новобранцев, которые шли в бой с честью, в то время как ветеранов кампаний разрывало на части или они ломались и плакали. Их время службы для меня ничего не значит, мне плевать насколько они хорошо думают о

себе, плевать, на что они способны по их
мнению. Я видел людей, которые
подходили к границам своей вменяемости
и выносливости. Я был одним из таких.
Полковник сказал, что у меня примерно
два месяца для работы с ними. Два месяца,
чтобы превратить их в боевую силу,
которую он хотел бы повести в сражение.

И это странно. Почему тогда
Полковник доверил это мне? Зачем тогда
он запикивал меня в Винкларум с
остальными, чтобы потом снова
вытащить, словно старый меч, что отец
передает сыну? Такая тенденция
появилась, когда он поставил меня во
главе, как раз перед Ложной Надеждой и
ужасом бога-растения. Но, даже
возвращаясь назад, у него было на уме что-
то такое? Уверен — он знал, что я буду
снова сражаться за него, если переживу
Коританорум. И тот факт, что он так
быстро поймал меня, доказывает это.

Мысленно я даю себе пощечину. Все
эти мысли и размышления — синдром
заключения, что ты оставил позади. И у
меня нет времени околачивать грюши и

размышлять. Мне нужно работать. Я осознаю, что тоже собираюсь тренироваться вместе с ними. Шесть месяцев в камере отточили мою философию, но никоим образом не помогли в боевой подготовке. Лениво перекидывая нож из руки в руку, возвращаюсь к группе.

--- Каково назначение солдата? ---
выкрикиваю я по мере приближения. Они пожимают плечами и мотают головой.

--- Следовать приказам и сражаться за Императора, сэр? --- предполагает Айл, он поднял руку как ученик.

--- Очень близко, --- соглашаюсь я, глядя на нож, после чего перевожу взгляд на него, --- назначение солдата --- убивать для Императора. Любой дурак может драться, но настоящие солдаты убивают. Они убивают любого, кого приказали, и каждый раз, когда приказали. Сражения не выигрываются драками, они выигрываются убийствами. Враг, который может драться с тобой --- не проблема. Враг, который может убить тебя --- вот угроза. Кто из вас претендует на то, что он солдат?

--- Я убил больше человек, чем можно сосчитать. Сэр. --- Трост делает шаг вперед. --- Согласно вашим рассуждениям, это делает меня солдатом.

--- Как ты убил их? --- спрашиваю я, нож вращается вокруг своей оси, стоя рукояткой на моем указательном пальце.

--- Ты зарезал кого-нибудь из них?

--- Нет, я никогда не резал человека, --- признается он, --- я использовал взрывчатку, газ и яд. Если бы мне пришлось драться лицом к лицу, это было бы означало, что я раскрыт, и мое задание провалилось. А я никогда не срывал миссии.

--- Ну, я уверен, что те три адмирала высоко ценили тебя, пока сдыхали, --- устехаюсь я.

--- Миссия все равно была завершена. Обычно позволительно иметь несколько сопутствующих смертей, --- хладнокровно заявляет он. Я фокусирую свое внимание на Стрелли и указываю на него ножом:

--- А ты солдат, летный мальчик? --- спрашиваю я. Он открывает свой рот, дабы ответить, но в этот момент я стремительно разворачиваюсь и швыряю

нож в левую ступню Троста, прищипливаю ее к полу. Он визжит и падает на пол. Схватившись за нож обеими руками, он выдерживает его и с лязгом роняет на пол в лужицу крови.

--- Подрывник, ты снова забыл добавить "сэр", если так будет продолжаться дальше, я сделаю с тобой кое-что похуже! --- рычу я на Троста.

--- Ну, Стрелли? --- спрашиваю я, оборачиваясь обратно к пилоту. --- Ты солдат?

--- По вашему определению --- нет, сэр, --- отвечает он мне, глядя как на полу, обхватив руками кровоточащую ступню, корчится Трост, --- я летал на шаттлах и истребителях, я никогда не дрался лицом к лицу с врагом.

--- А теперь ты хочешь стать солдатом, летный мальчик? --- бросаю я вызов.

--- Не с вати, сэр, --- дерзко улыбаясь, отвечает он, --- вы порежете меня на кусочки.

--- Да, порежу, --- с трачной улыбкой уверяю я его.

— Сэр? — я слышу, как справа от меня подал голос Строниберг. Я не поворачиваюсь, уже знаю, что он собирается спросить.

— Никого нельзя лечить, пока я не прикажу, — отвечаю я, все еще глядя на Стрелли. Слышу рык и топот ног, после чего резко уклоняюсь влево. Тростник опускает нож мне в голову, но я ловлю лезвие на левое предплечье и отражаю выпад. Пока он валится, потеряв равновесие, я правой ногой бью его по левому колену, подцепляю ногу, и он врежется в пол.

— На твоем месте, я бы подождал, пока не научу тебя подобающим образом обращаться с ножом, прежде чем снова пытаться, — говорю я ему, вытаскивая клинок из его залитых кровью пальцев. Остальные пристально смотрят на меня. Точнее на мою руку. Кровь капает с кончиков пальцев на чистый деревянный настил пола. Я осматриваю рану. Неглубокая, всего лишь порезало кожу.

— Сегодня пролилось больше крови, чем вы увидите в последующие два месяца.

с вати я буду чуть осторожнее, — говорю я
им с ухмылкой, — а на сегодня теории
достаточно. Теперь я собираюсь показать
вам, как солдат использует нож.

Я **ПРОВЕЛ** остаток недели, обучая
их ножевому бою. Нормальному ножевому
бою, в стиле улья, включая все грязные
приемы, что я так тяжело постигал за
прошедшие годы. Мы все получили
достаточно синяков и порезов, но я не
позволял никому уходить в лазарет до
конца дня. Каждое утро после завтрака я
читал им проповедь, что такое быть
солдатом. В один день — насчет того, как
следовать приказам. В следующий — о
сущи победы. Я рассказал им о работе в
команде и доверии. В остальное время я
потчевал их рассказами о том, как
использовать страх в виде оружия.

В моей учебе не было какого-то
плана, я просто рассказывал им все, что
приходило на ум вечером перед
тренировками, пока я лежал на своей
маленькой койке в офицерской комнате,
смежной с их общей спальней. И все, что я

рассказывал, было истинной правдой, но
найти слова, чтобы объяснить это ил
было сложно. Как можно научить их чему-
то, что я понял сам для себя?

У меня не было сомнений, что
сказанное мной было столь же важно, как и
ножевой бой, снайперская стрельба,
выживание в глуши, техники маскировки,
ориентирование и все остальное, чем ил
можно было набить голову, но я никак пока
не мог подобрать слова. Сижу на своей
койке в конце первой недели и пытаюсь
собрать все воедино, понять, что
конкретно ил нужно знать, если они
собираются выжить. В моей собственной
маленькой комнатке только койка и
маленький шкафчик, я чувствую себя так,
словно поменял одну камеру на другую. Из-
за двери я слышу стех, и мое сердце ухает.
В этот раз я не один из них. Я офицер не
только в звании. И не могу просто так
уесться с ними и травить байки. Они мне
не друзья.

И вот я сгорбился и желаю больше
всего на свете, чтобы Ганно или Франк
все еще оставались в живых. А еще лучше,

чтобы Лори не летала перлом по Тифон
Прайм. Сейчас это все уже кажется мне
нереальным, как будто все было сном или
что-то в этом духе, а я только что
проснулся в этой кровати, наполовину
потня произошедшее. Почему я оказался
единственным выжившим? Что во мне
есть такого, что я могу передать
остальным, дабы они, возможно, тоже
выжили?

И вместе с этим мне в голову
приходит ответ, и я почти ударяюсь
головой в стену, когда вскакиваю. Это
больше чем простая решимость, больше
чем мастерство и удача. Вы можете
сказать, что у каждого своя судьба, но я
думаю, что рассуждать так ---
неправильно. Вопрос не в том, почему я
выжил, а в том, почему они нет. Потому
что они по-настоящему не хотели. Не так
сильно, как я. Я еще ни разу искренне не
думал, что умру. Никогда на самом деле
не верил, что кто-либо может убить меня.
За исключением, пожалуй, тиранид, но
даже ил этого не удалось.

Император помогает тем, кто

помогает сам себе, говорил мне один старик. Все, что я так усиленно обдумывал, начало складываться. Вопрос не в том, чтобы создать команду, обучить солдат, повысить их навыки. Дело в том, чтобы дать каждому из них нерушимую веру в себя, подобную моей. Считаю, что сегодня ночь откровений, потому что именно в этом я нахожу ответ, почему Полковник прошел через самые кровавые сражения в галактике и не получил ни царапины. Потому что у него веры в себя даже еще больше, чем у меня. Она защищает его почти как щит. Единственная проблема остается в том, как мне убедить остальных создать себе собственные щиты, заставить их думать, что они неуязвимы?

В моей голове начинается формироваться план.

СЛЕДУЮЩИМ утром я появляюсь в столовой со стопкой серо-черной униформы в руках. Пока остальные валялись в кроватях прошлой ночью, я сгонял в кладовую со специальным запросом. Зал

столовой около тридцати метров в длину, пятнадцать в ширину, тут шесть огромных столов, двѣ рядами вдоль стен. Голый некрашеный металл стен отполирован и чист, результат вчерашнего командного труда, только после этого я позволил им отужинать.

Потому что дисциплина это не только спокойствие под обстрелом, или подчинение приказам, но и еще способность исполнять монотонную паршивую работу и все еще оставаться настороже. Ну, как стоять в карауле или убираться в столовой.

--- Стройся! --- ору я, и они вскакивают на ноги, расслабленно занимают свои места рядом с глинной скамьей.

--- Этим утром я покажу вам кое-что другое, --- провозглашаю я и кладу униформу на край стола, --- вам не стать настоящим солдатом, пока вы думаете не как настоящий солдат. Вы не начнете думать как настоящий солдат, пока не поймете, что означает быть настоящим солдатом. Вы не поймете всего этого, пока вы думаете, что являетесь кем-то

другим. Логический вывод из сказанного: пока вы считаете себя кем-то другим, то вы никогда не станете настоящим солдатом.

Они ошеломленно смотрят на меня. Я не ожидал, что они поймут, потому что мне самому в голову это пришло только вчера ночью. Я смотрю на именная табличку на нагрудном кармане первой униформы.

--- Кто ты? --- спрашиваю я, указывая на Страдински.

--- Таня Страдински, сэр, --- отвечает она, вытянувшись по струнке.

--- Нет, не верно, --- говорю я ей, качая головой, и забираю верхнюю униформу.

--- Кто ты?

Прежде чем ответить, она думает секунду:

--- Рядовая Страдински, 13-ый Штрафной Легион "Последний шанс", сэр, --- вываливает она и смотрит с триумфом в глаза.

--- Хорошая попытка, но все еще неверно, --- говорю я и смотрю на остальных, --- настоящий солдат не знает об этом, из-за своего имени.

--- Ты, --- говорю я, указываю на Морка,
--- как настоящему солдату узнать, кто он
такой?

--- Я не знаю, сэр, --- гавкает он в
ответ и вытягивается.

--- Кто-нибудь может мне сказать,
откуда истинный воин знает, что он
настоящий солдат? --- пока я говорю, я
обвожу их взглядом.

--- Только осознав свое предназначение
в глазах Императора, лейтенант Кейдж! ---
словно удар грома, раздается голос сзади
меня, привлекая все наше внимание.
Полковник широкими шагами подходит ко
мне, его взгляд прикован к униформе за
моим плечом.

--- Я прав, лейтенант Кейдж?

--- Да, Полковник, --- отвечаю я.

Его ледяные голубые глаза
встречаются с моими и на секунду
задерживаются. Он одобряюще кивает.

--- Продолжайте, лейтенант Кейдж, ---
говорит он мне, отходя обратно на пару
шагов. У себя в голове я стараюсь
игнорировать его присутствие,
проигрываю последнюю минуту, чтобы

найти место в маленьком воображаемом сценарии, что я набросал вчера ночью вместо сна.

--- Настоящий солдат не знает, что его так называют, откуда он родом или даже за кого сражается, --- говорю я им, когда мне снова возвращаются слова. Я ощущаю на себе взгляд Полковник, и моя глотка моментально пересыхает. Я прячу свою неловкость, тая к себе Таню пальцем, потом продолжаю:

--- Настоящий солдат знает о себе только по своим деяниям!

Я разворачиваюсь к Страдински и вручаю ей униформу.

--- Ты больше не Таня Страдински и не рядовая Страдински, --- говорю я ей, --- так кто ты?

--- Я все еще не знаю, сэр, --- сконфужено отвечает она, ища взглядом подсказки или поддержки у других.

--- Что написано на плашке? --- мягко спрашиваю я, указываю на униформу в ее руках.

--- Тут написано "Снайпер", сэр, --- отвечает она, взглянув вниз.

--- Кто ты? --- снова я вопрошаю
твердым голосом.

--- "Снайпер", сэр? --- нерешительно
отвечает она.

--- Почему ты спрашиваешь меня? ---
говорю я, в моих словах сквозит презрение.

--- Разве я могу знать это лучше тебя?

Несколько секунд она стоит на месте
и смотрит на меня, затем на униформу и
опять на меня. Ее челюсть сжимается, а в
глазах появляется сталь, когда она
осознает истину.

--- Я "Снайпер", сэр! --- она не может
скрыть горечь в тоне, ее иля --- постоянное
напоминание о вине, которую она
ощущает.

--- Встать в строй, Снайпер! ---
приказываю я ей и беру следующую
униформу. Я по очереди вызываю одного за
другим, отдаю одежду и отправляю
обратно. Они снова стоят шеренгой,
каждый держит свою униформу перед
собой, я иду к другому концу стола.
Уголком глаза я все еще могу видеть
Полковника, он наблюдает за всем,
изучает меня и остальных штрафников

"Последнего шанса".

--- Перекличка! --- рывкаю я, глядя на
Стрелли слева в шеренге.

--- Летун, сэр! --- орет он.

--- Подрывник, сэр! --- орет следящим

Трост.

--- Снайпер, сэр! --- снова произносит

Страгински.

--- Герой, сэр! --- образцово, как на
плацу, орет Морк.

--- Мозги, сэр! --- отвечает Квидлон.

--- Глаза, сэр! --- гаркает Айл.

--- Сшиватель, сэр! --- Строниберг
завершает перекличку.

--- С этого момента, это ваши имена,
--- хрипло говорю я им, --- И мы будем все
время пользоваться ими. Каждый раз,
когда вы его произнесете или услышите,
вы будете знать, кто вы такие на самом
деле. Любой нарушивший это правило
будет мною наказан. Все ясно?

--- Да, сэр! --- рывкает хор. Я почти
распускаю их, чтобы подготовиться к
внутренней тренировке, когда вливается
Полковник:

--- А как тебя зовут? --- спрашивает

он.

--- Меня... Как меня зовут, сэр? ---
отвечаю я вопросом на вопрос.

Я разворачиваюсь и смотрю прямо на него:

--- Я еще не придумал себе имя.

Он вроде бы секунду размышляет, затем уголки его губ слегка приподнимаются:

--- А ты --- "Последний Шанс", --- говорит он мне и кивает. Когда он широкими шагами покидает столовую, то оглядывается на меня:

--- Впредь я хотел бы видеть тебя в униформе.

* * *

ТРЕНИРОВКИ продолжаются еще две недели, пока я работаю со штрафниками "Последнего Шанса" на стрельбой и физической подготовкой.

Практически уже все превратилось в рутину, так что на вторую неделю я переговорил с офицерами корабля и поменял цикл смены дня и ночи в наших залах. Иногда день будет длиться двадцать четыре часа, после дам пару часов на сон, а иногда полдня. Хотя в данный момент меня больше всего беспокоит их бдительность, мне нужно, чтобы они были словно на иголках, когда мы прибудем туда, куда бы ни направлялись. Так что я организовал для них небольшой тест.

В середине двадцать первой ночи на борту, я прокрался к ним в комнату. В комнате слышалось тяжелое дыхание и храп, штрафники "Последнего Шанса" отдыхали, после того как целый день пробегали с тяжелыми ранцами. В моих руках маленькие полоски пергамента, которые используют, чтобы маркировать трупы, на них я нацарапал "Ты был убит, когда спал". Первая койка Троста, изогнувшись и отвернувшись к стене, он рывками плотно прижимает к себе одеяло. Едва дыша, я склоняюсь над ним и кладу

күсочек бүтаги рядом с ним на подушку. Строниберг раскинулся на спине, одеяло на бердах, рот открыт, его дыхание прерывает свист из носа. Я кладу полоску пергамента ему на горло. Продолжаю идти по спальне, в тусклом ночном освещении легко скольжу от одной койки к другой. Остается только Морк, вот он, скорее всего, проснется, в эту секунду раздавшееся бормотание заставляет меня замереть. Задержав дыхание, я стою на месте и пару секунд пытаюсь найти источник шума. Он слева от меня, и я осторожно подхожу к бормочущему. Это Страдински, разговаривает во сне. Она беспокойна, ее гонимает кошмар.

Удовлетворенный тем, что она спит, я крадусь обратно к койке Морка и запихиваю пергамент под одеяло. Затем я ухожу обратно к двери в мою комнату и жду утра.

Для меня все прошло слишком легко и это беспокоит. Мне нужно понять, как наказать их, чтобы они навсегда запомнили, что не стоит быть такими расслабленными. Хотя слишком сурово с

нители нельзя, кому взбредет в голову
выставлять охрану на своем же
собственном корабле? Нужно что-то
быстрое и четкое. Если это их нечему не
научит, я вернусь с кое-чем посерьезнее.

Я сижу и смотрю на них. Такие
тихие. Такие уязвимые. Два с половиной
года делить камеру размером с зал с
сотнями убийц, воров и насильников
научили меня неглубокому сну. Я слушаю
их медленное дыхание, представляя, как в
их легких пузырилась бы кровь, будь я
настоящим врагом. Я слышу, как
Страдински всхлипывает, а потом
переворачивается. Разбираю стоящий
шум: дыхание, бормотание Тани, легкий
храп Строниберга, и звуки корабля вокруг
нас. Стены слегка гудят, в энергопроводах
пог ползет плазма. Я слышу слабое
"клац-клац-клац", тяжелой, отдаленной
машинерии. В коридорах снаружи по
металлическому настилу палубы лязгают
ботинки патрулирующей охраны. От
грохота снарядов, треска лязганов и
разрывов гранат, к чему я привык, путь к
спокойствию долг. Я фокусируюсь на

звук, выбирая различные шумы из музыки корабля, дабы не заснуть.

Первым просыпается Строниберг, его бессонница, вызванная синдромом отмены, поднимает его всего лишь через пару часов после полуночи. Я наблюдаю за ним из темноты, он садится на койке, он удивлен клочку бумаги, что падает ему на колени. Он поднимает его и поворачивает к слабому свету приглушенных светосфер на потолке, пытается разглядеть, что там нацарапано. Он спускает ноги с кровати и садится на край. Ни один мой мускул не двигается, я просто смотрю на него. Он, должно быть, заметил меня краешком глаза, потому что резко разворачивается в мою сторону, на его лице тревога. Я указательным пальцем прижимаю губы, призывая его к тишине, и затем указываю на его кровать. Он понимает жест и снова ложится обратно, сколкая пергамент в руке.

Остальные просыпаются только тогда, моргнув, включается свет дневного цикла, после восьмичасового сна. Друг за другом они просыпаются, раздаются

стущенные восклицания, некоторые просто
чешут в затылке, найдя свои похоронные
бирки.

--- Стройся! --- ору я, вскакивая на ноги.
Они слетают и выкарабкиваются из своих
постелей, и становятся перед своими
койками.

--- Вот теперь я возглавляю
отделение мертвецов, --- настешиво
говорю я им, прохаживаясь вдоль спальни, ---
а это полностью и бесповоротно фракает
все задание, не так ли?

Никто из них не отвечает, они все
смотрят строго перед собой и не
встречаются со мной взглядом, пока я
прохожу мимо них. Я снова медленно иду
обратно, гразню их неизвестностью,
усиливаю их беспокойство. Снова
остановившись у двери, я разворачиваюсь
на месте и смотрю им в глаза, держа руки
за спиной.

--- В следующий раз я возьму нож, ---
предупреждаю я их, угрожая каждым
произнесенным словом, --- и даже думать не
буду, порежу. Что касается досадного
представления этой ночью, я подсказал

вам: вы все мертвы, и как мы все хорошо знаем, трупы не едят, так что сегодня вам не положено никакой еды, кроме боевого рациона воды. Есть какие-нибудь вопросы?

Таня делает шаг вперед, на ее лице отражается беспокойство.

--- Да, Снайпер? --- говорю я.

--- Вы всю ночь сидели здесь, Последний Шанс? --- встревожено спрашивает она.

--- Почти всю ночь, Снайпер, --- отвечаю я ей с улыбкой, --- это тебя беспокоит? Ты не доверяешь своему лейтенанту-инструктору, Снайпер?

--- Я доверяю своему лейтенанту-инструктору, Последний Шанс! --- быстро отвечает она.

--- Тогда ты идиотка, Снайпер, --- рычу я на нее и марширую через комнату к ней. Она возражает, когда я останавливаюсь напротив нее.

--- Во всей телной галактике Императора я не доверяю ни одной персоне, за исключением самого себя. Я здесь не для того, чтобы любезничать с тобой,

Снайпер. И не для того, чтобы приглядывать за вами, — я разворачиваюсь к остальным и ору на них. — Моя задача убедить, что когда придет время, вы сами за себя постоите, и за меня, и за всех остальных в отделении!

Я снова разворачиваюсь к ней:

— Я по своей прихоти могу разорвать тебя на части, Снайпер, так что никогда не доверяй мне, если только я не попрошу. Это ясно?

— Нет, Последний Шанс, не ясно, — отвечает Квидлон, выходя вперед, — если вы не можете доверять вам, то, как же нам поверить, когда вы скажете доверять, если вы можете соврать?

— В точности мои мысли, Мозги, — говорю я ему с устешкой, — а теперь, все мы заняты уборкой! Завтрак проведете в оружейной, выполняя обслуживание. Я присоединюсь к вам в обычное время для сегодняшнего нового приключения. А тем временем, мне кажется, что в офицерской кухне найдется кусочек свежего мяса, которым я буду наслаждаться.

Они разбежались готовиться. Я

разворачиваюсь, чтобы уйти, когда до меня кое-что доходит.

--- Ах да, вот еще, --- говорю я им, они останавливают свои приготовления, --- если хоть один из вас сможет навесить на меня бирку, вы все заслужите один день отдыха. Однако, если кто-то попытается и лажанется, последует еще один день без еды. Мне кажется это справедливым, а вам?

--- Да, Последний Шанс! --- орут они в унисон.

--- Хорошо. Тогда скоро увидится, --- отвечаю я им, и ухожу, насвистывая бойкий мотивчик, которому пару лет назад научил меня мой покойный товарищ Пол. Не хочу утомлять вас паршивыми стихами, но необходимо сказать, что песенка называется "Пять дочерей висельника".

ЧЕРЕЗ два дня они все выглядят изнуренными. Насколько я могу судить, никто из них вообще не спал. Я подозреваю, что у них всех тревожные сны о том, как я крадусь к ним с ножом. Ну и хорошо, в

этот весь смысл. Этим утром я
подслушал, как они обсуждали ночное
дежурство. Интересно посмотреть на это
в реальности, учитывая различную длину
ночных циклов, что я установил. Я решил
ждать и еще одну неделю, прежде чем
снова предпринять вылазку. Это покажет,
смогут ли они ночь за ночью нести
стражу, или же снова впадут в ложное
ощущение безопасности.

Кажется, самое время начать какие-
нибудь тренировки на формирование
сплоченного отряда. На двадцать шестой
день после завтрака я веду их в
тренировочный ангар номер шесть. Мы
облачены в полную боевую выкладку,
следующие несколько дней мы проведем не
сняв ее. Я снабдил каждого лазганом,
штатным оружием Имперской Гвардии, а
так же ножами, боеприпасами на сотню
выстрелов, рационами, фляжками с водой,
скатками и всем остальным. Еще я выдал
и новую униформу, с обычной коричнево-
зеленой раскраской. На сей раз, на ней нет
плашек, которые напоминали бы и их
имена. На этой почве пока что никто из

них еще не оплошал, но я жду такого момента. Потому что они начали уставать. День ото дня их утомляет нерегулярный сон, и я постоянно ору на них, жестоко понукаю и безжалостно гоняю.

Это для их же пользы. Если они не смогут совладать с тренировками, то, как же для Императора, они собираются выжить в настоящем сражении? Как я и говорил, их прошлое для меня ничего не значит, все их предыдущие достижения не считаются. Здесь, на этом задании, они будут доказывать свою нужность Полковнику. Ну и мне, соответственно. Я так много вложил в них самого себя.

И теперь тренировки стали для меня утомительными. Но я как-то сомневаюсь, что они оценят мои усилия, затраченные для их пользы.

Если уж на то пошло, я начал ощущать за них ответственность, причем такую, которую не чувствовал по отношению к кому-либо раньше. Я сказал самому себе, что если они позволят себя убить, если они облажаются, и задание погорит как фотонная сигнальная ракета,

то в конечном итоге, это будет их виной. Но внутри себя я знаю, что это не стопроцентная истина. Я знаю, что если что-то упущу, если что-то прилгу как должное, если хоть на секунду отпущу вожжи, то поведу их, и Полковника в том числе.

Как бы то ни было, мы все наряжены в боевое обмундирование, и направляемся в тренировочный ангар. Мы проходим пару воздушных шлюзов, за которыми приглядывают техножрецы в белых рясах, чья работа заключается в поддержании стабильной окружающей среды в каждом из ангаров. В конце открываются огромные двойные двери.

Это восхитительно. С одной стороны двери металлический решетчатый настил. А с другой, ступеньки ведут к покатым холмам и полям. Я вижу маленькую быстросборную ферму в сотнях метров от меня слева, из дымохода лениво сочится дымок. По широкому лестничному пролету мы спускаемся на траву, оглядывая в изумлении, словно новички в борделе. С лязгом за нами захлопываются

двери.

Предполагаю, что на стенах нарисовано изображение, потому что ландшафт аграрного мира тянется так далеко, насколько я могу видеть. Над нашими головами пронзительно синее небо украшают пухлые облака. Не веря своим глазам, я моргаю, когда замечаю, что облака уплывают через потолок.

--- Последний Шанс... --- от благоговения Айл шепчет, --- колдовство бога машин.

Он смотрит куда-то за мою спину, и я разворачиваюсь, чтобы увидеть это. Двери исчезли, так же как и ступеньки. Вдаль до самого горизонта во всех направлениях тянутся холмы. А в отдалении я могу разглядеть фиолетовые склоны горной гряды, увенчанной снежными шапками. Остальные борются с подозрениями и сжимаются от открытого неба над головой.

--- Да, колдовство, самая могущественная техномагия, --- соглашаясь, тихо произношу я, в благоговении и ужасе от природы нашего

окружения.

--- Это невероятно... --- выдыхает Квидлон, падает на колени и пальцами проводит по траве, --- да она как настоящая, даже пахнет как настоящая.

Я замечаю, что он прав. В воздухе витает запах агро-мира. И даже откуда-то слева дует легкий бриз. Свежий воздух на корабле, где он постоянно прогоняется через огромные очистительные машины и выдыхается и выдыхается миллионы и миллионы раз, пока не становится почти густым от возраста. Я, конечно, ожидал увидеть что-то особенное, после того как Полковник сказал, что таких кораблей всего пара десятков во всей флоте, но ничего такого экстраординарного как это. Его могущественные союзники выполнили для него тяжелую работу.

--- Она настоящая, --- зловеще говорю я, но мне пробегает внезапная дрожь неестественного страха, --- я думаю, тут растут техножрецы.

Голос на задворках моего разума говорит, что это неправильно. На борту

кораблей не должно быть деревьев и
лужаек. На кораблях должны быть
двигатели и пушки, и их должны строить
из металла, а не земли. В этот момент
громко начинает трубить голос, кажется,
что он витает в самом воздухе, но это
мгновенно разрушает всю иллюзию.

--- Это поррент-офицер Кемпбелл, ---
говорит нам голос с небес, --- техножрец
Алмарекс будет следить за вашей
тренировкой в шестом ангаре. Если
понадобится связаться с ним, настройте
комм-оборудование на корабельную
частоту семьдесят три. Когда
понадобится выйти, вернитесь к точке
входа и передайте сигнал на корабельной
частоте семьдесят четыре, двери
откроются. Ох, да, предупреждаю. Наши
климатические регуляторы
предсказывают ливень почти всю ночь,
так что установите хороший лагерь.
Удачной тренировки.

--- Ливень? --- Таня нервно смеется. ---
Мы попадем под ливень на борту
костического корабля? Это впервые.

--- Ну, хотя бы фауны нет, ---

продолжает Квидлон, озираясь вокруг.

--- Мозги, чего тут нет? --- спрашивает Трост, который сидит на своем рюкзаке и перебрасывает из руки в руку гранату.

--- Нет фауны, --- повторяет про себя Квидлон, и смотрит в небеса.

--- Мозги говорит, что тут нет зверей, --- объясняет Строниберг, присаживаясь рядом с бывшим агентом Оффицио Сабаторум, --- нет птиц, зверей, насекомых. Только растительность.

--- А почему бы ему именно так и не сказать? --- жалуется Трост, отрывает пучок травы и позволяет ему просыпаться сквозь пальцы.

--- Ладно, всем хватит, мечты о рае закончились! --- рывкаю я на них. --- Мы тут пришли поработать, а не отдыхать. Летун, у тебя карта, найди, где мы.

Стрелли снимает свой рюкзак и начинает в нем рыться в поисках карты, что вручил мне один из техножрецов, когда мы подходили к входу в ангар.

--- Кровь Императора, Летун, --- Айл ругается на Стрелли, забирает у него

рюкзак и вываливает содержимое на землю. Он находит карту и злобно размахивает ей перед носом пилота:

--- На кой хрен тебе дали карту, если ты не можешь ее найти?

--- Что ж, тогда карта на тебе, Глаза, --- огрызается Стрелли, собирая вместе свои пожитки и закидывая их обратно.

--- Карта у Лемюна, --- говорю я им, вытаскивая ее из рук Айла и вручая Стрелли.

--- Последний Шанс, почему? --- спрашивает Айл. --- Я разведчик, вы же полните. Я могу найти любой закуток с закрытыми глазами.

--- Вот почему тебе не нужно учиться пользоваться картой, тупой ты орочий сын! --- ору я на него и отталкиваю обратно к рюкзаку. Бросаю взгляд на других:

--- Вот поэтому Лемюн сейчас отвечает за карту! Когда Глаза убьют, кто еще будет знать, что делать и куда идти?

--- Последний Шанс, вы итеее в виду "если убьют"? --- обороняясь, говорит Айл.

Я разворачиваюсь и пинаю его ногой в

зрүүд, он отлөтает:

--- Ты пока что ведешь себя так, Глаза, что скорее "когда", а не "если", --- фыркаю я, --- если все закончили спорить, тогда идем дальше. Итак, наше задание на сегодня захватить и попытаться удержать ферму.

Я указываю на кучку зданий примерно в полукilометре от нас.

--- Вся эта зона потенциально враждебна. Мы ждем в этом месте подкрепление к вечеру, поэтому к этому времени мы должны остаться в живых. В течение всего дня будут появляться цели, и за нашей тренировкой будут следить техножрецы. Этим вечером мы поставим лагерь и сделаем полный разбор полетов. А теперь, Летун, показывай мне карту.

Остальные собираются вокруг, когда я раскладываю ее на траве. Она говорит нам, что ферма расположена в неглубоком овраге меж двух холмов. Хотя мы не знаем, насколько точна карта, но, кажется, там рядом есть дорога или что-то в этом духе, и ведет она, насколько я понимаю, на север.

--- Как бы ты атаковал, Подрывник? ---
я подталкиваю Троста рукой.

--- Дождался бы наступления
темноты, затем бы подкрался, Последний
Шанс, --- говорит он мне, --- я соорудил бы
кое-что из гранат всего отделения, и
разметал бы это место в щепки.

--- Великолепно, тогда мы будем
защищать группу трухи, --- подсказывает
Стрелли, --- ты приказывай-то слушай,
фрагментологический. Захватить и удержать, а
не взорвать это место к чертям.

--- Ха, да приказывай тупые, --- фыркает
Трост, отходя от группы.

--- Подрывник, Летун прав, --- говорю я,
встаю и отдаю карту ему обратно. ---
Когда мы поймем, что нас нужно сделать,
у нас появится план и все остальные
должны его придерживаться. Может быть,
вы и привыкли работать в одиночку, но
если не хотите получить тех глаз из
болт-пистолета, то лучше вам начинать
работать в команде.

--- Так что бы вы сделали, Последний
Шанс? --- спрашивает Страдински, она
присаживается на корточки и смотрит на

картү, после чего переводит взгляд на
меня.

--- Түпоголовые, я сначала хочу
услышать, что предлагаете вы, прежде
чем получите шанс понаделать дырок в
моем плане, --- говорю я им, стягиваю
рюкзак и присаживаюсь на него.

--- Давай, Снайпер, послушаем, что
скажешь.

Мы около часа обсуждаем различные
способы взять фермү. Мы обсудили атаку в
лоб, атаку с флангов, различные диверсии,
залповый огонь и пол десятка других
различных путей вышибить
потенциального врага. Время шло, и я
позволил им все сильнее и сильнее
погрузиться в задачу. Вскоре они пришли к
хорошим наметкам и ловушкам без моего
вмешательства или понуканий.

Я позволил им считать, что им
дозволено высказаться, хотя с самого
начала уже знал, как мы поступим. Это
лучший способ вышибить их из привычной
системы, прежде чем я начну отдавать
им приказы. К счастью, к этому времени
они уже кое-чему научились, в том числе и

подчиняться приказам старшего. Один из них отвлекает меня от размышлений.

--- Что такое? --- спрашиваю я, поглядываясь. --- Кто-то что-то говорил?

--- Я спрашиваю, какое подкрепление нам ожидать, Последний Шанс, --- спрашивает меня Квидлон, --- ну, понимаете, поддержка с воздуха, артиллерию, танки, вот о чем речь.

Я просто ржу в голос. Я смеюсь, пока не багровею. Они смотрят на меня как на безумного, что по ним, так возможно недалеко от истины.

--- Хрен с маслом вы получите, Мозги, --- говорю я, ухмыляясь как [Отзывчивый], --- вот и все. Никаких самолетов. Танков. Артиллерии. Только мы ввосьмером, с нашими лазганатами и фразгранатами, ну и с мозгами.

Я сдерживаю себя и становлюсь серьезным:

--- Я тренирую вас для настоящего задания, когда все что у нас есть --- это мы. Забудьте о поддержке, или о том, что у вас ее нет, так рассуждают только мертвецы. Настоящий солдат думает о

себе сам и о том, что он может сделать, не ожидая ни от кого помощи. Ну, так что, вы пришли к соглашению насчет плана?

--- Последний Шанс, мы считаем, что может сработать только одна стратегия, торжественно заявляет мне Строниберг.

--- Хорошо, забудьте ее, --- говорю я им. Мои слова встречены возражениями и замешательством, и они пытаются в любом случае донести до меня свои мысли, возражая, что план срабатывает. Трост обиженно машет руками и злобно топает ногой.

--- Да к фразе ваш план, я тут главный, --- резко высказываюсь я, откидывая в сторону руку Строниберга, что он положил мне на плечо, споря, --- я никогда не говорил, что мы используем ваш план для настоящей атаки, я просто спросил, как бы вы атаковали. А теперь, завалите хлебальники и слушайте, что я скажу. Если мы не возьмем ферму, сегодня вечером никто не ест, а мы будем снова пытаться завтра, понятно?

Они мрачно отвечают, как дети, которым только что запретили играть. Упорные.

--- Вот вам мой план. Если кто-то из вас откажется выполнять приказы, для всех вас кончится все очень печально, --- говорю я им. Они собираются вокруг карты, и я указываю на различные места:

--- Подрывник, Глаза, Герой и я проникаем на ферму и крадемся в это здание. --- я указываю на строение, похожее на амбар, примерно в двадцати метрах от главного здания. --- Если мы столкнемся с любым сопротивлением, мы быстро и тихо его подавляем, используя только ножи.

Я смотрю на них и подчеркиваю свои слова. Если бы это было настоящее сражение, любой шум, возможно, свалил бы на нас ушат дерьма, до того как мы бы начали.

--- Снайпер и Сшиватель займут позицию на возвышенности, --- я указываю на склон с востока от объекта, --- найдите какое-нибудь хорошее укрытие с гибкой огневой точкой. Ваша задача подавить

огонь из фермы, когда начнется штурм и
прикрыть наши спины, когда мы пойдем
внутрь. Утрел -- ваша вина.

Они оба серьезно кивают, понимая
важность своей роли.

-- На самом деле единственный способ
взять здание -- войти внутрь и зачистить
его, комнату за комнатой. Однако это
будет бесполезно, если к ним за нашими
спинами придет подкрепление, ну или
нас окружают, до того как мы сможем
обеспечить хоть какую-то оборону.

-- Вы двое, -- говорю я, глядя на
Стрелли и Квидлона, -- выдвигаетесь на
эту позицию, когда остальные дают залп.

-- Лезете на крышу этой постройки, --
я указываю на огромное здание перед
нами, слева от того, что мы собираемся
штурмовать, -- и обеспечиваете нам огонь
прикрытия на объекте, когда мы идем
внутрь. Как только мы вошли, готовитесь
как можно быстрее покинуть свою позицию
и идти за нами по моему крику.

Квидлон внимательно изучает
карту, его лоб слегка морщится, когда он
хмурится.

--- Ты хочешь что-то сказать, Моззи?
--- спрашиваю я, глядя на него.

--- Атака сконцентрирована с юга и с востока, Последний Шанс, --- указывает он, рисуя пальцем вокруг фермы дуэту, --- нам нечем прикрыть вас с севера и запада.

--- Мы не можем расходиться слишком далеко, --- терпеливо отвечаю я, --- любая слабость штурмового отряда, и мы рискуем тем, что нас вышибут оттуда. Одного человека на возвышенности не хватит, чтобы обеспечить поддержку, к тому же он не сможет даже себе прикрыть спину. Вот почему вы идете в здание вместе с нами.

--- Главная дорога идет с юго-запада, --- я провожу по карте свои ножом вдоль всей ее длины, --- таким образом, мы все столкнемся здесь. Объект сам по себе защищает нас от контратаки с противоположного направления, потому что врагу придется так же зайти с противоположного конца здания, что автоматически приведет его к нам, или оббежать круг к нашему входу и попасть в перекрестный огонь. Ваш, парни, и

команды на возвышенности.

--- Последний шанс, вы говорите, что враг обожит и окружит, но разве тут тишени не просто выскакивают откуда-то, как в тире? --- спрашивает Трост.

--- Вот что я вам скажу на это, --- отрезаю я, --- во-первых, вся зона усыпана тишенями, так что техножрецы могут поднимать их и опускать последовательно, чтобы имитировать движение. Во-вторых, и что более важно, это сражение. Не думайте что это просто упражнение, что-то, чтобы скоротать время. Когда мы пойдем на задание, мы будем сражаться с настоящими ублюдками, которые захотят нас убить, и я не хочу чтобы кто-то из вас действовал по шаблону, в котором враг находится в одном месте. Солдат, который слишком долго сидит на месте --- мертвый солдат, и бесполезный для меня и Императора, ну или легкая цель, если он на другой стороне.

--- Это верно, --- соглашается Страдински, --- первое правило снайперов: сделал выстрел --- сваливай.

--- Что ж, спасибо за поддержку,

Снайпер, — кисло произношу я, после чего
возвращаюсь к плану, — все должно быть
четко по расписанию, каждому нужно
действовать именно тогда, когда я скажу
и исполнять все в точности. Глаза и ген-
первым и производит разведку, после чего
докладывает мне. Тогда мы вносим
коррективы и после этого вы выполняете
свои приказы, чтобы не случилось. Это
ясно?

Они все кивают, хотя Квидлон и
Трост, кажется, сомневаются.

— Как только мы тихо войдем,
Сшиватель и Снайпер выходят на позицию,
— продолжаю я, — даю вам полчаса
добраться туда. Оттуда вы сможете
увидеть всю картинку в целом, по крайней
мере, если появитесь в правильном месте.
Снайпер, как ты только подниметесь,
покажи Сшивателю несколько хороших
мест, чтобы обосноваться там.

— Я выберу несколько, Последний
Шанс, не беспокойтесь, — уверяет она
меня, ее тонкие губы улыбаются мне.

— Ставлю, что так оно и будет, —
соглашаюсь я, вспоминая ее послушной

список, --- когда увидите, что все на позициях, открывайте огонь по зданию.

--- Прикрывающий отряд на сарае, --- я смотрю на Стрелли и Квидлона, --- открывает огонь только когда начинает стрелять штурмовая группа. Стреляйте по другим частям здания, в стороне от нас. Когда мы зайдем внутрь, слезайте с крыши и как можно быстрее бегом к нам. Всем остальным --- даже не вздумайте стрелять в ферму, как только мы все войдем внутрь, держите местность. Если кто-нибудь попадет в меня, я вернусь призраком и буду шляться за вами по пятам до конца ваших жалких жизней и сделаю ее еще более невыносимой, чем сейчас.

--- Не стрелять в здание, как только вы окажетесь внутри, я запомню, --- отвечает Квидлон и нервно кивает.

--- Расслабься, Мозг, --- говорю я ему, --- я прошел через такое кровавое месиво и расчлененку, что тебе и не снилось, так что я знаю что делаю. А теперь, вы все мне перескажите план.

Я заставляю их повторить его три

раза, и прежде всего, вдальбливаю важность атаковать по приказу. Далее они мне рассказывают о своей собственной роли, я указываю на каждого по очереди, затем они снова повторяют, но в этот раз я спрашиваю в произвольном порядке. Удовлетворенный тем, что они поняли свою роль, я отсылаю их собирать свое снаряжение.

Мы выдвигаемся одновременно, по моим подсчетам сейчас примерно середина полудня. На самом деле я забыл спросить, сколько тут длится день. Тем не менее, я не обладаю полной информацией по нашему настоящему заданию, так что немного гибкости и способности адаптироваться нам не помешает. Я имею в виду, что Полковник и инквизитор Ориель планировали атаку на Коританорум годати, и все равно с определенного момента нам пришлось поступать по своему. Насколько я знаю, нас могут выкинуть в такой кавардак, что мы будем вынуждены импровизировать с самого начала. Хотя от этой группы в данный момент ожидать такого не стоит. Я

скорее сейчас обучаю их, как следовать приказам дословно и как вдолбить им в головы план, не тратя на его обсуждение часы.

Все уже выстроились со своим снаряжением, я закидываю себе за плечо ранец и присоединяюсь к ним.

--- Хорошо, выдвигается одной линией, десять шагов грүз от грүза, Глаза идут впереди всех на тридцать шагов, --- говорю я им, махнув разведчику лазганом, --- все остальные настороже и молчат в тряпочку, я не знаю, что за сюрпризы припрятаны для нас в этом ангаре. Видите врага --- падаете торгой в грязь и машете остальным. Не стрелять, пока я не отдам приказ. Я хочу, чтобы все шло дисциплинированно и спокойно, никаких бешеных перестрелок пока я не прикажу.

--- Да, Последний Шанс, --- хором отзываются они.

--- Ладно, тогда вперед, --- отдаю я приказ, и мы шлепаем по полю.

ЭТОТ МАРШ по тренировочному ангару вызывает воспоминания. И не особо

мне приятные. Пока половина моего
разума остатривает окружающие
лужайки, остальная блуждает, вспоминая
лица всех товарищей, которые остались
истекать кровью на десятках полей
сражений. Я смотрю на остальных перед
собой, которые уже разошлись веером
вперед, и думаю о том, сколько из них
умрет. И затем размышляю о том,
сколько из них умрет по моей вине. Я
выбрал их. Выдернул из камер и
приставил пушку к голове, если уж на то
пошло. Я так же тренирую их, учу всему,
что необходимо знать о выживании. Если я
не справлюсь, если они умрут, то какая-то
часть вины ляжет на меня, не так ли?
Все эти тела, все эти мертвые лица,
которые преследуют меня во снах, они
умерли не по моей вине, в этом я уверен.
Это не я их привел туда, и не я нес за них
ответственность. Но эти штрафники
Последнего Шанса — они моя команда.
Выбранные мной, тренированные мной, и я
поведу их на задание, когда придет время.

Этот тяжелый груз свалился на меня,
и мои руки начали дрожать. Я встречал

такие ужасы клинком к клинку и пушкой к пушке, что вам и не снилось даже в худших кошмарах, и даже глазом не моргнул, а теперь трясусь как новобранец перед своей первой настоящей перестрелкой. Я немного отстаю так, чтобы другие не заметили, вытаскиваю карту из кармана на брюках, кое-что проверить. Бумага дрожит в руках, и я ощущаю, как колотится сердце. Что-то не так. Это не должно происходить со мной, ведь я убил такое количество людей, которых некоторые даже не встречали за всю свою жизнь. Так почему меня охватил такой приступ паники в Императором проклятом тренировочном ангаре?

— Эй, отдыхает пару минут, пока я кое-что проверю, — выкрикиваю я всем, когда первый — Айл, подходит к холму, к которому мы продвигаемся. Они падают на траву, а я немного отхожу в сторону, вниз в неглубокий овраг и кидая свое оружие на землю. Перед глазами начинают вспыхивать точки, и в данную секунду грозит уже все мое тело. Я тяжело сажусь, мои ноги почти

подкашиваются подогнутой. Лямки ранца сильно сжимают грудь, и я скидываю их, позволяя рюкзаку упасть позади меня. Кажется, что каждый мускул в моем теле свело спазмом. Сжимаю и разжимаю кулаки, и не могу остановиться. «Это не просто нервы!» — ору я сам себе. Я подхватил какую-то чуму, возможно в этой забытой Императором тюрьме. Мое дыхание хриплое, голова плывет. Передо мной появляется размытая фигура, и зашипением и грохотом в ушах я едва слышу какой-то разговор. Так же вызывает мутный интерес, почему за ними небо?

— С вами все в порядке, сэр? — я неясно распознаю голос Тани.

— Меня зовут Последний Шанс, — нечленораздельно мычу я, стараясь сфокусироваться на ее лице, поскольку оно колеблется из стороны в сторону, — сегодня вечером никто не получит свой рацион.

Я чувствую, как кто-то крепко хватается меня за плечи, и его лицо заслоняет обзор. От неожиданности я дергаюсь назад.

--- Держите его ровно, --- бросает Строниберг, и мои ноги и руки зажимают, прищипливая меня к траве. Я чувствую во рту какой-то металлический привкус и кляп. Слева от меня раздается взрыв, и я слышу чей-то крик. Это вроде бы Квидлон, или может быть Франкс.

Все вокруг такое смутное. Мои глаза играют со мной в игры. Вот сейчас я лежу в поле на траве, а в следующую секунду в каком-то разрушенном здании, и визжащие вокруг меня пули разносят это место на части. Я испытываю головокружение, и прилив отчаяния поднимает мой гнев, угрожая разорвать меня изнутри.

--- Открой рот, Кейдж, открой рот! --- орет на меня Строниберг, я ощущаю, как его пальцы схватили мою челюсть, и осознаю, что зубы крепко сжаты.

--- Кровь Долана, кто-нибудь, да заберите уже у него нож, пока он еще сильнее не поранился! --- кричит он на остальных, которых я вижу вокруг себя вспыхивающими на фоне темного, разрушенного города. Один из них вытаскивает нож из скрюченных пальцев моей правой руки. Я

даже не осознаю, что сжимал его. Что-то влажное сочится по моему горлу и груди, и я пытаюсь пощупать, но мои руки крепко прижаты.

--- О чем он, мать вашу, кричит? --- я слышу, как вопрошает Стрелли. Не понимаю, о чем он говорит, потому что не слышу никаких криков. Я пытаюсь сесть и посмотреть, кто это может кричать. Ради Императора, мы вроде бы как в пылу сражения, и если кто-то издает такой ужасный шум, то они чертовски пожалеют, когда мне станет чуточку лучше. Я чувствую, как мое лицо пронзает такая острая боль, что выступают слезы, в ушах раздается какой-то звон.

--- Ну, все лучше и лучше! --- я слышу, как орет Трост. О чем он говорит? Мне всего лишь немного нездоровится и все. Мне нужно просто дать мне немного пространства, и все будет хорошо. Я пытаюсь стахнуть их с себя, чтобы вздохнуть. Что-то тяжелое давит мне на грудь, прижимая к земле. Я пытаюсь скинуть это, но резкая боль в ноге отвлекает меня.

Внезапно меня покидают силы. Я ощущаю, как они ускользают, утекают прямо через пальцы рук и ног, мое тело растягивается. Меня накрывает волна паники, поскольку я больше не чувствую ударов своего сердца, и через мгновение все погружается во тьму.

КОГДА Я ОТКРЫВАЮ глаза, передо мной творится какое-то безумие. Прямо перед моим лицом десяток стеклянных линз, щелкают какие-то трубки, яркий свет практически слепит меня. Крохотные шестеренки и шестеренки ритмично вращаются туда-сюда, их сопровождает гулкое гудение. Маленькие кронштейны беспорядочно дергаются, прокачивая темную-зеленую жидкость через путаницу прозрачных трубок. В ноздри бьет смесь запахов мыла и масла, вместе с характерным ароматом крови.

Я пытаюсь повернуть голову, но не могу. Я чувствую, что вокруг моего лица что-то жесткое и холодное, словно под подбородком бруски прижимают мои щеки к лбу. Медленно возвращаются ощущения.

и я чувствую, что связан. Бросив взгляд
пог побородок, я вижу тяжелые
металлические зажимы на груди и ногах,
которые закрыты серьезными такими
замками. Я чувствую, что мои руки и
глотка проткнуты в десятке мест.
Возвращаю свое внимание к аппарату
вокруг головы, вижу шнуры и провода,
которые исчезают в мешанине
машинерии. Мои уши улавливают тихое
повизгивание плохо смазанной шестеренки
где-то внутри этого механизма.

Я пытаюсь открыть рот, чтобы
сказать, но челюсть не двигается, так
что у меня получается только что-то
среднее между мычанием и рыком. Свет в
машине мигает и отключается, и я
остаюсь погруженным в ослепительно
желтое сияние. С треском аппарат
отъезжает от моего лица, его линзы и
рычаги складываются, и убираются в
небольшой куб, который исчезает из виду у
меня над головой. Я вижу потолок и
дальнюю кирпичную стену, раскрашенную
светло-серым.

Слышу, как справа от меня

отпирается дверь и закрывается, и в поле зрения возникает техножрец. На нем светло-зеленая ряса с темными пятнами, очень похожими на кровь. Вокруг шеи серебряная цепочка, с висящей на ней тяжелой эмблемой шестеренки и черепа. Его лицо старое и морщинистое. Сильно морщинистое, прям как лямая рубашка. Разнообразный набор трубок и проводов, уходящей за плечи, торчит из его шеи и головы. В руках он держит что-то похожее на оружие, только вместо дула — изгла.

— Моя звуковая речь воспринимается тобой? — спрашивает он. Его голос похож на хриплый шепот, — торгни, если подтверждаешь.

Несколько секунд пытаюсь понять, что он спрашивает, слышу ли я его. Я один раз торгаю — да.

— Ты меня видишь? — далее спрашивает он, двигаясь к левой стороне кровати, к которой я привязан. Еще раз торгаю. Я слышу, как дверь снова открылась и закрылась и вижу, что к другой стороне от меня подходит

Строниберг. Он обменивается взглядом с техножрецом, тот один раз кивает. Он снова обращает свое внимание ко мне, его темно-коричневые глаза изучают меня.

--- Так значит это ментальное, а не физическое, --- говорит Строниберг, скорее глядя себя, чем глядя меня или техножреца. Он все еще не смотрит мне в глаза, вместо этого изучает кучу бумаг, прикрепленных к изножью постели. Мой мозг начинает работать, когда ко мне возвращается разум. Какого черта я лежу тут беспомощный как младенец? Что за дерьмо со мной приключилось? Что имеет в виду Строниберг --- "ментальное, а не физическое"? Я схватил дозу какого-то излучения? Меня всего лишь немного потряхивало, и кружилась голова, ничего серьезного. Я собираюсь спросить его, какого фига тут происходит, но получается всего лишь бессмысленное бормотание сквозь зубы.

Хотя это привлекает его внимание, и он становится слева от меня.

--- Не нужно пытаться говорить, Кейдж, --- по-доброму убеждает он, --- ради

твоей собственной безопасности тебя привязали. Ну и ради нашей. Ты на самом деле отличный боец.

Моргаю один раз. Да, я такой.

--- Никто на борту полностью не понимает, что произошло с тобой. На борту корабля нет никого, кто бы обладал углубленными знаниями о безумии, --- продолжает он, разворачивается и подтягивает к себе стул, прежде чем усесться. Я едва вижу его уголком глаза.

--- Ты подвергся воздействию какого-то боевого газа, ведущего к саморазрушению. Ты понимаешь, о чем я говорю, Кейдж?

Не моргаю. Для меня его слова словно мерзкая речь орка. Нихрена не понимаю. Секунду он кусает губу, явно раздумывает, подбирает слова.

--- Хорошо, начну с самого простого, --- со вздохом говорит он, --- ты безумен, Кейдж.

Я пытаюсь расстегнуться, но челюсть и горло прижаты так, что вместо этого я кашляю. Когда оправляюсь, злобно хмурюсь. Стронибергу.

--- Годы упорных сражений позволили
опасному количеству различных нехороших
испарений накопиться в определенных
частях твоего мозга, затрагивающих
твое ментальное состояние, ---
продолжает объяснять он, терпеливо и
медленно, --- в тренировочном ангаре что-
то послужило толчком, чтобы часть
этих испарений попало в организм, это и
начало разрушать твою трезвость ума,
сознание и самосохранение. Ты понимаешь,
о чем я?

Не торгаю. Я никогда особо не
разбирался в медицине, и все эти безумные
разговоры о каких-то испарениях, жрущих
твой мозг, для меня звучат как гермето-
зекса. Я говорю о том, что ощущал, как
твоя мозги плавилась.

--- Твои симптомы в тренировочном
ангаре говорят о серьезном боевом психозе,
отсюда и твоя попытка самоубийства, ---
говорит он мне.

Попытка самоубийства? О чем он,
мать его, говорит? Да я никогда даже не
думал лишать себя жизни, ни разу за все
эти длинные месяцы и годы сражений и

одинокчества в камере. Самоубийство для
слабаков, для тех, кто ничего не значит.
Я никогда не убью себя! Император, да за
кого солдата он меня держит?

--- Ты пытался перерезать себе горло,
--- подтверждает он, вида неверие в моих
глазах, --- к счастью, сводящие с ума
испарения так же затронули твою
способность контролировать мышцы,
именно поэтому ты всего лишь
располосовал себе челюсть. Ты разрезал
сухожилие, вот почему нам пришлось
зажать твою челюсть, пока мышцы снова
не срастутся.

Возникает вспышка воспоминания,
ощущение металлического привкуса крови
во рту во время приступа. Я сжимаю зубы.

--- Я думаю, мы остановили процесс,
пока твой мозг не был слишком сильно
поврежден, и биологис Алантракс, --- он
показывает в сторону другого человека,
который все еще бесстрастно взирает на
меня, словно на какой-то интересный
экземпляр, --- смог провести операцию и
высвободить отравляющие вещества, пока
они не убили тебя.

Операция? Что во имя Императора этот демон крови сделал со мной? Я полагаю, что выражение моего лица отразило то, о чем я думал, так как Строниберг положил ладонь на мою руку, полагая, пытаясь успокоить меня. Я раздраженно щелкаю пальцами, одной из немногих частей тела, коими я еще на самом деле мог шевелить.

--- Это довольно стандартная процедура, хотя не совсем общепринятая, --- он пытается уверить меня, --- биологический Алантракс раньше несколько раз проделывал такое, и практически пятьдесят процентов пациентов полностью восстанавливались. Просто на некоторое время у тебя сняли часть черепа, сделали разрез в затронутых областях, чтобы убрать отравляющее вещество и затем прирастили кость обратно.

"Ты воткнул нож мне в голову!" --- хотелось кричать мне. Ради Императора, ты, ублюдок, воткнул мне нож в голову! Да я скорее бы выбрал безумие, чем позволить этим пилам по

кости раскроют меня на кусочки. Я пытаюсь подняться, но нуты совершенно не позволяют двигаться. Лицо резко заболело, я сжимаю зубы и рычу на Строниберга. Да прокляни их Император, я не для того спустился в ад вместе с Полковником и вернулся обратно, чтобы сдохнуть на операционном столе под скальпелем зазнавшегося техножреца, у которого натного большего общего с инструментом, чем с человеком.

Как Полковник мог позволить им совершить такое со мной? Он ведь не мог поверить в эту нутаную ерунду. О чем, черт его побери, он думал, позволяя положить меня под нож? Мать Долана, да я видел, как гораздо больше бойцов пошло от рук этих кретинов, чем от пуль и клинков. Я видел, как мужчины умирали в агонии от гниения ран, нанесенных им этими кровавыми тасниками-сагистами.

— Тебе нужно оставаться спокойным, Кейдж, — говорит мне Строниберг, вставая, и на его лице проступает обеспокоенность, — тебе нужно позволить

своему телу исцелиться.

Он бросает взгляд на Алантракса, после чего тот делает шаг вперед со своей изогнутой пұшкой. Я пытаюсь выплюнуть ругательство в сторону этой проклятой Императором парочки, когда он протыкает мне предплечье и нажимает на спусковой крючок. Как и раньше, меня тязко клонит в сон.

Я ПРОВЕЛ всю следующую неделю в лазарете, прикрученный к этому столу. Что еще хұже, мы видимо перешили в варп, потому что мои коштары вернулись. Бұдучи накачанным по уши колдовским варевом Алантракса, меня снова стали изводить сны с мертвецами из прошлого, точно так же, как и в последний раз. Мужчины и женщины с оторванными конечностями, с наполовину отрезанными головами, с распоротыми животами, бесцельно бродили вокруг моей койки, обвиняюще глядя на меня. Я чувствовал, словно оказался в кошмаре наяву, крепко связанный этими сұщества, что все бродили и бродили вокруг меня. Все это

Время у изножья кровати стояли двое маленьких детей, которых я видел в Коританоруме, и просто смотрели на меня. Их взгляд говорил сам за себя. Ты убил нас, читалось в их глазах. Ты сжег нас.

Я хотел закричать на них, чтобы они оставили меня в покое, и что я просто выполнял приказ, что это они виноваты, а не я, но зажим на челюсти не давал мне этого сделать. Полковник ни разу не навестил меня. По крайней мере, пока я не спал.

Вся эта неделя пролетела так, как будто я умер и попал в ад.

КОГДА Я СНОВА возвращаюсь к ним, в глазах всей команды подозрение и страх.

Совсем скоро приглушат свет. Когда я вхожу в спальню, они валяются на своих койках и судачат. Пока я стою там, никто не произносит ни слова, я ощущаю их взгляды. Я сурово смотрю на Строниберга, в его глазах нет даже намека на вину.

Ощущаю себя пришельцем, настолько чувствуется их враждебность.

--- Завтра возобновятся тренировки, --- говорю я им. Никто не отвечает. В этом нет их вины, я бы тоже не знал, что сказать. Я разворачиваюсь и шагаю к двери в мою камеру.

--- Простите меня, Последний Шанс, --- я слышу, как выпаливает Квидлон позади меня, --- Полковник Шеффер сказал, что завтра после завтрака мы должны собраться в зале для брифингов.

--- Полковник? --- спрашиваю я, разворачиваясь.

--- Он продолжил наши тренировки пока вы были... --- Айл оставил остальное недосказанным. Привязаны к кровати в пятах, потому что превращались в неистовствующего лунатика и пытались убить самого себя или кого-то другого --- вот что он не сказал.

--- И что Полковник Шеффер сказал насчет меня? --- внезапно обеспокоено спрашиваю я. Что станет со мной, если Полковник снова взял прямое управление над тренировками? Я ощущаю, как меня начинает заполнять ужасающее ощущение провала. Он не может отправить меня

обратно в тюрьму, потому что пока что
мы движется в варне. Но на борту "Лавров
Славы" должна быть гауптвахта, и он
вполне может унечь меня туда на все
время. Ну, или возможно он завершит мое
существование, пробьет мне голову
болтом, в качестве примера для
остальных. В ответ они качают головой
или пожимают плечами.

--- Ничего, Последний Шанс, ---
отвечает мне Таня, --- он ничего не сказал
насчет вас.

--- Очень хорошо, --- отвечаю я,
стараясь сохранить голос спокойным, --- я
хочу, чтобы вы все завтра были
настороже, пришло время
сконцентрироваться на задаче и
дисциплине.

Я ухожу в свою комнату. Слышу, как
они снова начали болтать, и я почти
закрываю дверь, когда мне в голову
приходит одна мысль. Высовываю голову
за дверь.

--- А у Шеффера есть ита? ---
спрашиваю я их. --- Тупа тех, что я дал
вам?

Они с полуулыбками обмениваются взглядами.

--- Да, Последний Шанс, есть, --- отвечает мне Квидлон, --- Он сказал, что он --- Полковник.

Характерно, глотаю я про себя, киваю и закрываю дверь. В закрывающий зазор доносится отрывок слов Троста.

--- ... сегодня нам нужно выставить двойную стражу, --- говорит он остальным. --- Пока я сплю, не хочу, чтобы этот псих оказался где-то поблизости.

Сначала я порываюсь открыть дверь и вбить этого болтливого придурка в палубу за такие слова, но затем быстро остываю. Сажусь на свою койку и не могу остановить наползающую на лицо улыбку. Я считаю, что это один из уроков, которые они никогда не забудут. Ложусь на койку и закрываю глаза, и жду, когда снова придет сон и кошмары.

РАНО СЛЕДУЮЩИМ утром Полковник присылает за мной охранника. Я спешно одеваюсь и следую за ним в комнату Шеффера. Он ждет меня там.

несмотря на ранний час. Полковник безукоризненно одет, начисто выбрит, а в глаза ясность. Охранник без слов закрывает за мной дверь.

Полковник смотрит на меня пристально и очень долго смотрит, не моргает, а его взор сдирает слой за слоем с моей души. Я начинаю беспокоиться. Круглый шрам сбоку головы безумно чешется, но его взгляд помогает мне оставаться вытянутым по струнке.

— Еще одна ошибка, Кейдж, — медленно произносит он, — и я покончу с тобой.

Я ничего не говорю. Тут нечего сказать.

— Я буду как никогда раньше приставлять за тобой, — предупреждает он меня, его глаза не двигаются, — я не потерплю ни малейшей ошибки, ни единственного намека, что твоё лечение было безуспешным. Я ясно выразился, Кейдж?

— Совершенно, сэр, — быстро отвечаю я, а мои кишки от ужаса сжимаются. Вот теперь начнется настоящее давление.

КОМНАТА гля брифингов
представляет собой половину
амфитеатра. Все тридцать метров
ширины заняты сотней скамеек на
ступеньках, и все это опускается к
полукруглому полу с похожей
возвышенностью. На ней стоит стол,
покрытый какой-то комковатой тканью.
Когда мы входим, Полковник своим
присутствием, кажется, заполняет всю
комнату. Пока мы спускаемся к нижним
скамьям, все наше внимание приковано к
нему. Остальные рядом со мной
вытягиваются по стойке смирно напротив
своих мест. Полковник взмахом руки
разрешает нам сесть и начинает ходить
туда-сюда.

— До сего момента вас готовили
в плену, — говорит он нам, изучая своими
ледяными глазами шеренгу, — теперь мы
начинаем готовиться к заданию серьезно.
Наша задача уничтожить командира
чужаков, который причинил слугам
Императора достаточное страдание, так
же, как и своим собственным правителям.

С их помощью мы проникнем на базу и убьем его.

Он сдергивает покрывало со стола и открывает масштабную модель причудливого здания. За свою жизнь я еще не видел более странного строения. Если я правильно рассчитал масштаб, исходя из размеров деталей вроде дверей или окон, это здоровенный купол, возможно достаточно большой, дабы вместить в себя небольшой город. Полковник снимает купол и отставляет его в сторону, открывается внутреннее расположение, которое разбито на множество огромных залов. Он подзывает нас посмотреть поближе. Залы странным образом похожи на тренировочные ангары. В некоторых из них внутри небольшие модели деревьев из джунглей, в некоторых подобие пляжа, другие представляют собой предместья Имперского города.

--- Вот обитель нашей цели, --- объясняет Полковник, --- этот чужак происходит из расы, которая сама себя называет тау. У него непроницаемое языческое имя. Как уверили меня

лексисты-переводчики, приблизительно
оно звучит как "Командующий Пресветлый
Меч". В это время Пресветлый Меч
фактически правит одним из миров тау,
всего в паре недель перелета от системы
Саркасса, что еще во владениях
Империи. На протяжении нескольких
лет, Пресветлый меч очень агрессивно
рассылал флотилии колонистов в глушь
вокруг системы Саркасса. Мы полагаем,
что он намеревается захватить эту
систему в следующие два или три месяца.
Его вышестоящие, правители так
называемой Империи Тау, очень мудро
решили избежать кровавой и
дорогостоящей войны с нашими силами и
согласились на этот совместный удар.

Он делает паузу, дабы в наших
головах в полной мере улеглась
значимость сказанного. Эти чужаки, тау,
помогают нам убить одного из своих
собственных командующих. Или они по-
настоящему напуганы тем, что мы
сделаем с их маленькой империей, если
Пресветлый Меч воплотит свой безумный
план, или они на самом деле не знают, что

такое преданность своему собственному народу.

--- Простите, Полковник? --- Квидлон слегка поднимает руку. --- Почему эти тау отправляют на задание нас, вместо того, чтобы просто устранить командующего Пресветлого Меча или тайно ликвидировать его самим?

Полковник ждет секунду, возможно, его разум переваривает манеру Квидлона выстреливать слова.

--- В отличие от нашего великого Империи, у тау нет Императора, чтобы сплотить их, --- объясняет Полковник, сжав губы от отвращения, --- насколько мы можем судить, они безбожники и поклоняются странной концепции, которую сами тау называют "высшим благом". Их империя, возможно, держится на гармонии между всеми аспектами, вместо высшего самопожертвования, которого требует от нас Император.

--- И как вы можете понять, без такой направляющей руки, их империя очень хрупка. Любой намек, что их ложное "высшее благо" не работает, подорвет сами

устои общества.

Они не могут признать перед своими гражданами, что один из командующих, в сущности, отступник. Одновременно, по тем же причинам, они не могут пойти на риск разоблачения попытки устранения командующего. Исходя из этого, мы подготовили отговорку, которая позволяет нам, посторонним, убить Пресветлого Меча, действуя как ренегаты, а не слуги Императора. Мы можем показать и официальные записи и представить доказательства, если это потребуется, которые говорят о том, что мы военные преступники.

— Это еще одна причина, по которой я использую отребье, как вы. Полуправда всегда лучше, чем откровенная ложь. Все это вместе означает, что против наших сил не будут приняты никакие ответные меры. Никакие ниточки не ведут к правительству тау или к лояльным слугам Императора.

— Очень хитро, — бормочу я, не осознавая, что произношу мысль вслух, пока меня не протыкает злобный взгляд

Полковника.

--- Ты хочешь что-то сказать, Последний Шанс? --- презрительно спрашивает он, уперев руки в бока.

--- Да, Полковник, --- отвечаю я, вытягиваясь и глядя ему прямо в глаза, --- чужаки убивают чужаков, это я переживу. Мы убиваем чужаков, это я тоже понимаю. Но чужаки, помогающие нам убивать чужаков, вызывают подозрения. Кроме того, Полковник, мне все это слишком сильно напоминает Коританорум. Все эти внутренние распри, я имею в виду.

--- Поверь мне, когда я говорю, что все это задание было досконально изучено со всех сторон мною и другими, --- возражает он, глядя на всех нас, --- мы были бы глупцами, доверившись тау, уж будь уверен. Однако возможность положить конец угрозе в виде Пресветлого Меча, который, по нашим данным всецело полон решимости, да еще и способен взять Саркасу, слишком хороша, чтобы пройти мимо. Поэтому мы выполним задание, но с осторожностью.

Он снова обращает свое внимание на миниатюрное здание на столе, и мы снова приближаемся.

--- Это казармы и тренировочная зона, которые тау называют это боевым куполом, --- информирует он нас, наклоняясь вперед и упираясь руками в стол, --- он так же служит штабом командующему Пресветлому Мечу. В данный момент он распределяет свои силы на вновь колонизированных мирах вокруг Саркасы, но он проведет смотр своих пехотинцев в этом боевом куполе, прежде чем вернется к флоту вторжения.

До парада и после, он будет в недосыгаемости для нас или наших союзников тау, так что нам нужно будет ударить, когда он придет для инспекции.

Я и пара грубых штрафников одобрительно кивает. Атакү, как эта, поверьте мне, а я делал такое несколько раз на Олимпе во время торговых войн, нужно делать неожиданной. Я не знаю насколько параноидальны и подозрительны тау в вопросах безопасности, но если у нас есть контакт внутри, то особых

сложностей не возникнет.

--- Что в этих остальных зонах, Полковник? --- спрашивает Таня, указывая на разнообразные залы.

--- Боевой купол --- это тренировочная зона, Снайпер, --- отвечает он, --- как и на этом корабле, каждая из этих тренировочных зон представляют собой различный тип местности. Они могут быть модифицированы, чтобы воспроизводить специфические цели и объекты предстоящей кампании. Наш первый дипломатический посланник к тау подтвердил эффективность их тактики, и мы послали агентов наблюдать за их военными комплексами. На этом судне, и в аналогичных судах, мы скопировали самые похвальные и практичные стороны их тренировочных программ. Тау по какой-то причине слабо представляют себе опасность слишком сильно полагаться на технологии, поэтому Агентус Механикус не смогли скопировать самые тайные и богохульные системы, применяемые тау. Однако эти корабли представляют собой самые лучшие тренировочные комплексы,

которые в данный момент мы имеем в своем распоряжении. Наши техножрецы в данный момент перестраивают три тренировочных ангара в подобие боевого купола, где планируется заманить в ловушку и убить Пресветлого Меча.

Он указывает на зону в центре боевого купола, которая похожа на своего рода узел энергетической системы, окруженный широким залом. Возможно плац или зона посадки.

--- Когда новый ангар будет готов, мы начнем готовиться к заданию, --- продолжает он, выпрямляясь, --- а до тех пор, мы будем изучать конкретные особенности задания, используя это масштабное представление боевой зоны, и продолжим наши общие тренировки. А теперь, все внимание к плану.

ВСПЫШКИ разрывов на бледно-желтых полах и стенах ослепляют своей интенсивностью, через дверь вздымается облако черного и резко пахнущего дыма, сжатый в руках автоматом я сижу около прохода. Я уже делал все это

десятки раз за последние две недели, ныряю в темноту, перекачиваюсь через дыт на другую сторону коридора.

Даю очередь по заполненному дытм коридору, прикрывая Квиглона и Страдински, они ныряют вслед за мной, направляясь к проходу в паре метров позади меня. Встав на четвереньки, я ползу к ним и по дороге опустошаю очередь магазин. По дыту туда-сюда ныряют силуэты потенциальных целей. Укрывшись в проходе, я отщелкиваю магазин и откидываю его в сторону, быстро вытаскиваю другой из подсумка на оружейном ремне и мягко вставляю на место.

Про себя начинаю отсчет.

Когда доходит до двадцати, киваю Квиглону, он достает из своего рюкзака лазерный резак и начинает прожигать бронированную дверь. Вокруг рамы разлетаются искры, падают мне на левую руку и ногу, осыпаются на пол. Ручейки расплавленного металла стекают по двери и собираются в лужицу на полу, над которой по мере остывания витает

облачко. Я еще раз отсчитываю до двадцати, после чего высовываюсь из укрытия и на полуавтомате даю очередь. Еще пять секунд. Вдуга, как в проходе передо мной появляется Трост и несется мимо, кидаясь за Таней.

--- Дверь открыта, --- информирует нас Квидлон, отходит назад и резко бьет ногой, вышибая секцию металла, на месте которой остается достаточно широкий лаз, чтобы пролезть. Трост загибает свою голову внутрь, затем изгибаясь, исчезает.

--- Чисто, --- орет он нам через пару секунд. Я даю еще очередь по коридору, пока Квидлон, а затем и Таня, исчезают вслед за экспертом-подорывником, после чего разворачиваюсь и ныряю туда сама. Вставая на ноги на другой стороне, я оглядываю зал в поисках целей.

--- Подорывник, дымовая завеса! --- рявкаю я Тросту, и он вытягивает гранату из бандольеры поперек груди, большим пальцем воспламеняет запал и кидает ее в центр плаца. Она с лязгом останавливается почти на полпути

между нашей позицией и дверью в контрольную комнату станции транспорта. Мгновением позже, быстро заполняя огромное пространство, во все стороны разлетаются синеватые завитки дыма, тем самым ухудшая видимость во всех направлениях.

--- Вперед, --- говорю я Тане и Квидлону, выскакивая из прохода. Они лязгают по полу вслеп за мной. Трост остается сзади прикрывать дырку в воротах.

--- Движение, ложись! --- кричит Таня и кидается на пол рядом со мной. Я падаю и перекатываюсь, замечая уголком глаза какое-то движение в дыму. Слышится резкий хлопок снайперской винтовки Страгински, за ним следует крик боли.

--- Какого флага? --- я слышу крик Троста.

--- С каких это пор наши цели начали кричать? --- спрашивает находящийся сзади меня Квидлон. Я вскакиваю на ноги и низко пригибаясь, бегу вперед с Квидлоном по пятам.

Пока я бегу через дым, то замечаю

что-то на полу, какое-то комковатое очертание. Подбегаю ближе и вижу, что это Строниберг, распростерт на полу, руки и ноги широко раскинуты. Под ним медленно растекается лужица крови. Согнувшись над ним, я замечаю в его левой щеке входное пулевое отверстие. Я разворачиваю его голову и вижу, что половина черепа раздроблена. Руками я ощущаю, как он слабо дергается. Он еще жив!

--- Nnnn.... по... помощи мне..., --- утешает Строниберг, его глаза широко раскрыты, а по щекам струятся слезы, смешиваясь с кровью. Он кашляет и сплевывает, пятнами крови на его тунике падают обломки зубов.

Квидлон становится на колени и возится с меднакетом, привязанным к левому бедру Строниберга.

--- Все будет хорошо, Сшиватель, все будет хорошо, --- говорит Квидлон, вытаскивая нож и срезая меднакет и рывком выдергивая громоздкий подсукоток.

Я смотрю на другую сторону лица Строниберга, а если быть точнее, на

окровавленные, изорванные останки и
думаю о том, что было у него на уме, пока
он стоял и наблюдал, как проклятый
техножрец копается в моем мозгу своим
скальпелем. Меня почти пригвоздила к
месту пузырящаяся из раны кровь, и я
нерешительно тянусь туда пальцем. Когда
я почти достаю до мешанины серого
мозгового вещества и темно-красной
крови, кажется, Трост хватает меня за
запястье и отталкивает в сторону.

--- Какого фрага ты делаешь,
Последний Шанс? --- рычит он на меня, с
ненавистью в глазах. --- Да ты настоящий
псих. Тебя нужно избавить от мучений!

Я отбиваю его руку и отталкиваю,
резко выходя из транса. Поворачиваюсь к
Стронибергу и склоняюсь над ним.

--- Что нам делать, скажи, что нам
делать, Сшиватель? --- в отчаянье
спрашивает Квидлон, рассыная по полу
бинты, шприцы, кровоостанавливающие
жгуты и стимулы из мегнакета. ---
Сшиватель, ты должен сказать мне, что
делать, я даже не знаю для чего
предназначены эти штуки...

--- Зе... зеленый пузырьек, --- отвечает
хирург, кровь стекает из уголка его рта, ---
мне нужно... выпить его...

Квидлон находит пузырек,
выдерживает пробку и заливают
содержимое в раскрытый рот
Строниберга. Проглатывая, врач булькает
и задыхается, вспененная кровь теперь так
же течет из носа.

--- Прокладка... и бинты, --- задыхаясь,
выдает дальше Строниберг, его рука
хлопает по куче барахла на полу, пытаясь
на ощупь найти то, о чем он говорит.

--- У нас нет времени, --- внезапно
говорю я, встаю и оттаскиваю Квидлона.

--- Что ты имеешь в виду? --- хрипло
бросает Трост, хватает меня за плечо и
разворачивает к себе.

--- У нас примерно пять минут до
появления цели, --- спокойно отвечаю я ему,
--- Квидлону нужно заблокировать поезд, а
Тане нужно попасть в башню наблюдений
для выстрела.

--- Сшиватель утрет, если мы
оставит его, --- стонет Квидлон,
оглядываясь на Строниберга, который

ялятся на меня стеклянными глазами.

--- Тебе не спасти его, --- говорю я, глядя на него в ответ, --- пусть мясник подыхает.

Квидлон встает и замирает, Трост смотрит на меня так, словно я лично подстрелил Строниберга.

--- Нам нужно прервать тренировку, --- рычит он.

--- Ага, как же, --- рычу я в ответ, --- как будто мы сможем прервать задание во время настоящей миссии. Да вы до усрачки тупые. А теперь, возвращайся прикрывать вход, пока я не пустил пулю тебе в лоб! У пусть Снайпер двигает своей задницей сюда, нам нужно идти дальше.

--- Ты, --- я поворачиваюсь к Квидлону, --- иди в контрольную комнату и отключай подачу энергии на транспорт.

Они стоят как статуи.

--- Да прокляни все Император, --- ругаюсь я, бью Троста в челюсть, он падает на колени, --- пусть мне поможет Император, но если ты сейчас же не уйдешь, я сломаю каждую косточку в твоём гребаном теле!

Он, спотыкаясь, уходит, ругаясь как матрос. Квидлон колеблется секунду, после чего видит мой взгляд. Он хватается за оружие с пола и бежит к входу. Дымова завеса начинает истончаться, и я вижу, что Трост склонился и разговаривает со Страдински, которая, судя по всему, сидит на земле. Я бегу к ним и слышу конец фразы Троста.

--- убьет тебя, если не выдвинешься, --- говорит он ей, трясая за плечо. Он видит, как я приближаюсь, и со всех ног кидается к входу, на бегу скидывая с плеча свой плазган.

Скрестив ноги, Таня сидит на жестком полу, смотрит прямо перед собой, ее оружие лежит рядом.

--- Встать, Снайпер! --- ору я на нее. --- Хватай свое оружие и за мной!

Она не двигает ни одним мускулом, даже не моргает. Я хватаю ее винтовку и кидая ей, но та просто падает на ее колени, которые лежат на коленях. Зарывав, я хватаю ее за туннику и поднимаю на ноги. Она стоит, слегка шатаясь, а взгляд все еще расфокусирован.

--- Возьми свою винтовку, Снайпер! ---
говорю я ей медленно и подчеркивая каждое
слово. --- Это приказ, солдат!

Она не двигается. Я смотрю на нее,
прямо в глаза, мое лицо чуть ли не
касается ее. В глазах абсолютно пусто,
она просто смотрит сквозь меня куда-то
вдаль, и я могу только подозревать, что
она там видит.

--- Забудь про меня, --- тихо говорю я
ей, одновременно с этим успокаиваясь, ---
если это увидит Полковник, он застрелит
нас обоих. Тебе понятно? Тебе нужно
поднять свою винтовку.

Я беру оружие и медленно вкладываю
его в ее податливые руки, потом зажимаю
вокруг ружейного ложа ее пальцы. Она
стоит и не шевелится, ей абсолютно всё
равно все происходящее вокруг. Оружие с
грохотом падает на землю, когда я
отпускаю ее руки.

--- Прокляни тебя Император, да
приди уже в себя! --- я ору на нее, после
тыльной стороной ладони отвешиваю ей
пощечину, от чего ее верхняя губа
трескается. Она пораженно

отшатывается и берет себя в руки. Я снова вижу в ее глазах жизнь, но слишком поздно. Ее ботинок врежется мне между ног, и от этого удара я падаю на землю.

--- Ублюдок! --- орет она, пиная меня по животу, пока я катаюсь в пыли. Кажется, вместе с ударом я слышу треск ребер.

--- Я больше не хочу ни в кого стрелять! Разве ты не понимаешь? Я не убийца, я не тот настоящий солдат, о котором ты говоришь. Я никогда больше не возьму в руки оружие.

Ты не превратишь меня в убийцу!

Сжимая ребра и вздрагивая, я сажусь. Медленно встаю на ноги. Мое лицо ничего не выражает, и я долго, очень долго смотрю на Страдински. С преднамеренной медлительностью я склоняюсь и поднимаю ее снайперскую винтовку. Она смотрит на нее с ненавистью, она едва может смотреть на оружие. Дергаю затвор, вылетает гильза.

--- Почему ты не сказал нам, что у нас боевая амунция? --- медленно спрашивает она, глядя на упавшую гильзу.

--- А чего ты ожидала? --- спокойно

спрашиваю я. -- Мы тут не в какие-то
игры играет. И мы делаем это не ради
развлечения, Снайпер.

-- Не называй меня так! -- рывкает
она, отскакивая от меня. -- Я ненавижу
это имя!

-- Ты та, кто ты есть, -- злобно
отвечаю я, -- или солдат или трун, как
Строниберг.

-- Ты итеешь в виду Сшивателя? --
кисло спрашивает она.

-- Пока он был жив, он был полезен, он
был Сшивателем, -- говорю я, глядя через
плечо на остывающее тело, -- а теперь он
просто бесполезный, мертвый кусок мяса.

-- Я не Снайпер, меня зовут Таня
Страдински, -- возражает она, -- делай
что хочешь, но я больше не выстрелю из
этой винтовки.

Я швыряю оружие ей, и она с
легкостью его ловит. Ее хватка тверда и
уверенна, она привыкла держать оружие,
даже не раздумывая. Она смотрит на
винтовку и с грохотом роняет ее на пол. Я
достаю из кобуры на ремне стабберный
пистолет и подношу к ее лицу. Целюсь ей

прямо между глаз и кладу палец на спусковой крючок.

--- Возьми свое оружие, Снайпер, --- предупреждаю я ее.

Она качает головой.

--- Будь ты проклята, возьми его, я не хочу убивать тебя!

--- Лучше сдохнуть, --- дерзко отвечает она.

--- Вот как? --- спрашиваю я, спускаю с боевого взвода стаббер и запикиваю обратно в кобур. Хватаю Таню и тащу через весь зал туда, где в темной-красной луже лежит Строниберг.

--- Вот как ты будешь выглядеть, и это все, что останется от тебя, --- рычу я на нее.

Со слезами на глазах она пытается отвести взгляд. Я хватаю ее за волосы и силком ставлю на колени перед Стронибергом. Она начинает хныкать, когда я снова достаю стаббер и приставляю его к затылку.

--- Ты действительно этого хочешь? --- требую я ответа.

--- Я не могу снова стрелять, ---

утоляет она, глядя через плечо на меня. По ее щекам струятся слезы.

--- Я не прошу тебя стрелять, Таня, --- мягко говорю я, убираю оружие, --- мне нужно, чтобы ты только взяла ее.

Она мгновение колеблется, размазывает руками грязь по лицу, а затем встает на ноги. Она смотрит на меня, и я киваю на винтовку. Я следую за ней, пока она идет к оружию. Она наклоняется, ее руки почти прикасаются к винтовке.

--- Просто возьми ее, --- побуждаю я ее, мой голос спокоен. Она сжимает руками дуло и поднимает ее. Стоит так секунду, держа оружие в стороне от себя, словно это ядовитая змея или что-то в этом духе. С мучительным воплем она падает на колени и прижимает винтовку к своей груди.

--- Что я наделала? --- вопрошает она сквозь рыдания.

--- Ты убила человека, --- прямолинейно отвечаю я, отворачиваясь. От ее вида меня тошнит до глубины души. За все это гребаное дерьмо, я должен чертовски

хорошо отплатить Полковнику.

--- Ты убила человека, --- повторяю я, ---
вот что ты делаешь.

КАК Я И ОЖИДАЛ, Полковник недоволен событиями дня. Я в его кабинете, и комната выглядит удивительно похожей на ту, которая была у него на борту "Гордости Лота". Полагаю, что у него собственная мебель, и он привез ее с собой. На стенах панели из темного красного дерева, за его спиной книжный шкаф со стеклянной дверцей, на верхней полке кучка книг. Его простой стол и стул стоят в центре комнаты, куча бумаг аккуратно сложена у одного из углов. Сам же Шеффер ходит туда-сюда перед столом, его руки сжаты в кулаки за спиной.

--- Это было простое тренировочное упражнение, Кейдж, --- рычит он, даже не глядя в моем направлении, его презрение изливается ко всей вселенной, --- а теперь в моем отраде мертвый медик и снайпер, которая едва может держать себя в руках, чтобы взять винтовку.

В этот момент он поворачивается ко мне, и я вижу, что он действительно очень и очень зол. Его глаза, словно осколки блестящего льда, скулы напряжены, как и все тело.

— Ладно, без Строниберга я проживу, — злобно признается он, — но Страдински? Весь план крутится вокруг ее способности выстрелить. У нее будет только один шанс, только один. Ты обещал мне, что заставишь ее сделать этот выстрел. А в результате? Нагаеешь посреди тренировки и пытаешься убить себя? Что случилось с Кейджел, который был со мной на Учаре-4? Где суровый убийца, что прикрывал меня на Ложной Надежде? Где отличный солдат, который был со мной в Коританоруме? А теперь прошло несколько недель, а я собираюсь информировать свое начальство, что вся миссия под угрозой срыва?

Он прерывает свою тираду и делает глубокий вдох, после чего отворачивается от меня. Я просто стою вытянувшись и жду продолжения. Мне как-то не по себе, потому что я не знаю, что он будет

делать дальше. Он на самом деле собирается отменить ликвидацию? Это его решение, или кого-то другого? А если отменит, что будет со мной и с инструкторами Последнего Шанса? Что будет с ним? Все эти мысли вертятся у меня в голове, когда он разворачивается ко мне.

--- Я очень разочарован в тебе, Кейдж, торжественно произносит он, качая головой, --- на самом деле сильно разочарован.

Его слова пронзают меня сильнее, чем любой нож, и все, что я могу --- опустить голову от стыда, потому что у него есть право на разочарование. Я потерпел неудачу.

--- ЗАБИРАЙСЯ БЫСТРЕЕ! --- я ору на Страгински, стоя у основания командной башни транспорта в макете боевого купола. На моих глазах она молниеносно медленно поднимается по веревке сбоку здания.

--- У тебя только тридцать секунд на подъем, с самого низа и до верха. Забирайся

быстрее!

Она смотрит на меня сверху вниз через плечо, после чего возобновляет свои усилия, ее усталые руки медленно тянут ее вверх, метр за метром к комнате наблюдений.

--- Не понимаю, зачем это нужно, Последний Шанс, учитывая, что внутри башни есть лестницы, --- говорит Квидлон, стоя рядом со мной и глядя вверх, --- может быть, это подразумевается как какое-то наказание?

--- Нет, это не наказание, Мозги, --- отвечаю я, по-прежнему смотря на Таню, --- это называется предосторожность. Если что-то пойдет не так, и ты не сможешь по какой-то причине открыть дверь в башню, я хочу иметь на этот случай запасной план. Снайпер должна быть на позиции, чтобы ни случилось со всеми остальными.

Таня всего в паре метров от верха, но серьезно замедлилась. Все что ей нужно --- финальный рывок, и она уже там, но, уставшая, она просто висит на месте. Ладно, это уже ее десятый подъем за

последний час, но ей нужно натренировать
необходимые мышцы. С другой стороны от
меня стоит Морк, который пристально
смотрит на карабкающуюся фигуру.

--- Она упадет, --- просто
констатирует он, глядя на меня уголком
глаз, --- мне кажется потерять снайпера в
данный момент, будет очень плохо.

Он прав, веревка гико раскачивается
и кажется, что у нее хватает сил только
висеть на ней, без какого либо продвижения
вверх.

--- Подбодри ее, --- говорю я Морку,
скрестив руки на груди. Он достает свой
лазерный пистолет и готовит его, оружие
испускает короткий и высокочастотный
визг пока прогреваются энергетические
батареи.

--- Снайпер, слушай! --- орет он,
оглушая меня. Да его голос может
перекричать залп артиллерии в грозу!

--- Я собираюсь досчитать до трех, и
после чего стреляю в тебя, если ты все
еще будешь болтаться там!

Она снова смотрит вниз и видит,
что он повернулся к ней и поднял

пистолет, приняв дуэльную позу и вытянув
руку. Он стоит как скала, его внимание
приковано к старающейся изо всех сил
женщине.

--- Огун! --- орет он. На последних
глубинных резервах энергии Таня снова
начинает мучительно подтягивать себя.

--- Два! --- продолжает он, оставаясь
недвижимым, только целится чуть выше.
Таня одной рукой хватается за край
вершины здания, затем другой. Она
подтягивает себя к краю, а затем
переваливается через него и исчезает из
виду. Я разворачиваюсь к Морку и
признательно киваю. Таня высовывает
голову обратно из-за края и до нас
доносятся ее ругательства, она злобно
показывает нам кулак.

--- А ты думал, что это я жестокий
инструктор, --- комментирую я, обращаясь
к Квидлону, закидываю на плечо автоматы и
направляюсь к двери в башню.

--- Разница в том, что я бы не
выстрелил, --- орет мне вслед Морк, --- в
отличие от вас.

Я останавливаюсь и разворачиваюсь к

нит, смотрю на Квидлона, затем на Морка.

--- Это правда, --- соглашаюсь я и беспечно пожимаю плечами.

СТРЕЛЛИ делает ножом выпад в мою сторону, тыкая в живот. Быстрая атака снизу, но я удерживаюсь отступить, использую правую руку, чтобы отбить, потом делаю шаг к нему и тыкаю пальцами в горло. Он отшатывается, удар чуть-чуть не достаёт, и пытается подрубить мое запястье левой рукой. Я проворачиваю запястье и хватаю его за руку, и дергаю в сторону своего поднятого колена, но он прыгает в последнюю секунду, кувыркается вперед и перекатывается на ноги.

С осторожностью глядя друг на друга, пару секунд мы стоим и пыхтим.

--- Хорошо, так пойдет, --- говорю я ему, отшагивая в сторону и стирая пот со лба рукавом своей туники. --- Квидлон и Айл, вы следующие.

Они кружат друг против друга, ножи держат сзади, подальше от противника.

пока не будут готовы ударить. Айл
делает вынаг влево и резко уходит вправо,
но Квидлон не попадается на уловку и
ловит его движение, низко пригибается и
бьет ногой в левую ногу Айла. Скаун
запинается, но быстро приходит в себя,
чтобы отпрыгнуть в сторону, когда
Квидлон кидается в его сторону. Айл
впечатывает кулак в поясницу Квидлона.
Удар посылает того вперед, но он
превращает падение в кувырок, вскакивает
на ноги и плавно делает разворот на
месте. Его лицо искажено от боли.
Механик перекидывает нож в левую руку и
делает взмах в сторону Айла, и тот
вынужден отступить на пару шагов.
Квидлон немедленно следует за ним, снова
перекидывая нож. Айл пытается вернуть
инициативу и неуклюже тыкает ножом.
Квидлон с легкостью избегает, ловит руку
Айла с ножом напротив груди, после чего
толкает того на свое же лезвие. Айл
изумленно вскрикивает и валится в
сторону, выдергивая нож из рук Квидлона.
Выставив ноги перед собой, он сидит на
месте, кровь стекает по его животу и

заливает колени.

--- Хороший удар, Мозги, а теперь прикончи его, --- говорю я тихим голосом. Квидлон смотрит на меня, и на его лице смущение. Айл вытаскивает из себя нож, и скользкие от крови пальцы роняют оружие на пол.

--- Последний Шанс? --- спрашивает Квидлон, делая шаг в мою сторону. Я кидаю ему свой нож, который он с легкостью ловит, после чего указываю на Айла.

--- Прикончи его, --- говорю я и слегка киваю в сторону раненного. Все еще зажатая живот, Айл бросает на меня полный страха взгляд. Он пытается что-то сказать, но только хрипло каркает, глядя то на меня, то на Квидлона. Я вижу, что к нему пришло понимание, и в его взгляде появилась решимость.

--- Вперед, Мозги, --- шипит слева от меня Трост, которого обуяла жажда крови.

--- Оставь его в покое! --- возражает с другой стороны Тая, бросая на меня убийственный взгляд, --- Не делай этого, Мозги!

— Он не сделает, — слышу, как бормочет Стрелли, его руки небрежно скрещены на груди, — у него духу не хватит.

Квидлон все еще смотрит на меня, хмурится. Он бросает взгляд на Айла, затем снова на меня. Я просто киваю. Он отворачивается и делает шаг к Айлу.

— Да я заставлю тебя сожрать эту гребаную штучку! — задыхается Айл, пытаясь встать на ноги. Надо отдать ему должное — хорошая попытка, но с такой раной он далеко не уедет. Квидлон делает быстрый шаг и пинает Айла в лицо, опрокидывая его на спину. Затем заскакивает сверху и начинает впечатывать свои массивные кулаки в нос скаута. Запыхавшийся и ошеломленный Айл ничего не может поделать, когда Квидлон с силой прижимает его голову к земле и подносит лезвие к подбородку. Квидлон закрывает ему глаза и толкает лезвие, оно проскальзывает через рот Айла и входит в мозг. Так же медленно, он достает его обратно и встает, не глядя на меня. Окровавленный клинок все еще сжат

в его руке.

--- Да я не верю собственным глазам, ---
воскликает в изумлении Стрелли, ---
может быть, у него есть не только Мозги.

Я смотрю на труп Айла и киваю сам себе. Он умер как настоящий солдат. Он погиб сражаясь за свою жизнь, а не утлая пощадить его. Я это уважаю.

--- Ты только что убил Глаза, погонок! ---
Таня вопит на Квидлона, отворачиваясь с отвращением.

--- Нет, --- медленно отвечает Квидлон и смотрит на нас. На его лице брызги крови. Его голос спокоен, а выражение лица нейтральное.

--- Я просто подчинился приказу.

--- Добро пожаловать в настоящие солдаты, Мозги, --- говорю я ему, делаю шаг вперед и хлопаю по плечу.

--- ЭТО, КАЖЕТСЯ, чертовски дурной способ угробить кучу людей. Простите, что я так откровенно говорю, господин, --- заявляет капитан Имперской Гвардии. Он стоит вместе с инквизитором в рясе в ангаре для шаттлов транспортника

Циперии "Гордость Лота". Его круглая голова и широкие плечи придают ему зверский вид, но его мягкое шипение и бегающие глазки выдают тот факт, что он намного умнее, чем выглядит. Облаченный в простую униформу серо-черного камуфляжа, капитан Дестриен обладал высокой, производящей впечатление фигурой. И все же пожилой человек, с которым он говорил, казалось, обладает большим авторитетом. Черная ряса несла на себе печать *Agens* Терры, духовенства Земли, но этим Дестриена было не обмануть. Он не бюрократ *Администратума*.

Ни один из агентов Терры не ведет себя с такой уверенностью и властностью, но без намека на помпезность или гордыню.

Нет, хотя он и предпочел грубую личину, капитан всецело понимал, что разговаривает с инквизитором. Инквизитор тоже это знал.

— Я согласен, что ваш приказ в высшей степени необычный, капитан, даже можно сказать неординарный, — с улыбкой произнес инквизитор, тяжело

облокотившись на свою трость, -- но как бы то ни было, это ваш приказ и он был подписан вашими старшими офицерами, включая лично магистра войны Бейна.

Дестриен напрягся при упоминании Бейна, магистра войны и главнокомандующего всеми Имперскими силами в области Саркасси. Этот инквизитор не ходит вокруг да около. Он все тщательно организовал, начиная с самого верха.

-- Вы правы, таковы мои приказы, и я подчинюсь, но не думайте, что мне это нравится, -- пожаловался Дестриен, зная, что любой спор бесполезен, но в то же время, желая хоть как-то выразить свой протест.

-- Мы будем здесь, по меньшей мере, еще неделю. Нам нужно пополнить запасы.

-- А мне кажется, что даже сейчас, уже несколько лихтеров ожидают в доке, -- возразил инквизитор, лице которого играла все еще та же вежливая улыбка, -- я подумал, что будет необходимо решить этот вопрос как можно быстрее, и использовал некоторые свои... связи в

Департаменту Муниторум, ради вашей же пользы. Полагаю, что новая униформа и оборудование, указанное в вашем приказе, уже на борту. Проследите, чтобы во время путешествия ее раздали вашим бойцам.

--- Ставлю на то, что вы и облако прибьете гвоздями к стене, а, господин? --- сварливо отвечал Дестриен. Его всецело и полностью загнали в угол. Он надеялся использовать эту неделю, дабы связаться с магистром войны Бейном и попытаться спихнуть это назначение на кого-то другого, но инквизитор повсюду был на шаг впереди него.

--- Да, а так же на цыпочках пройтись по нитям паутины, капитан, --- ответил инквизитор, и его голос внезапно стал злобным и хриплым, а от предыдущей улыбки не осталось и следа. Он ткнул своей тростью в сторону Дестриена.

--- И помните, вы не имеете права обсуждать детали своего назначения ни с кем, вообще ни с кем, пока будете на пути к цели. Как только прибудете туда, вы откроете второй конверт опечатанных приказов и выполните их буквально. Это

полностью ясно?

--- Буквально, господин, --- тяжело повторил Дестриен.

--- Хорошо, --- улыбка инквизитора вернулась на его лицо с такой же легкостью, как исчезла, --- а теперь, вы уже должны быть в пути. Желаю вам попутного ветра от Императора и удачи, капитан.

Глава четвертая

Возвращение

+++ Знаки ясны, перевернутое Лезвие
показалось. +++

+++ Он обязательно должен прибыть.
Он ключевой объект. +++

Полковник бесстрастно наблюдает, как мы входим в аудиторию глядя на брифингов. Он стоит позади модели боевого купола тау, скрестив руки на груди. Мы вытягиваемся по стойке смирно около нижних скамеек и ждем его. Кивком разрешив нам садиться, с руками за спиной, он начинает вдоль и поперек мерить шагами подиум.

--- Как вы, несомненно, знаете, мы вчера вышли из варпа, --- провозглашает он, время от времени глядя на нас, пока ходит туда-сюда. Я заметил, что вчера ночью у меня не было моих варп-снов, и догадался о причине.

--- Мы здесь встречается с судном,

которое отвезет нас в пространство, контролируемое тау. Это судно -- боевой корабль тау, на котором под видом дипломатической миссии мы проберемся в Империю Тау и свяжемся с нашими союзниками в их правительстве. Хотя на борту корабля, мы все равно должны оставаться начеку. Экипаж не посвящен в наш тайный план, и мы должны полностью соответствовать образу. Если у них появятся подозрения относительно наших мотивов, вся миссия будет под угрозой. После того как мы погрузимся в шаттл, я раздам каждому из вас индивидуальные инструкции о ваших предполагаемых личностях.

На секунду он делает паузу, с глубоким мысленным выражением лица качает себе ухо, после чего строго смотрит на нас.

-- Тау будут пристально наблюдать за нами, -- предупреждает он, -- перво-наперво, даже если они поверили всему, что им сказали, я вас уверяю, им дали приказ наблюдать и изучать нас при каждой возможности. Второе, растущее

напряжение вокруг Саркасси и восстание
еще одного ренегата, которого зовут
Зоркий Взгляд, означает, что в данный
момент тау сильно насторожены. Они
также ожидают эскалации конфликта
между своей Империей и слугами
Императора, так что мы никоим образом
не должны ускорить ее. Так что ведите
себя как можно лучше и действуйте
согласно своей роли в качестве члена
мирной делегации.

Я внутренне улыбаюсь от иронии
этого утверждения. Последние несколько
месяцев я провел, тренирую этих людей,
превращая их в жестоких и самых
безжалостных убийц, а теперь мы должны
попытаться это скрыть от тау. Это
будет нелегко. В прошлом я предпринял
достаточно попыток слиться, так что
Полковник прав. Огун слиняет и наши дни
сочтены. Да и сам факт того, что нас
забирает корабль тау, говорит сам за себя.
Он показывает, что наши сообщники в
Империи Тау, должно быть, большие
ишшики. Даже не знаю, хорошо это или
плохо. Плюсом было то, что у них должно

быть достаточно власти, чтобы мы все провернули. С другой стороны, я еще ни разу не слышал, чтобы такие люди играли честно. Где-то всегда запрятан мұз в рукаве.

И, на мой взгляд, все дельце уж как-то слишком было чистеньким. Так что не ошибусь, если буду держать глаза и уши открытыми. С радостью поставлю на то, что Полковник тоже. Он не новичок в этом деле. Я имею в виду, что во время задания в Коританоруме мы дрались за Инквизицию, а надо еще поискать такое же скользкое, плетущее интриги и ненадежное учреждение. Тем не менее, я бы предпочел иметь их на своей стороне, учитывая обстоятельства.

— Кейдж, первым буду говорить с тобой. Подойдешь ко мне в начале следующего часа, — говорит мне Полковник, прерывая ход мыслей. Полагаю, он хочет поведать мне подлинные факты, а так же посветить в мою собственную личину.

Я стучусь в дверь и слышу, как

Шеффер зовет меня внутрь. Когда перешагиваю порог, то удивляюсь, забив двух охранников по сторонам от стола Полковника. С подозрением глядя на них, я захожу внутрь и закрываю за собой дверь. Они выглядят как стандартные охранники, у них гробовики, черная униформа и затемненные визоры шлемов. Хотя понятия не имею, почему они здесь. Полковник, кажется, читает мои мысли.

— Они здесь, чтобы ты не сделал чего-нибудь сгоряча, — объясняет он, глядя влево, потом вправо, а затем прямо на меня.

— С чего бы это, Полковник? — поспешно спрашиваю я, полностью обескураженный.

— Потому что ты не идешь на задание, Кейдж, — прямолинейно отвечает он.

— Не... не иду? — заикаюсь я, и мой разум бурлит, — я не понимаю, сэр.

— Это очевидно. Твое ментальное состояние больше не подходит для выполнения запланированной миссии, — прохладно заявляет он, — еще один эпизод

как в тренировочном ангаре, и это уничтожит всю легенду, под которой мы путешествуем. Братъ тебя слишком рискованно.

--- Нет, это не так, --- отвечаю, --- я могу и лучше чем все остальные. Вы не можете просто избавиться от меня!

--- Могу и избавлюсь, --- спокойно говорит он, --- штрафная колония "Лишение" лежит в системе, где мы встречается с тау. Тебя перевезут шаттлом на внутрисистемный корабль, и будут держать в колонии под стражей до следующего раза, когда ты снова мне понадобишься.

--- Вы не можете так поступить! --- ору я на него и делаю шаг вперед. Охранники угрожающе выдвигаются, поднимают свои дробовики, и я отступаю.

--- Вы не можете снова запретить меня! Если у меня проблемы с головой, то только из-за того, что вы сделали со мной! Это ведь вы издевались над моим разумом последние три года. Я не заслужил такого, чертовски тяжело работая и приводя эту группу в форму. Будь она проклята

Императором, вы знаете, что я могу и
знаете, что сделает со мной возвращение
в камеру!

--- Я принял решение, Кейдж, --- торжественно произносит он и встает, --- или охранники ведут тебя в ангар шаттлов, или я пристрелю тебя прямо здесь и сейчас. Что выбираете, лейтенант?

Я стою на месте, а мои эмоции мечутся между убийственным гневом и сокрушающей горем. Как он может так со мной поступать? И насколько он меня туда впечатит? Затем меня поражает мысль, и кровь вскипает в моих венах.

--- Вы организовали встречу с мной в системе со штрафной колонией, --- рычу я на Полковника, обвиняюще указывая на него пальцем, --- вы это давно планировали. Втянули меня в эти тренировки, а затем выбросили. Неблагодарный ублюдок, тебя вообще ничего не волнует?

--- Я ни разу не говорил, что ты будешь задействован в настоящем задании, --- спокойно отвечает Полковник, словно это полностью его оправдывает.

--- Ставлю, что так и есть, ---
выплываю я.

--- А теперь, Кейдж, ты выйдешь за
эту дверь или бойцам открыть огонь? ---
спрашивает он, пристально глядя на меня.
Без слов разворачиваюсь на каблуках и с
хлопком отрываю дверь. Прежде чем
выйти, я оборачиваюсь.

--- Миссия провалится, --- медленно
говорю я ему, --- провалится, потому что
меня не окажется там, чтобы вытащить
вас из огня, и ни один из этих ублюдков не
даст за вас и гроша.

Охрана стремительно следует за
мною, когда я тожественно шагаю по
коридору.

Внутри меня распирает от злости, и
мне хочется взбунтоваться. Мне хочется
кого-то ударить. Но на самом деле я хотел
бы, чтобы шея Полковника оказалась в
моих руках, пока я буду медленно
выдавливать из него жизнь. Желание
убивать сжигает меня, и в расстройстве я
на самом деле скрежещу зубами. Это все, о
чем я могу думать. Каждый мускул в моем
теле напряжен. Шесть месяцев я провел в

камере. Еще три месяца на корабле, потеем кровью, дабы обучить эту команду. И ради чего? Чтобы снова гнить где-то в другой тюрьме? Осознание того, что я почти там и снова сражаюсь, исполняя свою роль, дарованную Императором, медленно сводит меня с ума. И Шеффер просто отбирает у меня все это, просто отбрасывает в сторону, как давно запланировал. Он говорил, что нуждается во мне, но это только ложь, да? Я ему не нужен, я был просто полезен. Я просто выполнил за него тяжелую работу. Теперь, когда все готово, ему на меня плевать, ему все равно, что я закончу, выковыривая свои собственные глаза или размазывая мозги по стенкам камеры, проклиная его иля своим предсмертным выдохом. А в это время он идет на задание, и ему достанется моя слава.

Я не позволю ему просто так улететь, ибо это неправильно. Останавливаюсь, тяжело дышу и сжимаю кулаки.

--- Давай двигай, Кейдж, --- говорит мне один из охранников, чей голос

приглушен шлемом. Я поворачиваюсь к нему, готовый вырубить, но другой реагирует быстрее, вбивая приклад гробовика мне в живот. Его второй удар приходится мне в лоб, и я валюсь на пол.

— А он говорил, чтоб сразу так сделали, — говорит другой и бьет меня в затылок.

Прихожу в сознание уже внутри шаттла. Не в том шикарном что раньше, а в стандартном транспорте с деревянными скамейками и ретнями безопасности с потолка.

Ноги запястья скованы вместе длинной цепью, которая проходит через проушину болта, явно не так давно приваренного к палубе. Ноги зажаты тем же образом, на лодыжках висят тяжелые замки. Я еще и туго опутан ретнями безопасности, которые болезненно впиваются мне в плечи, пах и живот. Голова гудит, а кишки болят, над правым глазом я чувствую спекшуюся кровь. Напротив меня сидят два охранника, их гробовики на коленях. Они сняли свои

илеты и незрелко переговариваются. Тот, что слева, достаточно стар, его короткие коричневые волосы уже поседели на висках, а на лице отразились все тяжелые годы во флоте. Он, должно быть, тот крепкий ублюдок, что вырубил меня. Второй толложе, возможно ему около двадцати пяти, светлые волосы острижены аналогичным образом, щеки чисто выбриты. Его голубые глаза по очереди смотрят то на меня, то на своего товарища, и именно он замечает, что я очнулся. Он кивает напарнику, тот смотрит на меня.

— Пришел в себя, арестант? — с грубым стехом спрашивает старший. — Парень, ты должон сидеть тихо.

Я просто трачно смотрю на него в ответ, а он пожимает плечами. Сижу в толчании, пока они продолжают болтать о своих тупых, жалких жизнях, и мой разум начинает топтаться на месте. Ни под каким соусом я не вернусь в тюрьму. Для меня это будет настоящая смерть, и я скорее готов сдохнуть в попытке выбраться, чем проведу еще один день в

одиночной камере.

Но даже если я каким-то образом избежу, а это чертовски здоровое "если", то куда мне идти, что мне делать? Я застрял в шаттле, летящем к другому кораблю, который направляется в штрафную колонию. Что-то мне подсказывает, что на этом маршруте свобода будет относительно короткой. Даже если бы дело было не в этом, и мне было бы куда податься, я все еще не знаю, чем я мог заняться. Лететь на агротир и растить корни для стада зроксов? Ничего подобного. Стать священником в Экклезиархии, как мой покойный товарищ Ганно? Чую, что месяца монотонного гужения какого-нибудь толстого кардинала будет достаточно, чтобы я разбил пару голов.

Могу податься в телохранители, может быть, прилкнуть к пиратам, или стать наемником. Само по себе это будет неплохо, но в чем смысл? Угонять грузовые суда и похищать людей — мерзость даже по мне, особенно если учесть, что я должен быть на задании, которое жизненно важно

для защиты владений Императора. Да
прокляни все Император, я спас целый
сектор, я по всем правилам гребаный герой
войны, а теперь Полковник просто
сгружает меня с корабля и забывает обо
мне.

При мысли об этой несправедливости
меня снова начинает наполнять злоба.
Полковник взял и вот так просто предал
меня. Но какая-то часть во мне, которая
становится все больше, пока я думаю об
этом, говорит, что я должен доказать
Полковнику, что он не прав. Эта же часть
заставила меня вернуться за ним в
Коританоруме. Никогда не рассказывал
ему, что я был в секундах от того, чтобы
оставить его поджариваться в этом
огненном шарике. Но он, должно быть,
догадывался, так как является
достаточно проницательным человеком.
И что я получил в ответ? Ничего. Но
вопрос ведь не в благодарности, не так ли?
Я знал, что он не отблагодарит меня за
мой поступок, но я ведь все равно сделал. И
дело не в том, чтобы быть героем.
Оставляю это подобным Махариусу.

Яррику и Стагену Ходоку Смерти. Я не герой, я просто солдат.

Все дело в этом, не так ли? Я просто солдат, а Полковник отобрал у меня даже это. Что ж, будь он проклят, я покажу ему, какого солдата он создал. Внутри меня начала подниматься решимость, холодная решимость, которая полностью отлична от обжигающей злобы, что я ощущал ранее. И я собираюсь доказать Полковнику, насколько я хороший солдат и насколько я ценен для него.

В моей голове начинается формироваться план.

Я УЖЕ НАРУ ЧАСОВ НЕ СПЛЮ, и мне как раз предоставляется возможность. Я потратил все это время на обдумывание. Использую техники, что изучил в камере, я концентрирую свои мысли на каждой части плана по очереди, анализирую их, пытаюсь понять, что может пойти не так. Приходят ответы на вопросы, которые я задаю своему работающему вхолостую разуму.

Остается еще несколько деталей, которые
нужно продумать, но я решил, что если
захвачу шаттл, то вернусь обратно на
"Лавры Славы" и потребую, чтобы
Полковник взял меня на задание. Вот
тогда он поймет, насколько я хорош.

Так что когда молодой растегнул
свои ремни безопасности и вышел из
отсека, я начал действовать по плану. Я
считаю, так будет легче. По крайней
мере, нужно начать с освобождения.

--- Эй, флотский! --- говорю я старому
слева. --- Чего-то твоя компания скучна. За
что тебя сослали сюда капитаны
кораблей?

--- Закрой пасть, гвардеец, ---
огрызается он, пытаясь игнорировать
меня.

--- Знаешь, я однажды распотрошил
орка, который выглядел в точности как
ты, --- продолжаю я со стехом, --- только
вот орк все же выглядел лучше и был
умнее. Да и кажется, пахло от него лучше.

--- Как-то ты много болтаешь для
привязанного арестанта, солдатик, ---
угрожающе отвечает охранник, ---

наверное, мне прямо сейчас нужно будет пересчитать тебе зубы.

--- А, --- фыркаю я в ответ, --- тебе лучше сначала дождаться своего дружка. Судя по кораблю, тебе понадобится его помощь. Иначе я набил бы тебе морду так, что она напонила бы твою задницу.

Это вызвало нужную реакцию, поскольку его лицо налилось красным.

--- Если не хочешь до конца своей короткой жалкой жизни всасывать сунчик, то тебе лучше заткнуть свою проклятую пасть! --- орет он на меня.

--- Я слышал про флотских, --- продолжаю неустанно болтать, улыбаясь как эфирная акула, --- да ты пернуть то нормально не можешь, не то чтобы набить мне морду. Единственная причина, по которой ты пошел в охрану --- тебе нравится шлепать тужиков. А я слышал, такое частенько происходит.

--- Почему бы тебе... --- на сей раз он затыкается и проглатывает наживку. Он откладывает в сторону дробовик и отстегивает себя, после чего снова берет оружие и топает в мою сторону. Он

делает затах, но я уклоняюсь влево и избегаю удара, благодаря тому, что уже несколько часов, шаг за шагом ослабляя свои ремни безопасности. Дробовик с близкого расстояния врежется в переборку сзади меня, от удара его руки трясутся. Длины цепи вокруг ног достаточно, чтобы я хорошо пнул его в левое колено, из-за чего он сгибается. Когда она валится вперед, я двумя руками хватаю дробовик и врежаю ему в морду, разбиваю нос, и он отпускает оружие. Быстрый крученый удар по щеке отправляет его валяться на полубу. Обхватываю ногами его шею и вклиниваю дуло меж коленок, упирая ему в лицо. Теперь все что мне нужно — ждать.

— Как тебя зовут? — непринужденно спрашиваю я, стараясь избегать мыслей о том, насколько в целом ситуация возможно безнадежна. Я прижимаю дуло к его лицу одной рукой, второй отстегиваю ремни безопасности.

— Да иди ты на [кто], — уголком рта он выплевывает ругательство.

— Слушай, — говорю я ему, — мне на самом деле не хочется вышибать тебе

можу, но если будешь умным, и будешь
сделать все, что я тебе скажу, то
проживешь достаточно долго, чтобы
рассказать своим корабельным друзьям,
как психопат Кейдж узнал у вас шаттл.

Если захочешь, можешь даже
пропустить ту часть, где я пересиливаю
тебя, несмотря на то, что прикован.

--- А ты действительно веселый
парень, а? --- с сарказмом отвечает он. ---
Тебе не захватить шаттл, на котором
еще шесть охранников, плюс пилот и
второй пилот.

--- Ты думаешь, у меня не получится? ---
--- говорю я и тыкаю гробовиком. --- Если
будешь вести себя хорошо, то еще сможешь
есть, вместо того чтобы жевать полный
рот гроби.

--- Моя смерть не поможет тебе
сбежать, --- дерзко отвечает он.

--- Пока нет, но зато я буду
чувствовать себя просто великолепно, --- со
стехом отвечаю я.

--- Ну и куда ты собираешься
отправиться на шаттле, если все
получится? --- спрашивает он. Я считаю,

что он продолжает болтать, чтобы отвлечь меня, так что можно продолжать шутить.

--- Что ж, я думаю вернуться к Полковнику и дать ему еще один шанс, --- со всей серьезностью отвечаю я.

--- Ха! --- фыркает он. --- Шеффер пристрелит тебя, как только увидит. Да ты намного тупее, чем я думал.

--- Ну да, настолько, что сижу тут и целюсь в тебя из дробовика, --- подчеркиваю я, зажимая его шею ботинком, от чего он взвизгивает, --- мне кажется, что эта ситуация сбрасывает тебя далеко вниз по шкале сообразительности.

--- Тебе повезло и все, --- отвечает он.

--- Забавно, чем больше дерусь, тем больше мне везет, --- смеюсь я, наклоняюсь вперед и по-отцовски взъерошиваю ему волосы, --- а ты думал, что все уже закончилось.

--- Дело в том... --- дальше охранник начинает орать, потому что слышит грохот ботинок в слежном коридоре. Я откидываюсь и смотрю на дверь. Секунду спустя входит молодой, и на его лице

такое забавное изумление, что я скажусь в ответ.

--- Ты так быстро? --- любезно интересуюсь я.

Он смотрит на меня, затем на свой гробовик на противоположной от входа скамейке, в добрых пяти-шести метрах от него.

--- Да даже месть Императора не так быстра, --- предупреждаю я его.

--- А... что ты хочешь? --- спрашивает он, делая шаг назад.

--- Ну, для начала, подойди ближе ко мне на пару шагов и отойди от этой двери, --- спокойно говорю я, --- затем ты снимаешь ключи со своего ремня и кинешь их мне.

--- А что если нет? --- спрашивает он, одним глазом зыркая на коридор позади себя.

--- Тогда сначала я пристрелю твоего дружка, --- носком ботинка пихаю охранника под ноги, --- затем грохну тебя.

--- Ты не убьешь его просто так! --- В его голосе слышится недоверие.

— Очень даже убьет! — стремительно
выпаливает мой заложник. — Просто делай
то, что он велит, Лангстарм, делай что
он велит!

— Пошевеливайся Лангстарм, ты
слышал своего друга, — говорю я молодому,
и указываю на пространство перед собой.
Он делает два торопливых шага вперед,
его глаза мечутся между мной и
заложником.

— А теперь ключи, медленно и
плавно, — приказываю я ему, стараясь
сохранить голос спокойным, несмотря на
то, что мое сердце бешено колотится.
Похоже, все может получиться. Может.
Он отцепляет кольцо с ключами от ремня
и поднимает их, чтобы я видел. Затем он
начинает глупить.

Он со всей точи швыряет ключи мне в
лицо. Я сжимаю палец на спусковом
крючке, и что-то влажное
расплескивается мне на ноги. Поднимаю
гробовик и передергиваю затвор. В это
время он несется за своим оружием, а в
моих ушах до сих пор звенит от первого
выстрела. Он хватается оружие и с одной

руки делает выстрел в мою сторону. В
левое плечо мне тут же вшиваются
осколки от переборки. Мой ответный
выстрел уходит ниже, в правую ногу,
полностью отрывая конечность ниже
колена и заставляет его отлететь. Пока
он делает пируэт на пол, оружие
вылетает из его пальцев, а из культи во
все стороны брызжет темно-красным.

До моего обоняния долетает запах
пороха — резкая вонь, смешанная с
ароматом свежей крови.

— Ты... ты отстрелил мне ногу,
идиот! — орет он на меня, заставляя меня
сжаться из всех сил.

— Кажется да, — соглашаюсь я, все
еще похихикивая, — я предупреждал тебя.

— Но... но... да ты мне ногу
отстрелил, ублюдок! — орет он, и
кажется, что в его голосе больше злости,
чем боли. Списываю это на шоковое
состояние. У тела есть одна чрезвычайно
приятная особенность, оно
отфильтровывает все дерьмо, с чем не
может справиться твоя голова. Наподобие
обжигающей боли в плече. Я проверяю рану.

Все не так плохо, металлические щепки торчат из мышц, но не сильно кровоточат. Выживу, это уж как пить дать. Лангстарм садится на палубу, облокачивается на скамейку и недоверчиво пялится на искалеченный огрызок своей ноги.

— Хей, да это же флотский с деревянной ногой, кто бы мог подумать? — шучу я, но он почему-то не улыбается. Он все смотрит на огнестрельную рану. Я оглядываюсь в поисках ключей, но они в недосыгаемости, в метре слева от меня. Пытаюсь подтащить их ближе с помощью гробовика, но не важно, насколько я тянусь и изгибаюсь, так далеко дотянуться не могу. Нужно действовать быстро, ведь если мертвый говорил правду, то на борту еще есть охрана. Они должны были услышать выстрелы, и я подозреваю, что в данный момент они решают что делать. Меня убили? Или же я освободился и иду за ними? Долго они раздумывать не будут и скоро придут к согласию. И если я тут так и буду сидеть как тишень, то могу распрощаться со своей жизнью.

--- Лангстарл, --- говорю я раненому.
Он поднимает глаза и безучастно
смотрит на меня. Я тыкаю в его сторону
дубовиком.

--- Это было действительно глупо с
твоей стороны, так что давай теперь
лучшее и швырни мне эти ключи.

--- Забудь, --- цедит он, его голос
слабеет.

--- Ты теряешь кровь. Я могу помочь
тебе, если выберешься из цепей, --- обещаю я,
делаю лицо серьезным.

--- В противном случае, отстрелю
тебе и вторую ногу, --- бесцеремонно
добавляю.

Он смотрит сначала на
расплывающуюся лужу крови, а затем на
ключи. С гримасой от боли он шлепается
вперед и подтягивает себя по палубе.
Полностью вытянув руку, он толкает
связку в мою сторону, я склоняюсь и
поднимаю ее. Пока я вожусь с заткати,
снаружи двери кто-то начинает орать.

--- Во имя Императора, что там
происходит? --- спрашивает глубокий голос.

--- У вас тут трүн и еще один на

подходе, -- ору я в ответ, -- засунете свою голову в эту дверь и потеряете ее!

Левой рукой я пытаюсь расстегнуть замок на ногах, правой целюсь дробовиком в коридор, быстро переключая свое внимание с одной руки на другую. Нахожу ключ от замка на левой ноге, и колодка падает. Другой ключ открывает замок на правом запястье, что позволяет мне вытянуть цепь из проушины и встать на ноги.

-- Я позволю одному небооруженному бойцу забрать раненого! -- ору я ит. расстегивая еще один замок, и цепь падает на пол. Подбираюсь по скамейке ближе к двери, одновременно не сводя глаз с Лангстарта.

-- Какие у нас есть гарантии? -- орет в ответ их импровизированный переговорщик.

-- Никаких! -- выплевываю я, огибаю дверь и стреляю туда, после чего ныряю обратно. Мне не видно, попал ли я в кого-то, но это не важно, они меня поняли. Я слышу, как позади меня от боли рычит Лангстарт, разворачиваюсь и вижу, что он

целится в меня из отброшенного
гробовика. Ныряю влево, и выстрел
впечатывается в переборку, где я только
что стоял.

Делаю кувырок, остаюсь в
полуприсяде, загоняю еще один патрон и
низко целюсь. Выстрел попадает
охраннику в живот и отбрасывает его
назад. В этот момент кто-то бросается
через дверь, стреляя на полном автомате.
Широко расходящаяся очередь бьет по
дальней стене отсека. Реагирую, не
раздумывая, прыгаю в его сторону и врезаю
дулом гробовика в лицо. Этот тупой
идиот поднял визор. Свободной рукой
вырываю у него автоган, после чего врезаю
локтем в горло. Он падает, тихо кашляет
и зажимает горло руками. Закидываю
оружие на ремне за плечо и свободной рукой
хватаю телную ткань его одежды,
оттаскивая его дальше от двери.

--- Спасибо за нового заложника и
новую пушку! --- ору я, в ответ получаю
разнообразные грубые ругательства,
затрагивающие мою родословную.

Стоя на месте, в одной руке гробовик,

В другой ослепленный охранник, оценивая ситуацию. Все пошло не так, как я надеялся, но все еще можно спасти. В данный момент они с радостью нажмут на спусковые крючки, как только я высуну нос из-за двери. Затем мне в голову приходит одна мысль. Они не будут стрелять, если подумают, что я уже мертв. Моя кровь начинает бежать быстрее, мой мозг работает в полную силу. Я смотрю на охранника без сознания, замечаю его униформу, включая шлем с темным визором. Прежняя мысль начинает превращаться в план, и все что мне нужно, так это чтобы остальные на некоторое время оставили меня в покое.

Я стягиваю шлем с охранника, который ошеломленно смотрит на меня. Вбиваю его голову в переборку, и он снова теряет сознание. Поскольку я прикрываю вход гробовиком, снять с него униформу, используя одну руку, не так легко. Но после некоторой борьбы с его недвижимым телом, передо мной грудой лежит его одежда. Далее моя униформа, полностью, включая личный знак "Последнего шанса". Я

с усилиями натягиваю его прыжковый
комбез и в конечном итоге все равно
вынужден прислонить дробовик к стене, но
так, чтобы можно было легко дотянуться.
Я натягиваю на недвижимое тело свою
униформу. Эта задача столь же
трудоемкая, как и стянуть с него одежду, и
на всякий случай одним глазом
приглядываю за коридором. Водружаю себе
на голову шлем, и этот последний штрих
превращает сбежавшего заключенного
Кейджа в безликого охранника Кейджа.
Поднимаю парня вверх, держа за
подмышки, и затем впечатываю его в
стену, при этом несвязно ору. Держа его
около стены одной рукой, я хватаю
автомат и приставляю к его груди.
Нажимаю на спусковой крючок, даю
быструю очередь, попадающие пули
отправляют измученный труп в
коридор.

--- Он мертв! --- ору я, стараясь
замаскировать свой голос и надеясь, что
шлем достаточно приглушит его, чтобы
убедить их. Очевидно они купились,
поскольку трое влетают в комнату.

Стреляю высоко, целясь в их головы в шлемах. Одна быстрая очередь сбивает всех троих с ног. И сразу же прыгаю в коридор, врезаюсь в следующего. Он издает изумленный вскрик, когда мой кулак попадает в его незащищенный живот. Когда он сгибается пополам, я вижу за ним еще одного охранника, который поднимает гробовик. Я падаю и перекатываюсь, прикрываясь охранником. Надзиратель взбрыкивает и одновременно его рвет на меня кровавой пеной, когда выстрел из гробовика попадает ему в спину. С одной руки стреляю в коридор и слышу вскрик боли. Выглядываю из-за трупа охранника и вижу, что второй прислонился к стене, его грудь и живот прошиты красными дырами.

Переключаю автоган на одиночные, после чего иду к нему и небрежно вгоняю пулю в лицевой щиток, когда прохожу мимо. Коридор короткий, примерно пять метров, и заканчивается входным отсеком. Стены на другой стороне литые, за ними спрятан двигатель. Дверь во входной отсек открыта, и я не вижу за ней

движений.

Насколько я помню, в доковом отсеке есть еще одна комната, наподобие той, в которой я находился, а от нее в кабину ведет дверь. Вот где по-настоящему будет тяжело.

Нужно попасть в кабину, чтобы не убили, при этом оставить в живых или пилота или второго пилота. А где-то там есть еще два охранника, в чем я уверен. Стою на цыпочках, все мое тело готово мгновенно действовать. Напряжение велико, скажу я вам, хотя не ощущается настоящего сражения. Делаю шаг по коридору, и внезапно голову изнутри пронзает резкая боль. Я верчу головой, стараюсь понять, откуда в меня стреляли, но не помню, чтобы слышал выстрел. Боль усиливается, я кричу, и, несмотря на все усилия сдерживаться, падаю на колени. Мне словно ткнули в левый глаз раскаленным красным угольком и он тлеет у меня в мозгах.

Стою на коленях на палубе, а перед глазами все бешено плывет. Шаттл исчезает и я внезапно охвачен ощущением,

что кто-то стоит надо мной. Там, кажется, возвышается массивная темная фигура и намеревается убить меня. Все вокруг меня взрывается, слышатся выстрелы, они давят на мои бурлящие ощущения. Мое сердце кувалдой стучит в грудной клетке, иглы боли вонзаются в глаза и голову. Меня вроде тошнит, мои кишки начинает крутить, а когда атака спадает, я возвращаюсь на шаттл. Все мое тело сокрушено болью.

Нару секунд я стою на коленях, отлучений сжимаю зубы, стараюсь сфокусировать взгляд на коридоре, но мое зрение снова в этот миг кружится. Затем внезапно, как и возникла, боль исчезает. Даже каких-то остаточных приступов нет. Меня охватывает паника. Да что за черт со мной происходит? Что сделали эти тясники с моей головой, пока я спал?

Сторгнув слезы боли, я встаю на ноги и, шатаясь, иду к посадочному ангару. Снимаю шлем. В нем я ничего не слышу, а мне нужно, чтобы все мои чувства заработали на полную. Останавливаюсь в паре метров от прохода и слушаю.

отсекаю звук своего собственного тяжелого дыхания, без крови в ушах и стук сердца в груди. Вроде бы движения не видно, но чтобы знать наверняка, я сначала швыряю вперед шлем. Он громко лязгает по решетчатому настилу посадочной рампы, но кроме этого ничего не происходит.

Я осторожно появляюсь на входе в отсек. Его площадь примерно десять метров, напротив огромные внешние ворота воздушного шлюза, дверь в дальнюю комнату закрыта. Тут негде укрыться, кроме как за дверью, где они, скорее всего, и прячутся. Пока я стою и прикидываю варианты, в голову приходит неприятная мысль. Я без понятия как долго должен лететь этот шаттл. Насколько я знаю, ты можешь оказаться всего в паре минут от корабля с колонии, и, может быть, уже готовился к посадке. Мне нужно спешить, потому что если ты окажешься на борту другого корабля, мне некуда будет бежать. Но как это осуществить? Как пройти через эту дверь и выйти с другой стороны целым? Даже если они до сих пор не подстрелили меня, мне так или иначе все

равно нужно войти в гальную комнату, чтобы добраться до пилотов.

Я в полной прострации. Пытаюсь вспомнить, что я придумал ранее на этот случай, но мой разум затуманен. Еще и в голове появилась пульсирующая боль, не такие резкие прострелы мучений как раньше, но в том же месте, и из-за этого тяжело мыслить ясно. Я сажусь у стены напротив двери, автоган у меня на коленях и готов к стрельбе, но я не могу ждать. Размышляю над идеей открыть одну из панелей доступа для техножрецов и устроить неполадки в одном из двигателей, но почти сразу же отметаю эту мысль. Для начала, лучший способ прожариться до корочки — тыкать в механизмы, о которых не имеешь ни малейшего представления. Далее, нет никаких гарантий, что нанесенные мной повреждения можно будет устранить, и мы не будем просто дрейфовать в космосе, пока у нас не кончится воздух. Я один раз уже почти расстался с жизнью таким образом и повторять этот опыт у меня нет никакого желания.

Сижу на месте, и меня накрывает волна депрессии. К тому же они не позволяют мне просто так сдаться. Только не с кучкой мертвых охранников. Кроме того, я не могу просто так вернуться в катеру. Не готов к этому без драки. Сдаться — это слишком для меня. Опять же, я ощущаю себя таким одиноким, таким отстраненным от всего, что происходит. Как всегда я один против всей галактики и некому прикрыть мне спину. Как, во имя всего святого, я вообще попал в такую ситуацию? Должно быть, Император подготовил ее для меня, учитывая то количество дерьма, в которое он ткнул меня за последние годы. Это какой-то тест? Я уже бесчисленное количество раз доказал свою веру, начиная с момента как увидел первую смерть своего члена семьи и заканчивая этим моментом, когда я дерусь за право пойти на совершенно безумное и самоубийственное задание. Какого рожна я это делаю? Мне на самом деле так не хватает сражений?

Правда в том, что да. Я начал

успокаиваться, когда убил свою охрану, но
это такое приятное ощущение ---
показаться прямо в гуще событий. Это
огромное чувство победы, когда
нажимаешь на спусковой крючок и
смотришь, как вместо тебя умирают они.
Император, это волнующе! В другое время
я никогда не испытывал ничего подобного,
только когда свистят пули и моя жизнь в
руках Императора.

Вот почему я продолжаю сражаться,
вот почему мне нужно захватить этот
шаттл, развернуть его и вернуться к
Полковнику до того, как он покинет
"Лавры Славы". Встаю на ноги и пытаюсь
заставить мозги снова работать на всю
катушку, игнорируя тупую боль в голове.
Обвожу взглядом отсек в поисках
вдохновения. В потолке есть
вентиляционная решетка, но слишком
маленькая, чтобы пролезть через нее. В
дальней стене пара панелей. Может быть
оружейные шкафчики? Подхожу к одной
напротив меня, чтобы рассмотреть. Она
вмонтирована в стену и нет ручки, однако
видна заточная скважина. Я так понимаю,

она заперта. Пытаюсь подценить пальцами, но она не поддается. Возможно, у одного из охранников был нож...

Возвращаюсь к телам, чтобы проверить, но ухожу ни с чем. В итоге у меня три гробовика и четыре автомата, примерно двадцать патронов к первому и сто ко второму оружию. Можно попробовать палить в дверь и надеяться, что попаду в кого-то, но она достаточно толстая. Но даже в этом случае их ничего не остановит, чтобы сделать то же самое. В ответ, как только я начну стрелять. Нет, в этой задачке скорее разберется разум, чем оружие. Я оглядываюсь в поисках чего-нибудь полезного и замечаю ремни безопасности и их металлические застежки. Если я их вырву, то у меня появится веревка. Как можно использовать веревку? Ну, для начала можно с ее помощью открыть дверь с расстояния. Итак, я начинаю обдумывать план шаг за шагом. Могу открыть дверь, не расстреливая ее. Так, могу стрелять в коридор, если понадобится. Нет смысла начинать перестрелку через дверь, они

могут просто держать проход и ждаты стыковки, после чего вызвать подмогу. Насколько я знаю, они уже могли отправить доклад о том, что все идет не так и меня уже может ожидать теплая встреча.

Значит мне нужно что-то, что позволит атаковать. Можно просто пронестись мимо них, захватить врасплох и надеяться пристрелить их первым. Но как-то не по мне такие шансы пятьдесят на пятьдесят. Они могут ожидать такого.

Может как-нибудь их отвлечь? Фальшивый заложник, думаю я, глядя на распластанные вокруг меня тела. Хотя они будут подозрительны, да и невозможно сказать, поверят ли вообще. Может как-нибудь обмануть их другим способом? Как-то сомневаюсь. Будь я на их месте, к этому времени я бы уже ничему не доверял. А этот парень, или парни, у меня он остался в стороне, когда другие попались. Может быть тогда он трус? Может быть, я смогу заключить с ним сделку — скажу ему выходить по-тихому, пока его не постигла судьба приятелей.

Нет, все эти размышления об уловках и хитрых трюках никуда меня не приведут. Мне нужно попасть туда таким образом, о котором никто в этой комнате и не задумался бы. Все что мне нужно, всего лишь пара пуль, способных облететь углы, горько шучу я сам про себя. Моя кривая ухмылка исчезает, когда я продолжаю обдумывать эту мысль. А может и есть у меня пара пуль, которые могут облететь угол. Я могу соорудить что-нибудь из патронов для гробовика и магазинов. Что-то, что рванет как граната, если в нее попасть. Ха, связать пару магазинов меж собой и добавить туда до кучи горсть патронов для гробовика. Открыть дверь за веревочку, швырнуть эту штуку внутрь и затем подорвать ее очередью на полуавтомате. И пока они будут приходить в себя, учитывая, что вообще будут держаться на ногах, заскочить туда и завершить работу. Это план единственного шанса, потому что я потрачу большую часть своих боеприпасов на хорошую, толстую бомбу. Да какого черта, говорю я сам себе, один шанс лучше,

чем никакого.

Я истинно принимаюсь за работу, осознавая, что каждая проходящая секунда подводит меня все ближе и ближе к кораблю штрафной колонии и к последующей стремительной казни. Напрягая каждый мускул, я утруждаюсь вытащить один из ремней безопасности и треугольничком наношу его одним из зазубренных ключей в связке Лангстарта. Одним из них я связываю три магазина с другим наношу треугольника, в зазор наношу восемь патронов для гробовика. Мне в голову приходит еще кое-что. Я отрезаю одну из застежек и кладу ее в карман униформы охранника, которая все еще на мне. Осторожно отношу свою импровизированную гранату в стыковочный отсек и аккуратно кладу ее на пол, чтобы было легко попасть. Дверь на замке и я мягко поворачиваю ручку, пока она не щелкает — теперь ее можно открыть в долю секунды. Привязываю еще одну застежку к ручке двери и теперь ее можно открыть рывком. Используя приклад гробовика, сшибаю

вентиляционную решетку. Как я и подозревал, воздуховод бежит вперед к носу и назад к хвосту шаттла.

Держа в одной руке веревку от двери и гранату поблизости, я вытаскиваю застегнутую ремня безопасности из кармана и зашвыриваю ее туда, слушаю, как она бряцает к носу корабля. Одним движением, держа веревку двери и хватаю бомбу, зашвыривая ее внутрь через открытую дверь. Падаю на живот и перекатываюсь к проходу, автоматы готовы к стрельбе. Жду пару секунд, дабы убедиться, что никто не подобрал гранату, затем стреляю. Раздается серия трескучих взрывов, шарахают патроны для гробовика, разрушая при этом магазины, их патроны детонируют на долю секунды позже, заливая всю комнату кусочками шрапнели, некоторые пролетают мимо меня. Я перекатываюсь вперед и в слепую палю влево и вправо, а затем ныряю в укрытие центральной лавки. Ответного огня нет, и после взрыва бомбы тишина почти оглушает. Напрягаю слух, но ничего не слышу. В полуприсяде крадусь вперед и

остатриваюсь.

Комната полностью пуста.

В этом вообще нет никакого
гребаного смысла. На секунду я на самом
деле разочарован.

Я медленно встаю и почесываю
голову. Охранник врал или еще несколько
остались в кабине? Кажется, с меня уже
хватит этого дерьма. В этот момент
коммуникационная панель, встроенная в
стену рядом с дверью в кабину, с треском
оживает и на всю комнату раздается
гребезжащий голос.

--- Что там за взрыв? --- спрашивает
он. Я широкими шагами прохожу комнату
и нажимаю на кнопку ответа.

--- Да заключенный соорудил какую-то
бомбу, которая и шарахнула, --- говорю я
им, улыбаясь про себя, --- мне нужна
помощь, чтобы разобратъ этот завал.

--- С кем я разговариваю? --- с
подозрением спрашивает мужчина на
другом конце.

--- Я думаю, он еще жив, --- поспешно
отвечаю я, --- хватит задавать глупые
вопросы, идите сюда. Он достаточно

безумен, чтобы взорвать нас всех.

--- Хорошо, --- отвечает парень, устройство связи передает беспокойство в его голосе. Секунду или две спустя колесо замка на двери в кабину начинает вращаться, и люк поспешно открывается. Я хватаю за край и открываю его настежь, тыкаю туда дулом и сшибаю охранника с другой стороны на пол. Бью его прикладом автомата по голове и остаиваюсь. Пилот и второй пилот в ужасе смотрят на меня, обернувшись в своих креслах. Я небрежно тыкаю в их сторону оружием.

--- Планы меняются, --- говорю я им, обходя валяющегося без сознания охранника, --- делайте в точности, что я скажу, и все будет хорошо.

--- Что ты собираешься делать? --- спрашивает второй пилот, в его глазах страх.

--- Как раз ничего не собираюсь, --- отвечаю я с ухмылкой, --- а вот вы разворачиваете шаттл и летите сию же секунду обратно к "Лаврам Славы".

--- Но мы уже заходим на посадку, ---

возражает пилот, указывая в иллюминатор. Я смотрю через фонарь кабины и достаточно близко вижу корабль штрафной колонии. Он глинный и серый, к тому же практически лишенный выразительных черт. Как раз таким я и представлял себе корабль штрафной колонии.

--- Так, мне такой ответ не нравится, --- предупреждаю я их, и улыбка исчезает с моего лица, --- прерывайте посадку и разворачивайтесь.

--- Если мы прервем порядок захода на посадку, они поймут, что что-то не так, --- информирует меня второй пилот, --- и откроют огонь.

--- Ну, значит убедите их, что нам нужно развернуться, --- раздраженно отвечаю я, --- скажите им, что один из двигателей сильно поврежден или что-то в этом духе.

--- Они уже знают, что ты вырвался на свободу, --- тяжело признается пилот, --- ты связались с ними пару минут назад. Если они решат, что ты захватил шаттл, то подумают, что ты мертвы и

разорвут нас на кусочки.

--- Тогда вам тоже лучше спасать свои шкуры, --- злобно говорю я, размахивая перед ними своим оружием, дабы подчеркнуть свои слова, --- потому что если вы попытаетесь посадить этот корабль, я пристрелю вас обоих на месте.

Пилот смотрит на меня, затем на второго пилота. Он еще сильнее оседает в своем кресле и затем возвращается к управлению. Он щелкает какими-то переключателями и затем кивает второму пилоту, тот делает то же самое на своем конце панели. Из решетки в потолке начинает раздаваться пронзительный звук сирены и мигать желтые маячки. Пилот с раздраженным выражением лица смотрит на меня и бьет еще по нескольким кнопкам, отключая тревогу. В центре контрольной панели начинает пульсировать еще одна лампа.

--- Это связь, --- объясняет второй пилот, наклоняется вперед и снимает с ушей гарнитуру, --- они спрашивают, почему мы отключились от посадочного

устройства слежения.

--- Посылай их на [кто], --- хрипло отвечаю я, --- разворачивай это корыто и жми на газ, мне нужно повидаться с Полковником.

--- Они расстреляют нас, --- горячо предупреждает меня пилот, --- вы должны поверить мне.

--- Ну, тогда тебе нужно начинать толиться, чтобы этот шаттл мог разворачиваться и шустрить как истребитель, --- будничным тоном отвечаю я. Он куксится, а затем хватается за штурвальную колонку. Второй пилот что-то настраивает и до моего слуха доносится изменение в шуме двигателей, те пускают вибрацию по всему кораблю. Пилот уводит нас влево, судно колонии уплывает из виду, и затем мы ложимся на новый курс.

Второй пилот снова пришпоривает двигатели, и под моими ботинками сильно начинает вибрировать пол.

--- Нам приказывают вернуться на прежний курс или они откроют огонь, --- плачет второй пилот, рукой прижимая

наушник к голове. Я ничего не говорю. В течение нескольких секунд они оба молчат.

— Вот и началось, — бормочет второй пилот, откидывает гарнитуру, и крепко хватается руками за свое кресло.

Какие-то росчерки проносятся мимо моего взгляда, крошечные желтые искры, которые секундой позже взрываются огромным росчерком красного. Ругаясь сквозь зубы, пилот подныривает под плазменную очередь. Отброшенный назад, я тоже начинаю ругаться, когда врезаюсь спиной в колесо затка.

— Они промахнулись, — говорит второй пилот, внутри него сражаются облегчение и неверие.

— Ты idiot, это просто предупредительный выстрел перед носом, — говорю я ему, и он убывает от моего взгляда, — ты давай внимательно рули этой штукой.

Вскоре следуют новые взрывы, и я приковываю свое внимание к пилоту, как он мягко двигает штурвалом из стороны в сторону, вверх и вниз, беспорядочно входит

В штыпоры и взлетает, резко падает и
разворачивается. Внезапно шаттл кренится
и начинает трясти. Полдюжины красных
лампочек загораются на панели,
одновременно с этим начинают выть
сирены.

--- Закрой дверь! У нас разрыв корпуса! ---
бросает пилот, я разворачиваюсь и с
шумом захлопываю дверь в кабину,
отбрасываю автоган, чтобы провернуть
колесо замка, пока люк плотно не
закроется. В тот момент когда я
развернулся, второй пилот кидается на
меня, но я уклоняюсь, резко впечатываю
свой кулак ему в правый глаз и сшибаю
того с ног.

--- Не надо геройствовать, ---
предупреждаю я его, нависаю над ним и
еще раз бью, в этот раз разбиваю губы.

--- Если пообещаешь вести себя хорошо,
я больше не буду тебя бить, --- добавляю я,
и шарахаю теж глаз, ломая при этом нос.
Он скучит и пытается откатиться от
меня, но мой ботинок на его животе
препятствует этому. Я ставлю его на
ноги и откидываю обратно в кресло, где он

ошеломленно и замирает.

--- На будущее, просто делай то, что я тебе говорю, --- шикаю я на него, но он слишком ошеломлен, чтобы слушать.

--- Тебе придется поточь мне, --- зловеще говорит пилот, --- он не в состоянии.

--- Ага, типа я знаю, что делать, --- саркастически отвечаю я, глядя с сомнениями на второго пилота.

--- Делай, что я скажу, и все будет хорошо, --- уверяет он меня, и его слова подчеркиваются еще одним близким взрывом, от которого по бортам шаттла что-то барабанит. Я сталкиваю второго пилота на пол.

--- При любом красном сигнале, просто дергай переключатель под ним, хорошо? --- поучает пилот, глядя на меня, после чего отворачивается.

--- Хорошо, --- спокойно отвечаю я, смотрю на панель и отключаю все под красными огнями. Это не очень-то сложно.

--- Справа от тебя три красных рычага, --- продолжает пилот, не глядя на меня. Вижу их, один за другим.

--- Это управление двигателем. Слева направо от тебя, левый борт, главный и правый. Понял?

--- Левый, главный, правый, --- повторяю, прикасаясь к каждому по очереди, --- уловил.

--- Изменяй подачу топлива, когда скажу... --- остальное теряется во взрыве прямо перед нами, шпангель ливнет, усыпает шаттл. На строповом иллюминаторе появляются трещины, от этого в моей груди сжимается комок страха. Мне не хочется, чтобы меня вытянуло в космос. Это действительно страшный способ умереть. Впрочем, любой другой способ погибнуть тоже не веселее.

--- Поставь все три на семьдесят пять процентов мощности, одновременно, --- инструктирует меня пилот. Наклоняюсь вперед, хватаю все три рукой и тяну их медленно к себе. Они затирают напротив отметки «75%» и я оставляю их в покое.

--- А теперь давай главный на полную, --- медленно говорит пилот, чтобы исключить возможность непонимания с этой стороны. Я делаю все по его

инструкции и вытягиваю рычаг на себя.

--- Вот и все, мы теперь на крейсерской скорости, вскоре выйдем из радиуса обстрела, --- выдыхает пилот, откидываясь на спинку.

--- В конце концов, неплохо вышло, --- хихикаю я про себя, глядя на рычаги управления, --- а я-то думал управлять шаттлом сложно.

--- Гораздо легче, когда к твоей голове не приставлен пистолет, --- кисло отвечает пилот.

--- А что с этим делать? --- спрашиваю я, указываю на множество индикаторов над моей головой, чьи стрелки колеблются в красной зоне. Пилот бросает туда взгляд.

--- Матьер Императора! --- ругается он, наклоняясь вперед, чтобы взглянуть поближе. --- У нас утечка плазмы из главного двигателя. Нужно его отключить и выкинуть ядро, пока весь шаттл не взорвался!

--- Тупа я знаю, что делать, --- огрызаюсь я. Пилот растягивает ремни безопасности и отталкивает меня с

места, садясь в кресло второго пилота. Его руки порхают над кнопками управления, и заканчивает он тычком пальца в красную ручку наверху панели. Корпус дрожит от четырех последовательных взрывов, затем следует пауза в несколько секунд, и раздается финальный бабах, от которого звенит в ушах. Пилот облегченно смотрит на меня и уходит на свое место. Я слышу стон второго пилота и смотрю на него. Он приходит в себя, так что я хватаю его за волосы и тараню его лбом палубы, снова лишая его сознания. С ним теперь можно особо не церемониться, он явно не так важен.

БОЛЬШАЯ часть полета прошла без происшествий, и пилот, кажется, делает то, что ему сказали. Мне пришлось нокаутировать охранника в кабине, когда примерно через час он начал приходить в себя, но кроме этого, я просто сидел в кресле второго пилота и спрашивал за что отвечают те или иные кнопки управления. Неизвестно, когда это может

пригодиться.

Все это изменилось, когда мы вернулись в радиус действия связи "Лавры Славы". Я услышал жужжание в наушниках, все еще висящих на проводе от панели, и поднес их к уху.

--- "Альфранон", это "Лавры Славы", что там у вас происходит? --- спрашивает голос, --- повторяю, шаттл "Альфранон", доложите.

Я утапливаю клавишу передачи.

--- "Лавры Славы", это лейтенант Кейдж из 13-ого штрафного легиона, --- докладываю я, и на моем лице расплывается усмешка, --- запрашиваю разрешение на посадку.

--- Кто, мать твою? --- восклицает с другой стороны офицер связи. --- Что происходит?

--- А, "Лавры Славы", это лейтенант Кейдж из 13-ого штрафного легиона, --- повторяю, --- я это, вроде как реквизировал шаттл по срочным военным нуждам. Пожалуйста, свяжитесь с моим командующим офицером, Полковником Шеффером.

--- Кто-нибудь, пригласите сюда Шеффера, живо! --- я слышу, как офицер кричит по связи, после чего опять обращается непосредственно ко мне.

--- Кто пилотирует шаттл? --- неторопливо спрашивает он. Я смотрю на пилота.

--- Как тебя зовут? --- спрашиваю я, осознав, что так и не спросил.

--- Карандон, Лукас Карандон, --- отвечает он смущенно.

--- Пилот Карандон за штурвалом, я ассистирую, --- докладываю я, подмигивая пилоту, --- у нас тут некоторые повреждения, пришлось выкинуть главный двигатель.

Отпустив клавишу передачи, я смотрю на Лукаса.

--- Им еще что-нибудь следует знать? --- спрашиваю я, кивая в сторону связи.

--- Ах да, скажи им, что у нас так же возможно разгерметизирован корпус, --- говорит он, через секунду размышлений.

--- У нас так же разрыв корпуса, не знаем где, --- передаю я сообщение, поднеся микрофон к губам.

--- Кейдж, ты что там вытворяешь! ---
равкает в ответ на меня Полковник, и от
неожиданности я почти роняю гарнитурку.
Я начинаю отвечать, но затолкаю,
внезапно запутавшись. А что я делаю?
Нару часов назад все было так предельно
ясно, но за всей этой заварушкой, я как-то
все позабыл.

--- Назови мне хоть одну причину, по
которой я не отдам приказ экипажу
расстрелять шаттл, --- продолжает
Шеффер, и я слышу в его голосе гнев. Мне
начинает казаться, что это было не
такой уж хорошей идеей. Может быть, я
был слишком оптимистичен.

--- Что ж, у меня тут в кабине три
хорошие причины, --- отвечаю я, стараясь
скрыть в своем голосе сомнения, но не
очень-то успешно, --- плюс, может быть
кто-то еще остался в живых.

--- Я как-то особенно не пылаю к ним
любовью за то, что они позволили
захватить шаттл, Кейдж, --- тяжело
говорит он.

--- Не отсылайте меня обратно в
тюрьму, Полковник, --- внезапно

вырывается у меня, --- возьмите меня с собой! Хотя бы дайте нам сесть, и я все объясню.

--- Я дам разрешение на посадку, но больше никаких обещаний, --- говорит он мне, и я слышу, как щелчком прерывается связь.

Следующие полчаса будут для меня очень нервными. Я сижу на месте и держу управление, по советам Лукаса, пытаюсь обратиться с тысячи. Полковник разговаривал не очень-то довольным тоном, это еще мягко сказано, и нужно будет его переубедить. К тому же, что такое сказать, чтобы он не пристрелил меня на месте, как только я сойду с шаттла? На самом деле такой исход событий более вероятен, чем что-либо другое. И все же у меня три заложника. Несмотря на то, что говорит Полковник, это должно дать мне хоть какие-то рычаги воздействия. Ну, по крайней мере, если флотские смогут что-либо сказать. Я полагаю, что если бы все зависело от Полковника, то он скорее предпочел бы видеть их трупы, чем заключать со мной

сделки.

С ДРОЖАЩИМ сердцем я захожу в стыковочный отсек и держу рычаг, который опускает рампу. Со мной Лукас и его трясет как лист на ветру. Неудивительно, ведь я держу его перед собой, зажав его горло рукой, с прижатым автоганом к затылку. На шаттле полный бедлам. Я быстро осмотрел его перед посадкой. В заднем отсеке такая дыра, что через нее спокойно можно проползти, все скамейки выдраны и не видно ни одного охранника. Полагаю, их вытянуло в космос.

С лязгом рампа касается палубного настила, и я остатриваюсь. Передо мной шеренга из примерно двадцати охранников и у каждого дробовик. В центре стоит Полковник вместе с парой офицеров флота. Я стою наверху рампы и пялюсь на них.

— Сдавайся, Кейдж, — орет Полковник, — в противном случае я пристрелю тебя на месте!

— Я только хочу поговорить, Полковник, — ору я в ответ, — просто

выслушайте, что я скажу.

--- Никаких сделок, Кейдж, --- коротко отвечает он, --- отпусти этого человека и выйди из шаттла, в противном случае я тогдаю приказ открыть огонь.

При этих словах два флотских офицера обмениваются взглядами, но ничего не говорят. Взгляд Полковника пригвожден ко мне, суровый и тяжелый, как сталь. Я стою на месте и смотрю на него в ответ.

--- Целься! --- командует он, охранники подчиняются приказу и поднимают оружие.

--- Ох, фраз! --- ругаюсь я, толкаю Лукаса вперед и ныряю обратно как раз в тот момент, когда Полковник выкрикивает очередной приказ. Прогрызенное тело Лукаса залетает обратно в отсек, а я ползу к пассажирскому отсеку в кортовой части.

--- Ради Императора, Полковник! --- ору я, прижатая автоган к груди, --- если вы пойдете за мной, я убью их всех, клянусь!

--- Ты больше никого не убьешь, лейтенант Кейдж, --- раздается голос, от

которого у меня по спине бегут мурашки, —
выходи, чтобы я тебя видел.

Голос принадлежит человеку, которого я полтора года уже считал как мертвым. Человеку, которого я оставил умирать в огненной буре, которая стерла целый город. Человеку, у которого совершенно не было никаких причин оставлять меня в живых. Голос принадлежит инквизитору Ориелю.

Сопровствуюсь сильному желанию ответить, но что-то в его голосе изводит меня из разума, заставляет меня встать и выйти на посадочную рампу. Я задерживаюсь там на секунду и отбрасываю оружие.

Я был прав, это Ориель. В данный момент он стоит рядом с Полковником, одетый в глинное синее пальто, обшитое золотыми нитями. Он отпустил себе короткую козлиную бородку, что придает ему еще более злобный вид, чем в последний раз, когда я его видел. Скрестив руки на груди, он стоит расслабленно и смотрит на меня.

Жестом он заставляет охрану

опустить оружие и широкими шагами
отправляется ко мне.

— Удивлены, лейтенант Кейдж? —
спрашивает он, поднимаясь по рампе и
останавливаясь в паре шагов передо мной.

— Да вроде бы не должен. Там, в конце
концов, был второй шаттл, — медленно
отвечаю я, выглядывая из-за его плеча на
Полковника, — а вы как и раньше
управляете Полковником.

— Да, там был второй шаттл, —
прохладно улыбается он, игнорируя второй
комментарий, — расскажи мне, зачем ты
вернулся сюда, Кейдж.

— Мне нужно пойти на задание, —
объясняю я, произнося медленно,
подчеркивая каждое слово, — если я вернусь
обратно в тюрьму, она доконает меня.

— Твое возвращение сюда тоже
может прикончить тебя, — через секунду
отвечает он, — тебя могут убить на
задании.

— Я готов рискнуть, — спокойно
отвечаю, наконец-то глядя в его темные
глаза, — я скорее готов рискнуть
выступить против тау, чем сгнить в

камере.

--- Да, готов, не так ли? --- говорит он, прищурившись.

Мы оба стоим на месте и смотрим друг другу в глаза кажется уже целую вечность. Ориель тщательно изучает меня. Я убежден, что он собирается уйти и отдать приказ открыть огонь, но он просто стоит, наблюдает за мной своим мудрым взглядом, оценивает варианты. Ничего не говорю, осознавая теперь, что мне на самом деле нечего сказать. Что произойдет дальше со мной, зависит от этого человека, и только от него. От человека, которого я в известной мере пытался убить. Меня наполняет ужас.

--- Я впечатлен твоей стойкостью, Кейдж. Ты отказываешься утирать, а? --- внезапно спрашивает он, ломая тяжелое молчание.

--- Никогда не утру с легкостью, это уж точно, --- отвечаю я, и в моей груди начинает разгораться надежда, словно первые язычки пламени.

--- Очень хорошо, --- кивает он, --- ты пойдешь с нами на задание. Хотя если

дашь хоть повод сомневаться в тебе, я
тебя убью.

В качестве ответа я широко
ухмыляюсь и с облегчением выдыхаю.

— Не будет ни одного, — говорю я,
внезапно ощущая себя очень уставшим от
всего произошедшего, — я сделаю все
необходимое, о чем бы вы меня не просили.

ОРУЕЛЬ сидит за низким столиком,
и единственная свеча истекает воском на
серебряную консоль справа от него. Из
маленького ящичка, спрятанного внутри
столика, он достает колоду Имперских
карт Таро и раскладывает их веером
перед собой. Кристаллическое серебро
каждой карты мерцает в свете свечи,
заставляя голографическую картинку на
них приплясывать и вибрировать. Собрав
их всех вместе, он разделяет колоду на
три кучки, затем на шесть, после чего
снова собирает карты, следуя
запрещенному ритуалу. Он прогелывает
это еще дважды, борточа при этом
толмиву Императору.

На секунду он закрывает глаза и

концентрирует свои мысли и молитвы на картах. Снова открыв глаза, он кладет перед собой на стол верхнюю карту. Выше он добавляет следующую и затем под правильным углом между первыми еще две карты.

Он переворачивает верхнюю карту и отодвигает ее от себя, после чего смотрит на изображение. Стилизованный трагичный жнец с лицом-черепом и в черной тунике машет в его сторону косой.

— Смерть, — произносит он вслух. Он переворачивает правую карту, открывая кружащуюся, разъявленную пасть.

— Бездна, — он обращается к галактике в целом, еще одна важная часть ритуала.

Левая карта оказывается чудищем со множеством щупалец, с глазами на стебельках, которые колышутся внутри голограммы.

— Демон.

Наконец, с небольшим колебанием, Ориель медленно открывает ближайшую к нему карту. Она вверх ногами, а на голограммке изукрашенная сабля в потоках

крови.

--- Клинок, перевернутый.

Ориель поглаживает подбородок и смотрит на карты, его брови слегка нахмурены от озабоченности.

--- Всегда Смерть и перевернутый Клинок, --- бормочет он сам себе, подбирает карту Клинок и тщательно к ней приставляется, --- я был прав насчет тебя, Кейдж. Я был прав.

Глава пятая

Ме'лек

+++ Контакт произведен. +++

+++ Муха летит к паутине. +++

Остальные держались погальше от меня, пока мы ожидали корабль тау, который вскорости должен был прибыть. Они теперь не были уверены в моей роли, и если быть честным, я тоже. Полковник не разговаривал со мной с тех пор, как я вернулся, а просто злобно протаршировал прочь, когда инквизитор Ориель сказал ему, что я тоже иду. Чуть позже, после того как мне выдался шанс привести себя в порядок после сражения во время угона, меня вызвал Ориель. Он обустроил себе кабинет в одной из кают на борту "Лавров Славы", куда меня и проводил угрюмый охранник. Насколько знаю, возможно, я убил одного из его грузей. Не то, чтобы это меня волновало. Никто не может рассказать мне ничего нового о гибели

товарищей в сражениях, потому что я потерял их всех. Это одна из причин, по которой я ощущаю необходимость жить дальше, чтобы кто-то помнил их самих и жертву, которую они принесли во имя безопасности других. В их честь никто не будет праздновать годовщину, и они никогда не станут героями, какими я их запомнил. Я вижу их лица, пока иду вдоль коридора за охранником. Хорошие воспоминания. Может показаться странным, но я еще никогда не думал об этом, но не найдетсЯ людей, с которыми я прошел бы этот ад, кроме них. Но в этот раз их нет рядом, так что все зависит только от меня. Ориель приглашает меня внутрь вскоре, после того как я постучался, и я захожу в каюту. Она богато обставлена, тут пять громадных кожаных кресел, несколько низких столиков и аккуратные комоды вдоль стен. Ориель сидит в самом дальнем кресле от двери. Взмахом он приглашает меня усесться в кресло напротив него.

--- Садись, Кейдж, --- предлагает он, --- тебе нужно кое-что навестать.

Я подчиняюсь его предложению, сажусь на край кресла, ощущая неловкость от его взгляда.

— Я полагаю, Полковник Шеффер вкратце обрисовал ситуацию, — продолжает он, когда решает, что я уселся.

— Угу, за нами летит корабль тау, — говорю я, стараясь припомнить все, что Полковник рассказывал ранее. Кажется невероятным, что это было только пару часов назад, а кажется, что прошли дни.

— Пока мы на борту, мы представляем дипломатической миссией, — летим на какой-то мир тау и встречаемся с парнями, которые помогают нам.

— Да, что-то в этом духе, — соглашается Ориель, наклоняясь вперед и укладывая руки на колени, — у меня роль Имперского командующего одного из миров, близких к территории тау. Ты и остальные, вроде как советники, консультанты и так далее.

— Это будет весело, — импульсивно вырывается у меня, и он озадаченно

смотрит в ответ. — Я имею в виду
давать советы инквизитору.

— Что ж, теперь забудь об этом, —
серьезно говорит он мне, — хотя наши
контакты не осознают, кем я на самом
деле являюсь, они верят в наш маскарад.
Если они только пронюхают, что тут
вовлечена Инквизиция, это их спугнет.
Они не очень много знают о нас, но
слышали достаточно историй, чтобы с
подозрением относиться ко всему, во что
вовлечена Инквизиция.

Не могу себе представить почему,
говорю я сам себе. Не то, чтобы я считал
их кучкой коварных, кровожадных,
гвүличных мучителей и охотников на
ведьм, ну вы понимаете. Или вспоминал о
том, что мой прошлый опыт работы с
Ориелет оставил мне точное знание, что
они рассматривают каждого, включая
себя, как допустимую потерю. Теперь я не
особо придаю этому значение, ведь я лично
пожертвовал парочкой своих органов, но
хотя бы не заявляю, что меня этим
правом наградил Император.

— Теперь все необходимые переговоры

бүдү вести я и Полковник, -- продолжает
он, не заметив моей рассеянности, -- если
кто-либо задаст тебе прямой вопрос,
тогда просто отвечай, что не знаешь или
что твоя должность не позволяет
комментировать.

-- Косить под дурочку, вы умеете в
бүдү? -- подытоживаю я, в своем
собственном, очаровательном стиле.

-- Да, играй дурочку, -- терпеливо
соглашается Ориель, медленно выстукивая
пальцами, будто подсчитывая что-то, --
запомни, обращай ко мне "сэр" или
"командующий", и не называй Шеффера
"Полковником" или "сэром", по легенде ни у
кого из вас нет военных рангов. Ясно, что
тау не верят в это ни на йоту, но мы
играем в дипломатию, что означает --
хотя бы претворяться, что мы не военные
и не шпионим за ними. Они точно
ожидают от нас такого, и
соответственно будут постоянно
пытаться выудить из нас любую
информацию...

-- Простите, но конкретно для чего
мы посылаем дипломатов на планету

чужаков? — спрашиваю я, когда эта мысль приходит мне в голову. — Почему мы вообще заторачивается с этим заданием? Почему бы нам просто не собрать боевой флот и не загнать этого командира-предателя обратно под камень, из под которого он вылез?

— Давай я объясню тебе по-простому, — спокойно отвечает инквизитор, в его голосе нет и следа раздражения или нетерпения от того, что я его прервал. А он хладнокровен и не делает ошибок.

— Наши отношения с тау очень деликатные. В настоящее время империя медленно расширяется во владения Императора и оспаривает смежные миры. Однако, они открыто не враждебны человечеству, они просто видят в нас своеобразных существ. В отличие, к примеру, от тиранидов, которые хотели бы нас уничтожить. И по правде говоря, учитывая громадную угрозу вторжения последнего флота-ульа в эту область галактики, мы не можем позволить себе начать глупую и кровопролитную войну с тау, не ослабив

защиту в других секторах. Следовательно, сейчас мы должны сближаться как можно тиролобивее. Когда-нибудь в будущем с тау нужно будет разобраться. Но не сейчас. Император уже правит галактикой десять тысяч лет, так что торопиться некуда.

Я сижу и киваю, впитывая информацию. Значит, он говорит о том, что нам нет смысла затевать ненужную драку, пока сначала не выиграли ключевых других сражений. В этом есть смысл, в конце концов, только идиот дерется с дубля парнями одновременно. И, как он и говорит, позднее будет куча времени, чтобы разобраться с тау, как только мы расквитаемся с тиранидами.

Он тратит следующие несколько часов на объяснение деталей легенд, снова и снова подчеркивая важность не вызывать подозрений у тау. Он достаточно подробно все объясняет, но это его задание, так что я полагаю, у него есть такое право. Я вникаю во все детали, запоминаю название планеты, откуда мы прибыли, подразумеваемую цель визита к тау, на

что мне обращать внимание, что мы
можем почерпнуть об этих чужаках ради
будущего, в том числе, как и все о нашей
миссии.

Как я и говорил -- сделаю все, что мне
скажут. Я просто солдат и подчиняюсь
приказам, и меня не особо беспокоят
причины, по которым их отдали. Пусть
так считают те, кто сомневается в
приказах, на таких мне плевать. Я
однажды уже нарушил свою присягу, и
посмотрите, куда это меня привело. В
этот раз я собираюсь все сделать
правильно, пусть даже Полковник пытался
меня остановить. Когда мы завершаем
беседу, Ориель спрашивает, есть ли у меня
какие-нибудь вопросы.

-- Почему вы не поддержали
Полковника? -- спрашиваю я. -- Почему не
позволили ему просто пристрелить меня?

-- Потому что ты достаточно
отчаявшийся человек, что бы узнать
шаттл и прилететь обратно принять
участие в самоубийственной миссии, и
достаточно отчаянный, чтобы сделать
все необходимое, -- отвечает он мне с

улыбочкой. — Из твоего прошлого я знаю, что могу положиться на тебя, Кейдж. Так же считает и Полковник Шеффер, но он не мог заключить с тобой сделку, и не мог позволить другим считать, что у него есть какие-то слабости. И если бы ты был честным, их нет. Это я могу быть гибче. Мне не нужно поддерживать свою власть, она и так абсолютна.

— Я полагаю, все инквизиторы так отвечают на вопрос, а? — говорю, повторяя улыбочку Ориеля. Он тупеет.

— У меня есть священный долг, как и у Полковника Шеффера, — серьезно отвечает он, — и у меня абсолютная власть, потому что на мне же и абсолютная ответственность. Во всех смыслах, все в моем распоряжении, но я обязан сражаться со всеми угрозами Императору и его слугам. Я позволил тебе пойти на это задание, потому что считаю, что ты внесешь свой вклад и поможешь мне в этом деле. Но я могу сделать с тобой все, что угодно, как только сочту тебя бесполезным, так же, как и Полковник Шеффер. Это ясно?

--- Абсолютно, --- тихо отвечаю я, ощущая, словно мне отвесили пощечину, --- но я не инструмент, я оружие, и оно может выстрелить в ваших руках.

--- Да, может, --- смеется Ориель, --- только не пытайся покончить жизнь самоубийством в моих руках, пока миссия не завершена.

Он отпускает меня взмахом руки, и пока я покидаю комнату, то ощущаю на себе его взгляд. Охранник отводит меня обратно в наши каюты и оставляет перед дверью в мою комнату. Я смотрю, как он уходит, после чего открываю дверь и делаю шаг внутрь.

ЧТО-ТО врезается мне в лицо, и я падаю на колени. Сквозь навернувшиеся слезы я вижу стоящего надо мной Морка и остальных за его спиной. Я протягиваю руку, дабы подняться, Трост шагает вперед и впечатывает свой кулак мне под ребра, вышибая при этом дыхание.

--- На секунду останься на месте и послушай, Кейдж, --- говорит Стрелли.

выходя вперед и тыкая ногой в мое раненное плечо.

— Полковник не очень-то впечатлен твоим возвращением, Кейдж, — рычит Трост, — ты как пушка с затяжным воспламенением, можешь взорваться в любую секунду. Так что мы присмотрим за тобой. Ты и так уже достаточно покоптил мир, так что мы с удовольствием уложим тебя в мешок для трупов.

Быстро, словно сточная змея, я перекатываюсь, оборачиваю руку вокруг ноги Стрелли и опрокидываю его на пол, злобно выворачивая его колено. Трост пытается пнуть меня, однако я коленом подсекаю его ноги. Морк со всей дури замахивается, но я поворачиваюсь и принимаю удар плечом, после чего единым движением перекатываюсь и встаю на ноги. С пола на меня кидается Стрелли, и я поднимаю колено, попадая ему прямо в лицо, пока он пытается обхватить руками мою талию и повалить на пол. Его бросок откидывает меня на шаг назад, и Морк обхватывает мое горло рукой, после чего

сильно сжимает. Я бью локтем ему в ребра, он рычит, но не отпускает. Пока я пытаюсь извернуться и методично вбиваю локоть в ребра Морку, Трост приходит в себя и встает на ноги. Хватка Морки достаточно слабеет, чтобы я вырвался и ударил Троста в лицо. Вращаясь, тот снова летит на пол.

Морк бьет ногой мне в живот и затем хватает за шею, поднимает на ноги и швыряет спиной в стену, впечатывая головой в переборку. Оглушенный, я всего лишь утүдряюсь уклониться, когда ко мне летит его правая рука, но тут же попадаюсь на удар Стрелли. Его кулак попадает мне в правую щеку, лицо взрывается безүтной болью. Перед глазами все кружится, но я вижу, как остальные стоят и спокойно наблюдают за тем, как Морк раз за разом взгоняет свой увесистый кулак мне в живот, крушит ребра и выбивает воздух.

— Это, чтобы ты не забыл, Кейдж, — говорит он, в его голосе нет и следа злости.

Как машина, он хватается меня за

горло левой рукой и вжимает в стену, после чего наносит хук правой. Моя голова отлетает назад, от удара вспыхивает боль. Он отпускает меня, и я валюсь на пол. С трудом пытаюсь вдохнуть, рот инос кровоточат.

Трост кидается добавить, но Морк гелает шаг вперед и отталкивает его прочь.

--- Я думаю, он понял намека, --- говорит бывший комиссар, сдерживая Троста.

Пока я лежу на полу, то бросаю на них убийственные взгляды, и каждая часть моего тела мучительно болит. Они выходят через дверь, соединяющую наши комнаты с презрением в глазах. Мои ребра действительно распухают, и меня пронзает боль, когда я пытаюсь встать на ноги. Полагаю, что одно из них сильно ушиблено, а может быть даже треснуло.

Когда я со стоном плюхаюсь на свою кровать, верхняя губа начинает раздуваться, а спекшаяся кровь забивает нос. Я считаю, что хорошо их обучил. Они как раз те солдаты, которые нужны Полковнику, те, кто все понимают в бое и

силе, и как ими пользоваться. Я начинаю хихикать, но резко останавливаюсь, так как боль в ребрах снова пронзает меня.

Лежу и смотрю в потолок, ощущая, как на теле растут синяки. Они доказали, что сделают все необходимое и что убьют, когда это понадобится. Они мои настоящие солдаты, а значит все хорошо. Закрываю глаза и позволяю сну унести боль.

ПРОХОДЯТ еще три дня на стрельбах, бойцовских матах и в макете боевого купола тау, прежде чем Полковник информирует нас, что мы только что связались с судном чужаков. Мы собираемся в аудитории для брифингов, где Полковник раздает нам одежду в соответствии с нашими легендами. Таким же образом мы готовимся к полету на шаттле. В моем чемоданчике четыре коричневые туники, типичных для лакея Администратума. Понимаю, почему именно такой выбор, только когда надеваю одну и натягиваю капюшон — тот прячет мое лицо во тьме, затеняет картину из

чиратов, что покрывают мою физиономию
и голову. Теперь я брат Кейдж, говорю я
себе с горькой улыбкой. Наверное,
единственный писчий, который не умеет
читать или писать на Улперском.

Когда мы собираемся в стыковочном
ангаре, все с весельем смотрят друг на
друга. Ориель облачен в грандиозную
парадную униформу, с которой свисают
золотые шнуры и медали. Красный жакет,
почти болезненно яркий, подпоясан
кричащим, желтым кушаком.

Как раз та полна и полностью
бесстысленная демонстрация богатства,
которую и можно ожидать от правящей
элиты Улперуума. На Полковнике строгий
черный костюм, глиннополое пальто
перекинута через руку. Таня в глинном
темно-синем платье с высоким воротом,
туго прилегающем к талии, а ее волосы
действительно очень коротко острижены.
Ориель объясняет, что ее роль ---
воспитанница Сестринства Фамулос,
ветвь Экклезиархии, которая
предоставляет Улперской знати
домоправительниц и кастелянш. Трост.

Стрелли и Квиглон одеты в менее экстравагантную версию униформы Ориеля, но на Морке простые белые леггинсы и белая рубашка, поверх которой — мягкая кожаная безрукавка. Каждая деталь подчеркивает в нем джентльмена. Ориель подходит к нам и осматривает каждого.

— Почему бы вам всем не расслабиться и перестать выглядеть как солдафоны? — раздраженно нахмурившись, говорит он, — ничего не получится, если вы все будете стоять по стойке смирно, как сейчас, и повсюду шустро маршировать. Помните, вы — гражданские!

Мы смотрим друг на друга, и я понимаю, что это правда. Я пытаюсь немного сосутулиться, как и остальные. Скрещиваю руки и прячу их в рукавах своей туники. В течение многих лет я наблюдал, как таким образом поступают различные писчие Департамента Муниторум. На самом деле, это вроде как не очень удобно, и я прохаживаюсь туда-сюда, пытаюсь придать себе естественности. Чувствую себя ужасно

развитым без свободных рук и в капюшоне, который закрывает большую часть обзора.

— Делай шаги поменьше, Кейдж, ты же не на тарше по пересеченной местности! — орет мне Полковник с рапны шаттла. Я смотрю на него, и он кивает, жестом предлагая мне попытаться снова. Прохаживаюсь вглубь ангара для шаттлов, примерно двести метров в каждую сторону, делаю шаги в два раза меньше, чем привык, и чувствую, что пошатываюсь как талец. Еще сильнее осущулюсь, пригибаю подбородок к груди и снова пытаюсь, и на сей раз ощущаю себя чуть более естественно. Моя походка теперь сильнее напompинает образ клерка Амагуэля в моей голове, ничего Полковника с последнего задания.

Когда Ориель удовлетворился тем, что мы теперь не выглядим как отделение высококвалифицированных солдат, притворяющихся дипломатами, мы все затаскиваем свое снаряжение на борт шаттла и располагаемся для поездки. Настроение напряженное и нервное. Ни у кого из нас нет оружия. Если

мы не понравится тау, то когда они
начнут нас убивать, кроме голых рук нам
ничего будет противопоставить. Хотя я
понимаю, почему. Это мирная делегация, и
если мы притащим с собой небольшой
арсенал, то у тау от удивления отвалятся
челюсти. Если у них вообще есть челюсти,
внезапно приходит мне в голову, и от этой
мысли улыбаюсь про себя. Мы не видели ни
одной картинки с ними. Насколько я знаю,
они могут оказаться огромными
воздушными пузырями или раздутыми
кальмарами со щупальцами. Хотя
догадываюсь, что судя по боевому куполу,
они не сильно-то отличаются от нас,
физически, я имею в виду. Двери вроде бы
размером с человеческие, ступеньки
построены для двух ног, так что полагаю,
летающие мешки исключены. Позволяю
своему разуму раздумывать над этим,
предпочитая изгнать из головы все мысли
о предстоящем задании.

Некоторые из команды, кажется,
обеспокоены, и я советую им расслабиться.
Сейчас нет смысла волноваться. План
пришел в действие и к чему бы он нас не

привел, все в руках Императора. Лично я пытаюсь ни о чем не беспокоиться. Хотя обычно люди волнуются по поводу двух вещей. По поводу того, что они не контролируют, и как это может их затронуть. И по поводу того, делать что-либо или ничего не делать. Все остальное — пустая трата времени. Если это что-то, с чем ты ничего не можешь поделать, тогда все тревоги галактики не изменят то, что может произойти. А если можешь, тогда не сиди на месте и не волнуйся, бери судьбу в свои руки. Вот такие рассуждения все эти годы хранят мою жизнь и здравомыслие.

Здравомыслие. Ну, в нем я начал сомневаться, и полагаю, это доказывает, что я еще не сумасшедший. Но крайней мере, лично я так не считаю. Ты должен обладать здоровым духом, чтобы рассуждать в таком ключе, потому что лунатики просто считают себя здоровыми и не сомневаются в этом, не так ли? Я знаю, о чем думают другие, включая Ориеля, несмотря на его решение взять меня на задание. Они считают, что мои

мозги так же скручены, как сверло буровой
установки. Я так не думаю, ибо с ними
вообще все хорошо. Но правде, настолько
хорошо, что они сфокусированы на моей
личности так сильно, что может
показаться безумием для других людей.
Другим нравится загромождать свой
разум различными приятными
иллюзиями, насчет того, кто они такие,
или зачем они появились. Но не мне. Я все
это проработал в тюремной воняющей
камере.

Как я и говорил Ориелю, я всего лишь
оружие, и ничего больше. Нацельте меня
на врага и выпустите. Вот эта ясность
мышления намного приятнее, чем
волнения по поводу того, все ли я делаю
правильно, чем пустая трата времени и
энергии, чем мучения между совестью и
моралью. Моя совесть — полученные мной
приказы, моя мораль — те, кто их отдал.
Ну, у некоторых еще есть
ответственность, типа Полковника или
Ориеля. А меня это больше не волнует.

Мы летим уже пару часов, когда
Полковник входит в смежный отсек.

--- Вот ваш шанс первый раз
взглянуть на врага, --- говорит он нам,
указывая на один из широких
иллюминаторов. Вместе с остальными я
отстегиваюсь, и мы собираемся у
толстого стекла пялиться на звезды. Он
там --- корабль тау, и нам его отлично
видно, так как шаттл делает круг,
уменьшая скорость, чтобы начать посадку.
Он глинный и гладкий, почти что
белоснежный. Основной корпус похож на
немного сглаженный цилиндр, с кучкой
слабо светящихся коконов сзади,
являющихся скорее всего двигателями. Нос
плоский и широкий, несколько
напоминающий капюшон змеи в боевой
стойке. Вдоль борта массивными буквами
выведено несколько причудливых символов
тау, но я не вижу никаких признаков
ангаров, стыковочных шлюзов или других
отверстий. Впрочем, оружейные порты
тоже не видны.

--- Это боевой корабль? --- спрашиваю я
Шеффера.

--- Полагаю, что гражданский в
обычном рейсе, --- отвечает Полковник.

Когда мы приближаемся, секция в обшивке исчезает из вида, и в сиянии желтого света нам открываются внутренности. Это не похоже на то, как открывается или уходит в стену дверь. Секция корабля, кажется, развернулась, оставив идеально круглое отверстие. Мы возвращаемся на свои места и пристегиваемся, готовясь к посадке, противовзрывные шторки закрывают иллюминаторы. Проходит еще пара минут, которые текут с тучительной медлительностью, пока мы сидим на месте и не знаем, что происходит. Через некоторое время я ощущаю и слышу, что шаттл приземлился. С визгом начинают останавливаться двигатели, и Полковник приказывает нам вставать.

— Первое впечатление самое главное, — зловеще говорит он, — с первой же секунды, как мы выйдете из корабля, за нами будет вестись пристальное наблюдение. Прямо с этого мгновения, вы должны думать и действовать в точности как гражданские, какими вы и должны быть. Мы должны постараться

минимизировать контакты как можно
дольше, но во время перелета на борту
будет несколько официальных приемов, а
хорошие манеры предписывают нам
посетить их. Однако оставайтесь все
время настороже. Я надеюсь, что там
предоставят нам определенную свободу
действий. В конце концов, мы внушаем им
достаточно доверия, чтобы они не
держали нас как заложников. А теперь
вперед и ведите себя расслабленно!

Мы толпой идем за ним, пока
Полковник вышагивает вдоль
стыковочного отсека.

Там мы останавливаемся. Ориель
идет перед нами, мы линией за ним, ждем пока
он уступится рампе. С первого взгляда на
там я понимаю, что ничего подобного не
видал в своей жизни.

Ангар шаттлов затопливает яркий
свет, воздух сухой и теплый, намного
горячее, чем тот, к которому я привык на
борту нашего корабля. Пока мы спускаемся
по рампе, я оглядываюсь, сильно стараясь
не палиться. Зал огромной овальной
формы, полы и потолок гладко

перетекают в стены. Все вокруг спокойного, бледно-желтого цвета. Нигде не видно острых углов, нет поддерживающих и пересекающихся балок или кранов для разворота шаттлов на месте. Пространство похоже на пустую пещеру, и я ощущаю, что поглощен этим и одновременно испытываю ужас.

У изножья ратны нас ожидает небольшая делегация. Нет охраны, не видно оружия. Или они действительно нам верят, или у них есть другие способы разобратся с нами, если мы начнем доставлять неприятности. Три тау в тонких бледных туниках терпеливо ждут и с интересом изучают нас, пока мы рассматриваемся.

Я был прав, они по большей части гуманоиды. Но крайней мере, у этих троих головы чуть меньше моей, а конечности хрупкие и тонкие. Их серо-голубая кожа, кажется, блестит от какого-то масла, и когда тау в центре делает шаг вперед и склоняется на одно колено в приветствии, я ощущаю сладкий аромат. Смотрю на его плоское лицо и лысую голову, замечаю

желтые глаза и узкие щели вместо носа, лишенный губ рот и закругленные зубы. Он встает и раскрывает свои руки в приветствии, демонстрируя складки кожи, которые тянутся от его талии к плечу, подобно изуродованным крыльям. Подавляюще угрожающе. Никто не упоминал о том... что эти твари могут летать!

Тау справа от лидера делает шаг вперед, его рот изгибается в слабом подобии человеческой улыбки.

— Добро пожаловать на это судно, одно из наших новейших, "Ша'корар Аш", — приветствует он нас, и своими глиняными пальцами манит спуститься. Его произношение нежного сливается с другим словом, а голос несколько хриловат и нежного шелестит.

— Мы протягивает руку дружбы нашим союзникам, — отвечает Ориель неестественной тарабарщиной, что я считаю каким-то формальным приветствием, которое он выучил при случае. Кажется, это удовлетворяет тау, который смотрит на остальных и кивает.

— Это Кор'эль'кайс'савон, если

желаєте, можете обращаться к нему
просто --- капитан Эль'савон, ---
продолжает переводчик, показывая в
сторону тау, который ранее преклонил
колени.

--- Я не очень хорошо говорить ваши
слова, --- извиняющимся тоном объясняет
капитан, слегка склоняя голову, но не
отводя взгляд от Ориеля.

--- Это Кор'вре'анак, --- тау кивает
головой в сторону третьего члена
делегации, который спокойно наблюдает за
нами.

--- Я Пор'ла'канас и буду вашим
голосом, пока вы на борту "Ша'корар Аш"!

--- Пожалуйста, передайте капитану
Эль'савону, что его гостеприимство
делает ему честь, --- официально
отвечает Ориель, --- я и мои советники
предпочтем немного отдохнуть от нашего
путешествия, прежде чем отправиться
осматривать это прекрасное судно.

Пор'ла'канас говорит что-то
капитану, тот отвечает единственным
словом и смотрит на Ориеля. Вся эта
тарабарщина тау заставляет меня

нервничать. Кажется, языковые навыки Ориеля не особо выдающиеся, и я понятия не имею, о чем они говорят. Они вообще могут плести заговор против нас, появиться прямо нам в лица, насколько я понимаю. Еще одно обстоятельство задания, от которого у меня мурашки по телу.

--- Конечно, у нас есть подготовленные для вас комнаты, --- уверяет нас переводчик, --- следуйте за мной, пожалуйста.

Без дальнейших разглазольствований, он разворачивается и начинает уходить от шаттла. Глядя вперед, я не вижу там дверей, повсюду вокруг нас голая стена. Когда мы в паре метров от нее, на ней появляется водоворот линий, которые описывают несколько спиралей, и стремительно раскрываются перед нами в проход, а участки исчезают в самой стене. Я бросаю взгляд на Ориеля, но он делает вид, что его это не заинтересовало и он озирается со скучающим видом.

Остальные нервно шаркают за ним, и я понимаю их неловкость. Во всем корабле

куча каких-то безумных технологий. Я смотрю на проход, когда прохожу через него и вижу, что на самом деле стена полая, а фрагменты диафрагменной двери просто скользнули меж двух переборок. Успокаивает, но все же это не успокаивает.

Коридор снаружи такой же невыразительный, как и ангар, и в нем так же нет людей. Как и зал для шаттлов, небольшие изгибы углов без швов соединяются со стенами, полом и потолком, а бледно-желтое окружает нас во всех направлениях. Так же непонятно откуда свет. Я не вижу ни единой светосферы или светополосы. Чем больше я об этом думаю, тем более тревожным нахожу это ощущение. Как они могут создавать свет в самом воздухе? Ведь даже стены не светятся, но кажется, будто сам воздух пронизан лучами. С какими существами мы имеем дело? Как, во имя Императора, мы можем доверять им в этом задании?

Я начинаю осознавать, что почти перешел в строевой шаг, пока раздумывал над всем этим. Бросаю взгляд на других.

Они идут в молчании, подавленные нашим странным окружением. Подозреваю, что они нервничают так же, как и я, даже Ориель и Полковник. Опять фокусирую свое внимание на самом себе, укорачиваю шаг, вытягиваю голову глубже в капюшон. Воздух сухой и теплый, мою глотку и нос дерет. Я разворачиваюсь и оглядываюсь, посадочный ангар исчез, дверь бесшумно закрылась за нами. Чувствую себя загнанным в угол и уязвимым из-за того, что застрял на этом чужацком корабле без оружия, кроме своих голых рук.

Мы идем за переводчиком вдоль коридора, и я замечаю кое-что еще. Или скорее то, что раньше не замечал. Весь корабль кажется спокойным, нет вибраций, шума, вообще ничего. Хотя когда мы приземлились, он определенно двигался, я видел это, когда мы заходили на посадку. Но внутри мы словно находимся в чем-то вроде подземного бункера.

Пока идем вдоль коридора, моя дезориентация растет. С обеих сторон нет ни одной двери, однако нам попадались несколько ответвлений, таких же

бесшовных, как то, по которому мы шагаем. Наш шаг остается безмолвен с тех пор, как мы покинули зону шаттлов, легкой походкой просто идя вперед. Выбираю момент и смотрю на него. Кажется, у него нет мембран под руками, как у капитана, и он более тонко сложен. Его туника легкая и воздушная, она колеблется вокруг при ходьбе, словно легкий бриз обрел осязаемую форму. Как и остальной корабль, тау окружен спокойствием и безмолвием. Каждое движение текучее и рациональное, он едва размахивает руками при ходьбе, а его лицо смотрит прямо вперед, не отвлекаясь.

Пытаюсь понять, из чего сделан корабль, но это невозможно. Тут нет сварочных швов, что указывало бы на металл, расцветка вроде бы принадлежит самому материалу, так как нет мазков от кисти или потеков краски. Провожу рукой вдоль одной из стен и слегка поглаживаю ее, ощущая пальцами тепло, исходящее от самих стен.

Из-под капюшона смотрю на других.

поскольку становится уже неприятно
горячо. Сдерживаю острое желание
развернуться обратно к свежему воздуху.
Из-за этого осознаю, что нет никаких
воздушных потоков, искусственного ветра
из охлаждающей вентиляции, никаких
очистительных воздухопроводов. Но
атмосфера не кажется застоявшейся, она
просто сухая и маловлажная. Ориель идет
за Пор'ла'канасом медлительной
перекатывающейся походкой, Полковник
почти чеканит шаг, его внимание
приковано к тау перед собой. Квидлон
продолжает пялиться вокруг, пристально
осматривая стены и пол, возможно,
пытаясь выяснить, как тут все устроено.
Я так понимаю, что это может быть
колдовством, вроде проклятых технологий
эльдар. От этого меня охватывает
внезапный приступ страха. Очевидно же,
что эти тау настолько испорчены, что
могут откровенно использовать такие
странные технологии -- возможно у них
так же есть псайкеры? Может быть, наш
гид вовсе не тот, кем кажется, может
быть, он умеет читать мысли? Все это

может оказаться какой-то хитрой уловкой, дабы дать нам ложное чувство защищенности. Пытаюсь думать как писчий, на всякий случай, но вскоре мои мысли начинают блуждать.

Мне интересно, будут ли они нас пытаться раба информации, пытаясь вытянуть все о заговоре? Как они отреагируют, если выяснят, что мы сотрудничаем с их собственными сородичами? А может быть, они просто нас убьют? Я ничего не знаю об этих тай, но крайней мере ничего полезного. Не могу понять, как они думают, как реагируют, что или на самом деле движет. Несколько они предсказуемы в сражении? Насколько дисциплинированы?

Все эти мысли переполняют мой разум, пока мы идем вдоль Императорского забытого коридора, который, кажется, тянется в бесконечность, не имея ни конца, ни края и ничем ненарушаемый. Если у них появятся подозрения, мы с этим абсолютно ничего не сможем сделать, вообще ничего. Не оглядываясь уже на то, что мы на борту их корабля и без оружия.

А Ориель говорил, что они будут настороже. Они, возможно, даже сейчас наблюдают за каждым нашим шагом, ожидают от нас промашки, готовые в любую секунду атаковать нас и разоблачить, вытянуть из нас все, что мы знаем о владениях Императора и его армиях. Насколько я понимаю, они могли сомкнуть изворотливый заговор против нас, манипулировать Ориелем так, чтобы он привел нас сюда, нескольких превосходных солдат Имперской Гвардии, чтобы они наложили свои лапы на всю информацию, какой мы обладаем.

Начинаю чувствовать напряжение, боль за глазами возвращается. Я потею еще сильнее и рад тому, что мои неудобства спрятаны тяжелой туникой. Может быть, именно такую нервозность они и выматривают. Если меня тут накроет еще один приступ — мы все мертвецы. Может быть, Полковник был прав, что считал меня обузой.

Мой рот пересыхает еще сильнее, когда боль в голове усиливается. Кажется, я слышу, как другие разговаривают,

немного паникуют, но я не обращаю на них внимания, концентрируюсь на своей собственной боли, так как мое сердце начинает биться быстрее.

Теперь это уже должно быть ясно видно. Я ощущаю, что тяжело дышу, как собака, сжимаю и разжимаю кулаки в рукавах своей туники. Если переводчик обернется и посмотрит на меня в этот момент, то он увидит — что-то не так. Он догадается, что мы не те, за кого себя выдаем или же вызовет медицинскую помощь. Тогда они смогут разделить нас, изолировать меня и разобраться со мной. Будут это пытки или чтение мыслей?

Тяжело моргаю, когда сталкиваюсь с кем-то. Прикусываю язык в панике и поднимаю взгляд. Это Полковник, он осматривает меня, а его лицо ничего не выражает, только его скулы слегка напряжены. Это, как я знаю, означает или злость или небольшую обеспокоенность.

— Контролируй себя, Кейдж, — хрипло шепчет он мне, — постарайся расслабиться. Тебя ждут, что ты будешь немного напряжены и беспокойны, но ты

выглядишь так, словно стоящий на
труном человек с дымящимся пистолетом
в руках. Дыши через нос, это поможет
успокоиться.

Сказав это, он снова убыстряет шаг
чтобы догнать Ориеля, который смотрит
на него и получает в ответ
успокаивающий кивок. Хотел бы я быть
таким самоуверенным. Пытаюсь отвлечь
себя, глядя на других, но это не приносит
облегчение. Стрелли, обычно такой
дерзкий, такой уверенный в себе, грызет
ноготь на левом большом пальце, время от
времени бросая взгляды на переводчика.
Таня идет склонив голову, решительно
смотря себе под ноги, дабы не
встретиться с кем-нибудь взглядом. На
той взгляд, Морка прочитать легче всего.
Он делает широкие шаги, его отвлечение
едва спрятано, пока он хмурится, глядя в
спину нашего гига. Вижу как судорожно
дергаются его пальцы, словно у него
чешутся руки обхватить шею
Пор'ла'канаса и выдавить из того жизнь.

Пор'ла'канас ведет нас направо, затем
налево, затем еще два поворота, и я

клянусь, что он водит нас кругами, но
этого никак не выяснить. Затем он
внезапно останавливается и смотрит на
стену справа. Он протягивает свою
хрупкую на вид руку и прикасается к
стене, которая секундой позже
раскрывается в еще один странный проход,
а за ним комната, о существовании
которой секунду назад ничего не указывало.
Я пристально смотрю на стену и вижу,
что на самом деле там есть какой-то
обесцвеченный участок, почти что рана
или переключатель, вмонтированный в
материал самой стены.

— Вот ваши каюты, — говорит
переводчик, указывая на комнату своей
рукой. В это мгновение из невидимого нам
бокового коридора выходит еще один тау и
идет к нам. Он не говорит ни слова,
просто встает рядом с дверью спиной к
стене. Его лицо ничего не выражает. На
нем одежда более похожая на рабочую,
плотно обтягивающий синий комбинезон,
резинкой обхватывающий талию и
суставы, плотно облегающий шею, а руки и
ноги голые. Когда он двигается, на одежде

не остается складок или потягостей, словно материал растягивается и сжимается.

— Если вам что-нибудь понадобится, пожалуйста, сразу обращайтесь ко мне, — входя в комнату, говорит нам Пор'ла'канас. Мы следуем за ним. Кажется, закругленный квадрат примерно десяти метров шириной является гостевой. Единственная мебель — низкая круглая подушка, которая лежит во впадине в центре комнаты и занимает большую часть пространства. К счастью, в смежные комнаты можно войти через изогнутые арки, а не через странную дверь-диск. Всего комнат десять. В восьми я вижу низкие широкие кровати, и что странно, никаких намеков на одеяла или простыни. Насколько я понимаю, где другие комнаты, должно быть, какой-то санузел, поскольку через арки вижу чашеобразное приспособление.

— Хотелось бы освежиться, будьте любезны, — говорит Ориель, не глядя на переводчика, и просто проходит в одну из спален.

--- Как нам связаться с вами? ---
спрашивает Полковник, наклоняясь к
низкорослому чужаку.

--- Просто произнесите мое имя и
корабль проинформирует меня, ---
отвечает он, делая пару быстрых шагов
назад от внушительной фигуры Шеффера.

--- Корабль проинформирует вас? ---
говорит Квидлон, явно заинтригованный
таким чудом. Уголки глаза вижу, как
Морк сотворяет руками оберег --- аквилу.
Я впервые вижу, как он делает что-то
такое. Подозреваю, что это не было
частью его подготовки в комиссариате.
Раздумываю насчет того, как хорошо он
будет держаться. Его духовно не готовили
к таким действиям. Он офицер и лидер.
Его место среди летящих пуль и лазерных
импульсов, толкать речи, расстреливать
дезертиров и возглавлять славные атаки.

--- Да, конечно, --- несколько удивленно
отвечает Нор'ла'канас, и я полностью
забываю про Морка, --- я немедленно
займусь вашими нуждами.

Квидлон выглядит так, как будто
готов спросить что-то еще, но Шеффер

раздраженно машет ему.

--- Это охранник у двери? --- грубо спрашивает Шеффер, указывая на коридор.

--- Мы выяснили, что люди часто теряются на нашем судне, поэтому он приставлен на тот случай, если вы пожелаете покинуть комнаты. У вас будет подходящий эскорт, --- вежливо отвечает ему, --- вы, конечно же, наши гости, а не пленники. По кораблю вы можете передвигаться почти где угодно, но мы просим вас входить в некоторые зоны только в сопровождении, поскольку они могут представлять опасность или же вы потревожите экипаж в их нелегком труде. Полный осмотр будет проведен, когда вы отдохнете.

Полковник просто ворчит что-то и пристально смотрит на меня. Пару секунд стою как дурак, пока не вспоминаю, что я вроде как лакей. Кидаясь вперед, стараюсь идти не слишком важничая.

--- Принесите, пожалуйста, еды и напитков, --- говорю я, настолько вежливо, насколько могу. Слова почти застревают в моем пересохшем горле, --- и, если это

возможно, сделайте тут чуть прохладнее, тут как... в пустыне, -- я вовремя останавливаю ругательство и избегаю взгляда тау.

-- Конечно, простите мою невнимательность, -- извиняется Пор'ла'канас, -- я приложу все усилия, чтобы атмосфера в ваших каютах была как можно ближе к вашему обычному климату.

Тау кивает Полковнику и уходит. Дверь, закрываясь, закручивается за ним в обратную сторону.

-- Разве тут не восхитительно? -- выдает Квидлон, как только дверь закрывается. -- Вы можете себе представить, на что способны эти люди, учитывая, что мы только что увидели на их корабле и то, как они ведут себя. Это так захватывающе.

-- Они не люди, они чужаки, не забывай, -- рычит Трост, осторожно опускаясь на подушку, будто бы ожидая, что та проглотит его.

-- Мне нужно освежиться, -- говорит Стрелли, пробираясь к одной из комнат, в

которых я опознал ранее отсек для
готовлений. Он заходит туда и через
несколько секунд выходит, почесывая
голову в смущении.

--- Там нет труб, нет кранов, вообще
ничего. Как эти штуки работают?

--- Они чувствуют ваше присутствие,
--- говорит Ориель, появляясь на пороге
своей комнаты, --- я удостоверился, что в
этих комнатах мы можем говорить
свободно, но как только выйдем наружу,
держите рот на замке.

--- Почему вы так уверены? ---
спрашивает Таня. Мы все затолкаем, так
как бесшумно открывается дверь, и
возвращается наш гуд. За ним парят пять
подносов, слегка покачиваясь сами по себе,
словно живые. Я слышу, как невольно
шипит Трост, вскакивая при этом на
ноги. Тау, кажется, ошеломлен нашей
реакцией, и я осознаю, что мы все пялимся
на еду широко открытыми глазами.

--- Вам не нравится еда? --- невинно
спрашивает он, на его лице
обеспокоенность. Мы обмениваемся
недоверчивыми взглядами, Квидлон

быстрее всех приходит в себя.

--- Ах, нет, с едой все в порядке, мы просто не ожидали, что ее доставят так... эм... быстро, --- стремительно выпаливает он, и на его губах возникает улыбка, --- возможно ли это... эм... оставить еду, нам нужно обсудить кое-что меж собой, если это, конечно же, будет вежливо с нашей стороны.

--- Конечно, я понимаю, --- спокойно отвечает тау и кланяется, --- пожалуйста, беседуйте сколько необходимо.

Когда уходит, он снова кланяется, а подносы проплывают через комнату и начинают парить около общей подушки, примерно на уровне колена. Норк склоняется и встатривается под один из парящих подносов и хлурится в ярости.

--- Как он держится? --- спрашивает он, натянуто выправляясь и глядя на Ориеля.

--- Я должен был ожидать, --- вздыхает он, потирая лоб и проходя в комнату, --- тау используют очень много таких штурковин, я полагаю, они называют их дронати. Я прежде никогда раньше не видел работающего. Должно быть, это

какая-то антигравитационная технология. Вы должны привыкнуть к ним, так как они повсюду на планетах тау, разносят поручения, принимают сообщения и все такое. Расценивайте их как странные сервочерепа, лишенные разума, но способные следовать простым приказам и выполнять простейшие задачи. Конечно же, это просто механизмы, у них никогда не было души, как у сервочерепов. Еще одна причина, по которой мы должны остановить вторжение тау в наше пространство. Кто скажет, какие безумные, еретические мысли могут возникнуть у населения, когда оно услышит о таком кощунстве?

Урчание живота напоминает мне, что сегодня я еще не ел, так что иду к еде и плюхаюсь на подушку. На ближайшем сервиторе-подносе, вроде бы как фрукты, сладко пахнущие, ярко-желтые штучковины. Делаю маленький глоток, и по моей щеке бежит сок. На вкус как мед, с нотками чего-то, что я не могу опознать. Остальные смотрят на меня, ожидая увидеть, как я рухну или посинею, или что-

то в этом духе. Я киваю им и указываю на подносы.

--- На вкус недурно, жрите, --- говорю я им, затем подбираю звездообразную зеленую штучковину и грызу ее. Она поджаренная, с горьким послевкусием, вроде как после горячего кофеина или шоколада. Есть еще какое-то блюдо из синего риса. Единственные приборы для еды --- какие-то глиняные и узкие лопаточки, насколько я могу судить, с ними вообще ничего нельзя сделать, так что ем руками. Остальные так же рассаживаются, и мы сравниваем различные продукты, делясь своими суждениями насчет предложенных фруктов и овощей.

Пока я жую похожую на хлеб палочку размером с палец, мне приходит в голову мысль.

--- Тут нет мяса, --- говорю я остальным, и через секунду раздумий они соглашаются.

--- Судя по всему, тау не едят плоть, --- подтверждает Ориель, --- не знаю, по биологическим это причинами или,

может быть, религиозным. Немного
данных насчет этого аспекта их
культуры.

--- Думаю самое время поведать нам
больше, --- говорит Стрелли Ориелю, ---
что еще за сюрпризы нас ждут?

--- Вы уверены, что тут можно
разговаривать? --- спрашивает Полковник,
сүзив глаза и оглядывая комнату.

--- Полностью уверен, --- подтверждает
инквизитор, опираясь на локоть, его другая
рука сжимает маленький стакан, в
котором сок, похожий на виноградный.

--- Ладно, я дам вам краткий обзор
того, что мы выяснили за последние пару
сотен лет. Для начала, расе Тау вообще
повезло, что они выжили. Обширные
изыскания в наших самых старых записях
недавно показали, что несколько тысяч
лет назад мы почти их уничтожили. К
счастью для них, варп-шторма остановили
флот колонизации, который почти
погошел к их родному миру. За последние
шестьсот лет они выросли в цивилизацию,
которую мы вскоре увидим.

Он допивает остатки и ставит

стакан на ближайший понос, который
уплывает к Тане.

--- У как вы уже видели, они
совершенно не уважают ограничения на
технологии, --- продолжает он, кончиками
пальцев страхивая какие-то крошки из
бороны.

--- Насколько мы знаем, они
совершенные язычники, у них нет никакого
формального культа. Самое близкое по
этому --- эфирные, их правящий класс.
Эфирные возможно правят всем, но другие
касты выполняют всю работу. Каста
Воздуха, к примеру, в данный момент
наши хозяева. Они управляют кораблями.
Затем каста Воды, как наш друг
Пор'ла'канас, они заняты всей дипломатией
и бюрократией. Мы многих из них увидим,
когда прибудем на Ме'лек.

--- Простите, Ме'лек? --- прерываю я. ---
Что за Ме'лек?

--- Ме'лек --- так там называют
систему Кобольда, там на одном из миров
у них колония, --- объясняет Ориель, --- вот
туда мы и направляемся.

--- Вот там этот парень,

Пресветлый Меч? -- спрашивает Стрелли, раскинувшись с другой стороны подушки сидения.

-- Нет, он на Эстау, одной из недавно построенных застав, куда мы отправится, как только придем к договоренностям с нашими контактами, -- медленно кивает Ориель, -- она намного менее развита, и там всего лишь единственный город, если моя информация верна. Сначала мы летим на Ме'лек, там я обновляю разведданные от контакта внутри касты Воды. Говоря о командующем Пресветлом Мече -- он высокопоставленный член касты Огня, которые являются воинами империи Тау. Вы видели, на что похожи боевые купола, и теперь примерно представляете, с какими технологиями придется столкнуться. Так понять несложно, почему мы пытаемся избежать масштабного конфликта с тау, если это возможно. Хотя в целом, касту Огня все еще сдерживают эфирные, хотя некоторые, как Пресветлый Меч и отступник Зоркий Взгляд натягивают поводок.

— Предполагаю, что грубая каста — каста земли, раз уж вы заговорили об огне, воде и воздухе. Кажется, их социум основан на элементах, — говорит Квидлон, который сидит со скрещенными ногами и внимательно слушает, что говорит Ориель.

— Да, рабочие из касты землю последние, — подтверждает Ориель, — они строители, фермеры, инженеры и прочее.

— Похоже, что на них сваливают всю работу, — говорю, — а я имею в виду, остальные — воины, пилоты и все такое, а им достаются все труды.

— Тау вовсе так не думают, — продолжает Ориель, наклоняясь вперед и подтягивая к себе один из подносов. Секунду двигатели сервитора визжат в протесте, а потом подчиняются и он скользит к инквизитору.

— Эта идея "высшего блага", в которую они верят, держит их вместе. Их учат с рождения, что у каждого есть свое место, и что выживание империи Тау важнее, чем выживание любой отдельной личности.

— Ну, это не сильно-то отличается от наших присяг, когда мы вступаем в партию, — комментирует Таня.

— Это ничто, по сравнению с верой в Императора! — злобно возражает Морк. — Человечество никогда бы не выжило без защиты Императора, не важно, сколько бы мы не пожертвовали. А эти мау — существа-язычники, они отрицают любое духовное наставление. Когда придет время, они падут от своего собственного эгоизма и основных инстинктов.

— Да, в свое время, может быть, — соглашается Ориель, отщипывая еще один звездообразный фрукт с подноса, — уже есть признаки того, что чем дальше они расширяются и чем больше контактируют с другими расами, тем сильнее размывается этот идеал "высшего блага". Нам нужно приглядывать только за такими, как Пресветлый Меч.

— Сейчас же они стремительно расширяются, берут верх над всеми расами, что встречают, и встраивают их в свою империю или уничтожают. И все же, когда они сталкиваются с серьезным

сопротивлением, остается только наблюдать, на какие жертвы готовы идти напавшие, дабы нести свое "высшее благо". У нас нам нужно сделать все, чтобы приблизить день падения. Однако до тех пор, они высоко мотивированное объединенное сообщество, которое создает значительные проблемы в этой области галактики, и мы не можем недооценивать их только потому, что их социум духовно и философски имеет изъяны.

--- Тогда зачем нам помогать им с этой проблемой с Пресветлым Мечом? --- спрашиваю я, проглатывая еще один глоток фруктового сока, пытаюсь облегчить сухость в горле, --- конечно же, лучше дожидаться, пока он атакует и затем разбить его. Это заставит их задуматься. Настоящая демонстрация нашей силы заставит их дважды подумать.

--- Ты вообще не слушал, Кейдж? --- резко отзывается Полковник. --- В системе Саркасса нам нечего им демонстрировать. Если командующий Пресветлый Меч возжелает атаковать, он победит и все

останется по-прежнему. Мы не сможем ответить, и это сильнее подстегнет стелость и решительность тау, так как они сочтут нас слабыми.

--- Как Полковник и сказал, лучше атаковать сейчас и предотвратить войну, чем пытаться ее выиграть, --- серьезно говорит Ориель, --- к тому времени как мы закончим, остальные поверят и у них не будет сомнений, что они столкнулись с врагом, который может бросить на них такие же силы. Мы дадим им единственный урок в межпланетной манере.

--- Что ж, я был бы не против отвесить оплеуху этому зазнайке переводчику, --- ржет Стрелли.

--- Ты не сделаешь ничего такого, --- злобно рычит Полковник, --- ты не сделаешь ничего, что спровоцирует тау, или может показать, что мы не те, за кого выдает себя.

--- Да я только шучу, --- ворчит Стрелли, --- вы думаете, я --- дурак?

--- Ты на самом деле хочешь услышать ответ? --- вклиниваюсь я, до того как

отвечает Полковник.

--- Закрой свою поганую пасть! --- резко
отвечает мне Стрелли, вскакивая на ноги.

--- Всем вести себя прилично! ---
рычит Полковник, --- Я не потерплю
препирательств или нарушений
дисциплины, не важно, насколько вам
незнакомо и тревожно окружение. Когда
мы попадем в боевой купол, там не будет
времени на ругань!

Стрелли несдержанно пожимает
плечами, бросая на меня взгляд, и я слегка
киваю, извиняясь.

--- Думаю самое время посмотреть
этот корабль, --- провозглашает Ориель,
встает и осторожно идет по мягкому
полу. Он оглядывается и, пожав плечами,
поднимает взгляд к потолку.

--- Пор'ла'канас? Если вы не против, я
бы хотел осмотреть корабль.

Мы все встаем и ждем, размышляя,
что это может быть какая-то чужацкая
шутка. Однако пару минут спустя дверь
открывается, и там стоит Пор'ла'канас.
Как только тау входит, я ощущаю, что
все немого напрягаются и снова

настороже. Не знаю почему мы так нервничали, из-за того, что он действительно появился --- в конце концов, у нас есть только слово Ориеля, что там не слышали все, что говорилось в комнате. Все же Ориель инквизитор и должно быть знает, о чем говорит, к тому же, кажется, у него естественная убедительная манера речи.

--- Я надеюсь, все было удовлетворительно? --- говорит гуг там, легко ступая в комнату.

--- Да, --- коротко отвечает Ориель, проходя мимо переводчика, который остается невозмутимым к такой высокомерной выходке.

Вслед за нашим гугом, мы вываливаемся к коридору и я замечая, что наш охранник все еще стоит там, и могу поклясться, он даже мускулом не шевельнул с тех пор как мы вошли. Возможно это не он. Возможно, это уже другой, на мой взгляд они все чертовски одинаковы. Пор'ла'канас ведет нас обратно в главный коридор, по которому мы шли ранее, и затем через дверь в зал с

высокими потолками. Крайне странно, но в центре есть несколько ступенек, ведущих в никуда. Все становится понятно, когда слева открывается портал и глиняная, серебряная, похожая на пулю машина проскальзывает вперед и останавливается у ступенек.

— Пожалуйста, следуйте за мной в транспорт, — говорит наш гид, медленно поднимаясь по ступенькам.

Мы с осторожностью идем следом — у узких ступенек нет перил — с подозрением глядя на машину. При нашем приближении машина меняется, словно сбрасывает кожу, появляется дверь, которая открывается вовнутрь и вверх транспорта. Когда плиты обшивки сами уходят под дном появляется ряд огромных окон. Бесшумно от двери выдвигается рампа, чтобы идеально точно встать в таленькие пазы у вершины лестницы. Нор'ла'канас кланяется и протягивает руку, приглашая нас войти первыми. Мы толпимся, нерешительно глядя друг на друга и оглядываясь, словно дети.

Интерьер белоснежен, как и сам

корабль снаружи. Кресла стоят посередине, по четыре в ряд, с проходами с каждой стороны. На вид они сделаны из какого-то жесткого материала, но когда я сажусь, сидение под моей подстраивается и меняет форму под мою спину. На самом деле несколько неприятное ощущение, хочется ежиться и корчиться, но я заставляю себя сидеть спокойно и смотрю в окно на пустую стену по ту сторону.

Когда все усаживаются -- я замечаю, что тут нет ничего похожего на ретни безопасности -- Пор'ла'канас встает в начале вагона. Я сжимаю подлокотники с обеих сторон кресла.

-- Капитан рад вашему желанию осмотреть его корабль, и позволил мне отвезти вас, куда бы вы ни пожелали, -- провозглашает он, -- существует ли конкретная часть судна, которую вы хотели бы посетить в первую очередь?

-- Не важно, -- отвечает Ориель, праздно улыбаясь. Его личина Имперского командующего настолько сильно отличается от настойчивого, серьезного

инквизитора, что заставляет меня думать, что это вообще не личина. Я сомневаюсь, что ты когда-либо узнаешь, какой он на самом деле, или о чем он действительно думает.

— Если что-то придет в голову, я дам вам знать.

— Хорошо, — невозмутимо отвечает Пор'ла'канас, — в таком случае, мы начнем с силовой установки, и будем продвигаться вперед к контрольному мостику.

Тау отражается до панели, на стене за ним появляется экран. Он отражается до одного кубика на экране и затем разворачивается к нам. Внезапно, так же бесшумно, как и прибыл, вагон начинает стремительно ускоряться. Я еще сильнее сжимаю руками подлокотники, душа уходит в пятки, а внутренности крутит от страха. Мы стремительно пролетаем отверстие в стене и попадаем в темный туннель, хотя внутри транспорта остается светло, но опять же, насколько я вижу, нет никаких источников света. Примерно через полминуты мы снова выезжаем на

открытое пространство, машина мягко тормозит до полной остановки у следующей лесенки. Я осознаю, что мои ногти впились в мягкое покрытие кресла, оставив там царапины в форме полумесяца. Полковник прав, мне нужно попытаться еще сильнее расслабиться.

На слегка ватных ногах мы выходим и спускаемся по ступенькам в комнату, которая выглядит так же как та, где мы загрузились. Пор'ла'канас ведет нас через еще одну спрятанную дверь в по-настоящему огромный зал. Его купол примерно в сорока или пятидесяти метрах над нашими головами. Весь центр занят огромной структурой, которая тянется от пола к потолку. Она примерно цилиндрическая, но с выступами и трапециевидными балками, которые через равные промежутки соединяют ее со стенами. Вижу различные панели, врезанные в гладкую поверхность, но как и в остальных частях корабля, тут нет и намек на сварочные швы, болты, заклепки или другие признаки строительства. Впервые с момента посадки, я ощущаю

слабый нарек на шум. Это глубокое гудение, которое очевидно исходит от силовой установки в центре комнаты, она же пускает едва ощутимую вибрацию по полу. Группа из полудюжины так собралась у основания двигателя, проверяя мерцающие зеленые окна. Я полагаю, что это какого-то рода дисплеи.

Все это не похоже на двигатели, которые я когда-либо видел. Где трубы и провода? Кажется, что в нем вообще нет никаких движущихся частей, нет поршней, эксцентриков или шестеренок, ничего не указывает на рев двигателей, что эта штука должна издавать, перемещая корабль таких размеров. Спокойствие корабля очень тревожно, когда ты привык к ударам, размалывающему шуму, скрежету и гудению Имперского межзвездного корабля.

— Вот наша главная силовая установка, — с намеками на гордость в голосе, провозглашает Нор'ла'канас, — на случай чрезвычайной ситуации или сражения, есть еще две подстанции на нижних уровнях, но эта установка дает

достаточно энергии для нормального функционирования.

--- Сражения? --- спрашивает Полковник, слишком быстро, чтобы казаться полностью расслабленным.

--- Ваш собственный Имперский флот, несомненно, осведомлен, что эту часть космоса изводят бродячие банды пиратов, --- спокойно отвечает переводчик, --- конечно же, в пределах нашей империи это не является проблемой.

Ага, ставлю, что так и есть, с горечью думаю я. Эти тау считают себя настолько умными, что я с наслаждением грохну одного из их высших лидеров.

Ориель подошел ближе и заглянул за плечо одного из тау, на котором была та же знакомая обтягивающая одежда, как у охранника в каютах, но только темно-серого цвета. Тау поклонился и отшагнул в сторону от нас, собравшихся вокруг экрана. Только насколько я могу судить, все же это не экран, а действительно окно. Смотрю в зеленое свечение, мои глаза привыкают к яркости, и тут я осознаю, что смотрю прямо в сердце реактора. Он

полон чего-то, похожего на газ или жидкость, странные вихри и течения возникают и исчезают в постоянном перемещении. На самом деле это завораживает -- смотреть, как постоянно меняющиеся очертания то соединяются, то исчезают. Яркие, похожие на звезды точки взлетают и падают в энергетический поток, словно крошечные солнца, пойманные бурей.

-- Что там? -- шепчет Квидлон.

-- Мы называем это шо'аун'ор'ес, не знаю, есть человеческое слово или фраза, которая служит эквивалентом, -- извиняющимся тоном объясняет Нор'ла'канас, -- рискну перевести это просто как "источник энергии", но это, я опасаясь, не очень-то поможет. Фио'вре возможно перевели бы лучше, но боюсь, что они не эксперты в языках.

-- Фио'вре? -- спрашивает Ориель, внезапно заинтересовавшись, хотя искренне это или часть его роли, мне непонятно.

-- Ах да, извините, -- снова извиняется переводчик и кланяется. Он

показывает на других тау взмахом руки.

--- Фю'бре следят за бесперебойной эксплуатацией силовой установки.

--- Всего шестеро? --- внезапно подает голос Трост, --- А что если что-то пойдет не так?

--- Боюсь, я не понимаю, --- отвечает Нор'ла'канас, переключая свое внимание на Троста, --- контроль --- это просто разумная предосторожность. С силовыми установками этого типа не случалось инцидентов уже сотни лет. Они достаточно безопасны и стабильны.

На лице Троста отражается сомнение и он отворачивается смотреть в окно. Мозгу только представить, о чем он думает. Он думает о том, что потребуются, чтобы разбить одно из этих окон и выпустить бьющую энергию, заключенную в реакторе. О таких вещах он думает слишком много. Я так же подозреваю, из того, что я узнал о тау, что сломать этот экран может только прямое попадание из какого-то достаточно тяжелого оружия, не говоря уже о том, чтобы сломать. Я бы не сказал, что тау

боятся, но они определенно опасаются и постоянно все контролируют. Это может стать полезным знанием на будущее. Иногда наша стремительность и эмоции делают нас сильнее. Я не знаю, на самом ли деле так такие бесстрастные или это выведено из них и подавлено верой в идею "высшего блага", но в любом случае, это делает их более предсказуемыми.

Мы возвращаемся к транспорту, и тур продолжается еще где-то в течение часа. Повсюду примерно тоже самое — огромные залы, но большей части пустые, за исключением огромных панелей или мониторов, и всюду очень мало так. Мы видим еще больше дронов в других частях корабля, те мельтешат туда-сюда по своим поручениям. Все это очень странно, но на самом деле мало приводит в восторг. Всюду одно и то же, очень мало украшений или какой-то индивидуальности. В некоторых местах на стенах какие-то символы, на первый взгляд они странно написаны, но в других местах и того нет. Никакой краски, никаких узоров, все скорее безвкусное. Все

это вместе лишь усиливает впечатление
обезличенного корабля, и заставляет меня
еще сильнее ощущать себя нежданным
гостем.

Пока я следую за притихшими
остальными, играя свою роль
незначительного писчего, я начинаю
осознавать, насколько от нас отличаются
тау. Они только выглядят чуть похожими
на нас, но думают они определенно по-
другому. Насколько я могу судить, у них
вообще нет никакой индивидуальности.
Они настолько извращены своей верой в
"высшее благо", что отбрасывают любые
личные достижения.

Вот в этом огромная разница между
нашей верой. Я бывал более чем на десятке
тиров Империи, и все они, так или
иначе, отличны друг от друга. Мы
меняется и адаптируется для жизни в
ледяных мирах, в глубинах джунглей, на
лишенных воздуха лунах, на борту
космических станций, и все же, в глубине
души, каждый из нас все еще остается
человеком. Тау, с другой стороны, просто
повторяют самих себя, стараясь изменить

галактику к своему взгляду на мир. Я полагаю, что в конечном счете это их всех и погубит. Жизнь подбрасывает тебе на пути различные испытания, и иногда нужно их просто обойти, в то время, как я думаю, тау будут лопиться напролом, ведомые своей дурацкой идеей, что "высшее благо" проведет их.

Мы наконец-то приехали к носу корабля и входим на мостик. Он более знаком, ну, по крайней мере, сильнее напоминает мостик корабля по своим представлениям, поскольку я ни разу на нем не был. Как и остальной корабль, отсек представляет собой широкий купол, хотя и намного выше, чем остальные отсеки. Почти весь зал занимает эллиптический экран, на полу по кругу расставлены различные консоли и мониторы, перед каждым из них стоит тау из касты Воздуха. Видя все это, в голову приходит кое-что еще. В зале двигателей, на оружейных палубах — все было одинаково разочаровывающим, идентичные затворованные модули, и ни малейшего признака чего-либо похожего на

оружие --- везде стояли инспекционные посты и везде, где мы были, я не припомню нормальных сидений или кресел. Выполняя свою работу, они везде стояли. Даже капитан, который стоит в центре комнаты и пристально наблюдает за всеми.

На нем все тот же комбинезон. Становится очевидным, что туника, которую он носил ранее, исключительно для церемонии приветствия, но не повседневная униформа. Он поворачивается, когда мы проходим через диафрагменный люк, и произносит что-то на тау.

--- Эль'савон приветствует вас в контрольном центре своего корабля, --- переводит Нор'ла'канас, слегка склоняя голову.

--- Если у вас есть какие-либо вопросы, пожалуйста, не стесняйтесь и спрашивайте, я запрошу ответы от вашего имени.

мы смотрим, как в полу появляется маленькая щель. В поле зрения wpłyвает дрон и отверстие за ним

закрывается. Он парит к капитану и передает какую-то трель на тау, после чего исчезает тем же путем, что и появился. Капитан поворачивается к переводчику и многословно говорит что-то, изредка при этом бросая в нашу сторону взгляды. Пор'ла'канас отвечает так же глинно и тоже смотрит в нашу сторону. Капитан кивает, соглашаясь.

--- Кажется, вы прибыли на мостик в удачное время, --- говорит нам переводчик и слегка кивает, --- вскоре мы перенесемся в ваш'аун'ан, что я полагаю, вы называете "варп пространством".

Он направляет наше внимание к огромному экрану, на котором отражена панорама звезд, после чего там появляется красноватая капля. Когда корабль подбирается ближе, капля беспорядочно расширяется спиралью и сворачивается сама в себя. Цвета так же меняются и через некоторое время вообще исчезают. Капитан объясняет что-то Пор'ла'канасу.

--- Впереди шо'кара, --- со всей торжественностью информирует нас тау'канасты Воды, --- что вы, возможно,

называете линзой или окном. Мы пройдем
через шо'кара в варн пространство и
поплывем по течению.

--- Вам приходится использовать эти
варн дыры, или линзы, ну или как их там,
чтобы войти в варн? --- спрашивает
Ориель, проявляя слабую
заинтересованность.

--- Фюо еще только предстоит
открыть успешный метод создания
искусственных шо'кара, --- застенчиво
признается Нор'ла'канас, --- однако, они
хорошо продвигаются. Это только вопрос
времени, чтобы проблема, с которой они
так долго разбираются, была решена.

--- А когда вы в варне, как вы там
ориентируетесь? --- спрашивает Шеффер.

--- Не уверен в деталях, я посоветуюсь
с Эль'савоном, --- медленно отвечает он,
явно нежного сбитый с толку странным
вопросом. Полагаю, что путешествие в
варне не та вещь, с которой они уже
освоились, хотя если спросите меня, вряд
ли кто-либо вообще освоится. Однако по
реакции Нор'ла'канаса было явно видно, что
они скорее не горят желанием обсуждать

этот недостаток. После долгой беседы с капитаном, во время которой больше всего говорил переводчик, Нор'ла'канас снова поворачивается к нам. Он делает паузу на пару секунд, явно собираясь с мыслями и проговаривая про себя то, что собирается сказать.

--- Капитан проинформировал меня, что корабль плывет по обширной сети предварительно проложенных путей, --- объявляет он, не особо пряча свою неуверенность. Перед тем как продолжить он бросает взгляд на капитана.

--- Эль'савон говорит, что мощные маяки позволяют ему путешествовать между планетарными системами с огромной скоростью и точностью. К примеру, сейчас мы прибудем к Ме'лек, нашему пункту назначения, через шесть лет'аа. Насколько мне известно, в вашем отсчете времени это будет примерно соответствовать четырем человеческим дням.

--- И эти маяки позволяют вам держать связь с другими мирами, пока вы путешествуете. Так? --- продолжает

давить Полковник. — Я спрашиваю только потому, что прибытие Имперского командующего Ориеля должно быть должным образом оглашено.

Скользкий ублюдок, думаю я про себя. Теперь Нор'ла'канас действительно в сложной ситуации. Теперь он или должен нам рассказать о том, как они держат связь во время Варп-путешествий, а это очень ценная информация, или навлечь на себя бесчестье, не ответив на вопросы гостя. В конце концов, после недолгих переговоров с Эль'савоном, он решается ответить, хотя честно или нет, не могу сказать.

— Судно, пилотируемое кор'веса, используется для связи между кораблями в транзите и нашими миратами. Так же оно рассылает и сообщения по дальним заставам нашей огромной империи, — Нор'ла'канас информирует нас, ввинчивая в разговор пугающие размеры империи Тау.

Хотя на меня это не производит впечатление. Будь у нас время и если бы нас не отвлекали, у меня даже нет сомнений, что с волеизъявления

Императора, мы бы уничтожили этих
выскочек. Им повезло, что мы вынуждены
разбираться с тиранидами. В противном
случае, я подозреваю, что вся их империя
была бы затоплена боевыми кораблями
флота и Имперскими полками. Ну а пока
наслаждайтесь жизнью, думаю я про себя,
радуюсь тому, что играю маленькую роль в
трагедии их падения. Кстати, это так же
показывает насколько они мало
осведомлены об Империи, если думают,
что могут пугать нас своим количеством.
Готов поставить, что в единственном
тире-улье народу больше, чем во всей их
империи.

Пока я это обдумываю, то вижу, как
варп-разлом вырастает перед экраном.
Должен признать, это меня начинает
беспокоить. Варп по своей сути — не
поддающийся контролю зверь, который
может разорвать корабль на части или
выкинуть его с таршута и заставить
блуждать меж звезд. Сама идея нырнуть
через этот разлом и дрейфовать по
течениям империума была далеко не
радостная. Мне не нравилась идея нырять

В варп даже на корабле с подходящими варп-двигателями и навигаторами на борту, а со всеми этими технологиями, основанными на бездуховности, да плыть в место, где души обретают материальную форму... Бррр. Остальные тоже волнуются, их внимание приковано к экрану. Бегло оглядываю их, поскольку начинаю концентрироваться на воровоте энергии, которая засасывает нас в измерение кошмаров и глубин Хаоса.

Маленькая варп-буря все ближе и ближе, она искажает свет звезд за ней, скручивает его и растягивает в завитки и линии. Я ощущаю, как нас неизбежно затягивает все быстрее и быстрее, и меня охватывает небольшой приступ паники, но я вдруг осознаю, что мы приближаемся к разлому с той же скоростью и все остальное всего лишь игра моего воображения. Я рад, что тяжелый капюшон скрывает мое лицо, иначе это порядочно бы потрепало мне нервы.

Проходит еще одна минута пока дыра в варп не заполняет весь экран, и ее края исчезают из вида. Изменяющиеся цвета

вызывают головокружение, поскольку они ритмично пульсируют, начиная с самого центра разлома.

При взгляде на это меня действительно подташнивает, гипнотический вид вместе с моей нервозностью заставляют внутренности почти что взбунтоваться. И я даже рад, когда на мгновение экран становится пустым, а тошнотворный вид сменяется схематичными и вечно меняющимися символами Тау. Чужак, стоящий у панели слева от нас что-то произносит, и капитан один раз кивает.

— Теперь мы вошли в шо'кара, — провозглашает Нор'ла'канас, снова всецело расслабленный оттого, что мы наконец-то прекратили изводить его вопросами.

Я ожидал какую-то бурную активность, доклады из различных частей корабля, суматоху бегающих вокруг офицеров. Ничего такого не происходит. Тау стоят на своих постах в безмолвии, следят за показателями, не произнося ни слова. Все ведут себя так же спокойно и упорядоченно. Тау, кажется, поступают

так всегда, независимо от того, чем
занимаются. Они явно уже множество раз
проделывали это, и их вера в свои машины
настолько сильна, -- тем не менее,
ошибочно, -- что они даже подумать не
могут о неудаче. Заговорил другой тау, и
капитан что-то сказал нашему гиду,
склонив голову перед Ориелем.

--- Эль'савон желает
проинформировать вас, что мы
благополучно вошли в шок'ара и на сегодня
его обязанности выполнены. Для него будет
честью пригласить вас за обеденный стол
этим вечером, -- переводит для нас
Нор'ла'канас. Ориель кивает Шефферу,
тот оборачивается и смотрит на
капитана.

--- Пожалуйста, передайте
благодарность Имперского командующего
Ориеля капитану Эль'савону за любезное
приглашение, которое он, конечно же,
принимает, -- говорит Полковник,
обращаясь напрямую к капитану.
Нор'ла'канас повторяет причудливое
согласие на тау, и капитан снова кивает,
после чего разворачивается и выходит

через боковую дверь.

--- Теперь, с позволения командующего Империи, я провожу вас обратно в ваши каюты, --- натянуто говорит Нор'ла'канас, не сводя глаз с Ориеля. Что-то тут происходит. Тау явно действуют по каким-то своим правилам этикета или дипломатии, которые мне непонятны. Ориель просто кивает и уходит, вынуждая Нор'ла'канаса поспешить вперед. Полковник смотрит, как все мы проходим мимо. Я отступаю и шагаю рядом с ним, после чего осознаю, что почти марширую. Укорачиваю шаг, как учился ранее, и надеюсь, что этого никто не заметил.

--- Что это было? --- спрашиваю я Полковника очень тихим голосом, но при этом не поворачивая голову к нему.

--- Словесные игры, --- коротко отвечает он, бросив на меня взгляд, --- кажется, правители и политики таким образом развлекают себя. Имперский командующий Ориель таким способом продемонстрировал, что тоже может говорить через посредника.

--- И что это значит? --- спрашиваю я.

все еще очень тихо.

--- Ничего не значит, кроме того что наш переводчик еще сильнее смущен своим почетным гостем, чем был, когда тот прибыл, --- объясняет мне Полковник, --- у них есть установленные правила, как вести себя в определенных ситуациях, как эта, и я подозреваю, что тау очень серьезно к ним относятся. Но крайней мере, тау из касты Воды, вроде Нор'ла'канаса. А Имперский командующий Ориель попытался нарушить некоторые из них, чтобы посмотреть, что произойдет.

Грубое произношение Полковника имен тау вызывает у меня улыбку, но к счастью, ее не видно из-под капюшона. Все это заставляет меня задуматься о всех вещах, что я видел раньше. Они так деловито были заняты своей работой, но возможно тайно ухмылялись и корчили нам рожи все то время, пока их никто не замечал.

--- Если все пойдет по плану, эта словесная перепалка будет единственным сражением, которое мы увидим, пока не начнется задание, --- добавляет Полковник.

— У меня ни разу не было заданий, где все идет по плану, — снова серьезно отвечаю я.

— У меня тоже, — злобеще признается Полковник.

ПОР'ЛА'КАНАС оставляет нас со словами, что вернется, когда придет время присоединиться к капитану. Наши вещи были перевезены из шаттла, и мы расходится по своим комнатам. Отмечаю, что в них стало холоднее, чем было, и теперь скорее прохладно, чем жарко.

Мы выстраиваемся в очередь, дабы посетить комнату оловений. И пока мы парами моем руки, остальные снова собираются на напольной подушке. Должен признать, к ней нужно немного привыкнуть, но на самом деле она достаточно удобна, к тому же нас вынуждают или проводить время вместе или сидеть поодиночке в своих комнатах. Она так же нивелирует различия между нами, поскольку никому не нужно сидеть на полу, и так как она расположена кругом, то все вроде как равны — никто не может

сесть чуть выше или во главу стола. Что-то подсказывает мне, что там не нужен порядок размещения за столом и огромное кресло, чтобы показать, кто тут главный. Они и так это знают.

— Нам нужно тщательно следить за тем, что мы говорим вне стен этой комнаты, — серьезно напоминает нам Ориель, снимая свои ботинки и устраиваясь на подушке, — капитан наверняка знает низкий готик. Подозреваю, что многие из членов экипажа, кроме Нор'ла'канаса, так же понимают нас.

— Откуда вы знаете? — спрашивает Трост. Инквизитор только собирается что-то ответить, когда из ванной комнаты раздается визг Тани, и мы все подскакивает. Норк вскакивает на ноги и несется к двери, спрашивая, все ли в порядке.

Мы толпимся за ним и палимся внутрь комнаты. На дальнем конце мелкое чашевидное углубление. Вода стремительно утекает через маленькие отверстия по центру. Таня спиной

сжимается в стену и смотрит на пол с ужасом, руками сжимая свою обнаженную грудь. Ее ноги дрожат, и она так же вздрагивает, когда поднимает глаза и видит, как мы входим. После общих душевых на борту "Лавров Славы" ее обнаженный вид для нас не в новинку.

--- Что случилось? --- требует ответа Ориель, проталкиваясь вперед, одновременно остатривая комнату.

--- Извините, оно на-напугало меня, --- отвечает Таня, явно выведенная из себя, поскольку ее зубы стучат.

--- Что напугало тебя? --- спрашивает Полковник, так же с подозрением оглядывая комнату. Мы все как один остатриваемся, и снова отходим к двери. Все что я вижу --- только слив и голые стены.

--- Смотрите, --- говорит она нам и, взорбившись, осторожно входит в углубление. С потолка начинает литься вода, и я вижу, что на полу появляются крошечные дырочки, где секунду назад их не было.

--- И она холодная! --- добавляет она.

снова отскакивая назад, и поток воды немедленно останавливается.

--- К тому же тут нечем вытереться, а дырки в полу открылись прямо пого лной. Я просто не ожидала, --- нескладно заканчивает она, отходя от шока и теперь ощущая себя ступенной. Квидлон делает пару шагов к душевой и затем стремительно отскакивает назад, так как на уровне талии из стены рядом с ним выезжает панель и ускользает в потолок. Когда он отходит, панель снова появляется и затем становится на место, оставляя на стене столь тонкую щель, что вы ее не увидите, если не будете знать, где искать. Он делает пару осторожных шагов вперед --- альков снова появляется.

--- Осторожно, --- предупреждает его Морк, отходя от Квидлона.

--- Сомневаюсь, что в ванной комнате может быть что-то опасное, --- раздраженно говорит Полковник, --- что внутри?

Квидлон склоняется и заглядывает в дыру, после чего начинает нервно ржать.

--- Это шкаф, --- говорит он, разворачиваясь к нам и хихикая про себя, на его лице выражение облегчения.

--- Тут все, должно быть, активизируется детекторами сближения, само поднимается и ... думаю детали вам объяснять не нужно. Тут должны быть и другие штуки. Давайте посмотрим.

Следующие несколько минут или около того, мы выглядели совершенно нелено --- осторожно прохаживались туда-сюда по комнате, тахали руками у стен и пола, и смотрели, что появится следующим. Если присмотреться, можно найти едва видные зазоры панелей и те же обесцвеченные участки, что активизируют двери. Трост попался под порыв горячего воздуха из скрытых сопел справа от слива, рядом с отверстиями для подачи воды, в то время как Ориель разобрался, что слив активизируется, если просто поместить внутрь чаши руку.

--- Ладно, может быть нам оставить Таню завершить свое оловение без нашего наблюдения? --- резко произносит Ориель, суша руки под потоком воздуха. После чего

выводит нас наружу.

--- Если вы все будете реагировать так каждый раз, когда происходит что-то странное, то это будет очень раздражающая и короткая миссия.

Мы обменивается нервными взглядами, пока всей толпой идем обратно к общественной подушке. Я никогда не думал, что принятие душа может быть таким пугающим и интересным переживанием, и на секунду пожевился, когда подумал, какие еще странности нам могут встретиться во время поездки.

Чем больше я узнаю о тау, тем больше рад, что я -- человек. Никогда не думал, что оценю простоту кранов и полотенца, но инцидент в душевой донес до меня, насколько нам повезло, что техножрецы контролируют безумный избыток техномагии.

--- Как я уже говорил перед нашей маленькой экскурсией, -- резко произносит Ориель, фокусируя наше внимание на своей персоне, -- мы должны предполагать, что тау вокруг нас понимают нашу речь.

--- А почему вы так уверены, что

тут безопасно разговаривать? --- спрашивает Стрелли, многозначительно оглядывая комнату.

--- Просто доверьтесь мне, --- поджав губы в невеселой улыбке, отвечает Ориель. --- теперь мне стало очевидным, что мы желают поделиться с нами всем, что они знают. Хотя по правде, я пока что не узнал ничего нового, чего бы ни слышал из других источников. К тому же, они все еще относятся с подозрением к нашим мотивам, особенно Нор'ла'канас. На этой формальной встрече с капитаном мы должны были быть чуть-чуть свободнее и спокойнее, а пока что все было слишком напряженно и официально. Ну же, наслаждайтесь едой, но не болтайте слишком много. По желанию задавайте любые вопросы и если вас спросят что-либо, напрямую не относящееся к нашим настоящим планам --- отвечайте честно.

В этот момент из душевой выходит Таня и кивает мне, так как я следующий. Я пропускаю следующую часть беседы, так как стремительно ныряю под прохладный водонагреватель. Оглядываюсь в поисках мыла, но

сознаю, что в воде на самом деле уже
есть какое-то моющее средство. Дрожа,
выхожу к механизму сушки, и тот обдает
меня всего с ног до головы теплым
воздухом. Я высох за пару секунд.
Проскальзываю в свою комнату и
вытаскиваю чистую рубашку из сундука,
разбрасывая старую одежду на кровать.
Однако недолго ощущаю себя немного
освежившимся. К тому времени как я
возвращаюсь к остальным, мои жаркие
толстые одеяния снова заставляют
потеть все тело, так что рубашка
болезненно натирает в разных местах.

--- Мы можем быть и не с настоящей
дипломатической миссией, --- говорит
Ориэль, --- но это не значит, что мы не
можем вызвать серьезных проблем, если
сделаем что-то не так. Грубо говоря, там
уже наблюдают за нами, так что простят
большинство наших ошибок. И чем сильнее
они поверят, что мы тупая и не
смотрящая в будущее раса, тем сильнее
они нас недооценят, так что не бойтесь
показать свою неосведомленность.

--- Подrywнику это ничего не стоит, ---

шутит Стрелли, не думая о том, что он только что сказал. Я съеживаюсь, потому что знаю, что будет дальше.

— Как ты назвал его? — рывкает Ориель, вскакивая на ноги и глядя на Стрелли.

— Это... а... это его прозвище, — сбивчиво отвечает Стрелли, глядя на меня. Я с ужасом смотрю на Полковника.

— Это часть тренировочного курса лейтенанта Кейджа, — объясняет Ориель Полковник, — с полного моего одобрения.

— Так у вас всех есть такие милые прозвища? — голос Ориеля сочится презрением. — Император защити нас! Такой промах перед тау вызовет бурю вопросов. И что, по-твоему, ты делал?

— Я тренировал солдат для боевого задания, — бесцеремонно встречаю я, а внутри растет гнев, — вам нужны были тренированные солдаты, я вам их и даю. Если вам нужны шпионы, притворяющиеся другими людьми — можете разбираться с этим сами.

— А тебе в голову не приходило, что нужна будет определенная степень

маскировки? --- раздраженно отвечает
Ориель. --- Или тебе в голову вообще ничего
не приходит?

--- Если бы мне сказали, что вам
нужна кучка тупоголовых дворян для
задания, я бы тренировал их по-другому, ---
огрызаюсь я, вскакивая на ноги и прижимая
кулаки ко швам, --- так что вы получили
отделение самых хорошо обученных
солдат, что может предоставить
Имперская Гвардия. И когда мы нападем в
самую мясорубку, вы меня еще
поблагодарите, потому что они созданы не
для этих интеллектуальных игр.

Ориель злобно смотрит на меня и
скрипит зубами. Я знал, что пройдет
немного времени, прежде чем он покажет
свое истинное лицо. Так или иначе, это
все равно бы доставило ему неприятности.
Обменивается с ним ядовитыми
взглядами, и я даю ему возможность
продолжить. Он глубоко вздыхает и
наблюдает остальных, явно
успокаиваясь.

--- Спасибо, Кейдж, --- наконец
произносит он, --- понятное дело, мы все

тут на грани, так что твоя агрессия на сей раз будет забыта. Теперь я осознаю, что это оплошность с моей стороны. Я должен был просветить Полковника Шеффера более детально. Ты прав, здесь мы не должны забывать о своем задании. Твоя концентрация на военной стороне дела похвальна. А теперь скажи своим бойцам, что следующий, кто еще раз попытается использовать одну из ваших пулишек, будет застрелен лично мной.

Он важно выходит из комнаты, оставляя нас переглядываться.

— А какие еще "оплошности" он допустил? — рычит Трост, почесывая свою щетину и глядя на Полковника.

— Держи свое мнение при себе, Трост, — холодно отвечает ему Шеффер, уходя в свою собственную комнату.

— Вы правда так считаете? — спрашивает Таня, после того как Полковник исчезает за дверью. — Что мы лучшие бойцы, каких может предоставить Имперская Гвардия?

Я смотрю на нее и остальных, все наблюдаю за мной словно ястребы.

— Да, считаю, — отвечаю я ил
натягиваю капюшон и тоже ухожу.

ПОСЛЕ предупреждения Ориеля на
ужине у капитана мы несколько
нервничаем.

Как обычно нас проводил сюда
Пор'ла'канас и привел в широкую овальную
комнату недалеко от мостика. Что ж,
это только мне кажется, что недалеко от
мостика, поскольку я до сих пор еще с
трусом ориентируюсь, но вроде бы уже
разобрался в какую сторону нос, а в какую
корма. Потолок тут достаточно низкий и
плоский по сравнению с куполами в других
помещениях. Главный зал — обеденная зона.
На одной стороне стоят ряды полки, первая
тебель, что я тут увидел, и их нагружает
едой небольшая армия дронов, которая
парит туда-сюда через люки в
противоположной стене. Я с ужасом вижу,
как один из них подлетает к полке, а на
его верхней поверхности стоит поднос.
Затем поднос охватывает мерцающее
синее поле, он поднимается и
самостоятельно опускается на полку. Как

едва может попасть в какое-то такое поле
и не быть при этом осквернена? Огин
Император знает, что за отрава может
пролиться из этих дронов! А эти тау
думают, что мы будем есть все это после
того, как они ее так испортили? Ну, и
кроме того, они могли понапихать туга
еще, огин Император знает, чего. Может
там какая-нибудь наркота, чтобы мы
разговорились? Затем я вспоминаю слова
Полковника и немного успокаиваюсь. Если
тау захотят сделать что-то такое, мы
никак не сможем предотвратить это.

В центре комнаты стоит огромный
круглый стол, окруженный стульями без
спинки, вылепленных кажется из самого
пола. Когда я присматриваюсь ближе, то
вижу на полу очертания. Однако самот
геле они едва заметны, чуть разные
оттенки зеленого и синего на всеобщей
белизне.

Пор'ла'канас замечает мой взгляд,
покидает Полковника и Ориеля и
является ко мне.

--- Разве это не прекрасно? ---
спрашивает он, глядя на пол. Под своей

тяжелой робой я поеживаюсь, не особо радуясь тому, что впервые привлек его безраздельное внимание.

--- Но их едва видно, --- говорю я, слегка перенося вес тела так, чтобы оказаться чутьточку дальше от чужака.

--- Это особенно прославленная школа искусств в нашей империи, --- объясняет гуг, --- их произведения требуют к себе внимания и тщательного изучения. Они помогают размышлениям и успокаивают нервы.

Черта с два они успокаивают мои нервы, думаю я про себя, остеливаясь и бросаю утешающий взгляд за спину Пор'ла'канас на Ориеля и Полковника. Инквизитор слегка хмурится, после чего зовет переводчика по имени. Тау неглубоко кланяется мне и затем устремляется обратно. Я облегченно вздыхаю и улыбкой благодарю их.

--- Ни на йоту не доверяю этим жутким ублюдкам, --- шепчет мне Трост, стоя ко мне спиной и немого повернувшись в мою сторону. Глазами он следит за тау.

--- Я тоже, --- соглашаюсь я, --- не

вздума́й ничего́ делат́ь, просто́ держи́ сво́й рот на замке́, а у́ши пошире́.

— Ничто́ в галактике́ Императора́ не заставит́ меня́ по собственному́ желани́ю разговари́вать с этими́ уро́дцами, — с чувством отве́чает он.

Из ниоткуда́ раздается́ звон колокольчи́ков, и за исклю́чением Пор'ла'канаса́ все ошело́млены. Диафрагма́ дв́ери открыва́ется и Эль'савон — капита́н, — появля́ется е́ще с четы́рьмя та́у. На них по́хожие наряды́ оде́жды, в кото́рых они́ были́ на церемо́нии приве́тствия. Пор'ла'канас́ представля́ет их — е́ще боле́е причудли́вые и непрони́зосимые и́мена — и та́м рассажива́ется за сто́лом, без како́го-либо по́рядка.

Пор'ла'канас́ перево́дит па́ру любезно́стей капита́на, после́ чего́ информирү́ет нас, что пу́тешествие́ через Ва́рп проте́кает по расписа́нию, и что управля́емая дро́нати́ капсу́ла была́ отпра́влена на Ме'лек, дабы́ наверняка́ предвосхи́тить наше́ прибы́тие. Он спраши́вает, удо́влетворяю́т ли нас усло́вия в наших ко́мнатах, ну́ и так да́лее.

Пока он говорит, один из тау встает и идет к еде, наполняя овальную тарелку различными фруктами. Мы все провожаем его угрюмыми взглядами.

— Что-то не так? — спрашивает Нор'ла'канас, заметив наше недовольство.

— Ну, мы ожидали чего-то более, э, формального, — говорит Таня, вспоминая, что она должна быть вроде как наблюдательницей группы, — Имперский командующий не привык, когда подчиненные позволяют себе есть до него.

Нор'ла'канас мгновение смотрит на нас безучастно, затем капитан обращается к нему на тау. Далее следует беседа чужаков, они разговаривают прямо перед нами, практически забыв, что мы находимся вместе с ними в комнате. Они все возражают, когда Полковник многозначительно прочищает горло.

— Вы не могли бы поведать нам, о чем вы говорите? — спрашивает он, но в его голосе нет и намека на агрессию.

— Мои извинения, — совершенно искренне отвечает переводчик и возвращает свое внимание к Ориелю, — мы

не хотели выказать неуважение. Мы все равны в нашем труде во имя высшего блага. Внутри нашего общества нет необходимости в иерархии. Мы просто обсуждали, как разрешить эту ситуацию. Я уверен, вы поймете, это сродно Эль'савона, и следовательно, тут среди нас он является высшей властью. И все же вы правители планеты и можете считать себя выше его. Так что мы не уверены, как следует поступать дальше. Может быть, вы посоветуете нам?

Ориель, кажется, на мгновение опешил от такой искренности тау, но быстро пришел в себя.

--- Что ж, мы говорим: "На Терре ведите себя как терранец", --- небрежно отвечает он, махнув рукой в сторону полковника. Собравшиеся тау посмотрели на Нор'ла'канаса, и тот перевел. Они озадаченно смотрят друг на друга, а затем на Ориеля.

--- Мы последуем вашему примеру, --- объясняет Таня после незаметного жеста Полковника, --- поскольку мы едины и равны в нашем служении великому Императору

Галактики, как и вы своему делу.

Чудесно выкрутилась, думаю я про себя, ловлю ее взгляд и подмигиваю.

Не позволим им забывать, с кем они имеют дело. С тех пор как мы прибыли Нор'ла'канас был снисходительным мелким говнюком, и самое время поставить этих выскочек на место. Подавляю сильное желание напомнить им, что они тут только потому, что Варп-шторм помещал нас изничтожить их расу в блаженчестве. В любом случае ее ответ, кажется, удовлетворил всех. Ориель улыбается Тане, тау одобрительно кивает. Чувствую, как меня кто-то пнул под столом и, взглянув вправо, вижу, что Стрелли пялится на меня.

--- Я полагаю, будет уместным жестом со стороны нашего писчего, как самого младшего и наиболее скромного слуги Империи среди присутствующих, продемонстрировать нашу готовность схватить эту прекрасную идею равенства, --- вежливо произносит он.

Все взоры устремляются ко мне пока Нор'ла'канас переводит. Я встаю, и все мое

тело начинает покалывать от их пристального внимания.

— Ты трүн, — из-под складок капюшона одними губами бросаю я Стрелли, пока прохожу мимо и одариваю его убийственным взглядом. Стоящий у полок тау благодарно кивает мне. Я нерешительно беру протянутую им тарелку и подхожу к полкам, глядя на подносы с едой. На четырех полках сорок различных блюд. Я смотрю в тарелку тау, что из еды он взял, стараясь найти то же самое на заваленных едой блюдах. Однако она из разных полок, отовсюду, так что я полагаю, что нет официального порядка, что есть первым. Ну, насколько я могу судить.

Нагружаю свою тарелку, случайным образом хватаю различные фрукты и овощи, по паре с каждой полки, сверху поливаю различными горячими соусами. Сзади раздается звук, напоминающий удивленное бормотание, и я поворачиваюсь. Тау смотрят на меня, а на их лицах слегка недоверчивое выражение. Нор'ла'канас строго говорит им что-то, и

они отводят взгляд, после чего он говорит что-то глинное стоящему рядом со мной тау. Тот вежливо, но твердо отбирает у меня тарелку и произносит что-то на тау. Из люка выплывает дрон и простирает зеленую дымку, выхватывая тарелку из рук тау, после чего снова уползает прочь. Тау говорит что-то мне, и затем указывает на полки и свою тарелку, отсчитывая в свою очередь расположенную там еду. И вот только тогда мне становится ясно, что он брал ее с каждой восьмой тарелки. Держа это в уме, я осознаю то, что изводило меня весь день и наконец-то дошло, когда тау вручил мне чистую тарелку. У них на каждой руке только большой и три отдельных пальца. Конечно же, у них восьмеричная система исчисления и в этом есть смысл. Требانهшься с этими чужаками.

Я чуть внимательнее смотрю на еду, после чего беру пару звездных фруктов, которые ел раньше, раз уж знаю, что они достаточно вкусные. Затем отсчитываю дальше восемь тарелок. Смотрю на тау, и тот одобрительно кивает, после чего

уходит от меня к столу. Ложкой накладываю в свою тарелку маленькую кучку темно-синих зерен, затем снова отсчитываю и натыкаюсь на глубокую чашку с коричневой, похожей на подливку, субстанцией. Выливаю немного на еду, раздумывая, зачем я поливаю и фрукты тоже, и затем перехожу к последнему блюду. Оно более знакомо, там хлебцы, хотя разноцветные полосы — зеленые и серые — бежут по всей булке.

Рядом с тарелкой лежит какой-то маленький аппарат, и я поднимаю его.

Появляется Полковник с еще одним тау.

Игнорирую его и продолжаю изучение устройства. Заметив маленькую кнопку, нажимаю ее. Выскакивает лезвие, к счастью, направленное от меня, ведь по случайности я мог порезать себе запястье. Оно начинает мерцать. По правде говоря, судя по своим ощущениям, оно скорее очень быстро вибрирует. Использую нож, дабы нарезать себе хлеба, а затем снова нажимаю кнопку, выключая вибро-нож. Мои руки трясутся, и я спешу обратно к столу.

Сажусь и только затем осознаю, что не могу есть руками, по крайней мере, пока вся еда в соусе. Смотрю на тау, который был передо мной и вижу, что у него в руках похожие на лопатку приборы, что мы нашли в своих комнатах. У него по паре в каждой руке, он умело нарезает яства, используя одну пару, чтобы держать, а вторую, чтобы резать, после чего отправляет еду в свой беззубый рот. Я оглядываюсь в поисках приборов, Таня ловит мой взгляд. Она тянется под стол, вытягивает их оттуда и со снисходительной улыбкой машет ими. Опускаю взгляд — там под столешницей маленький ящичек с дырками для пальцев. У тау слабые руки, поскольку в дырку пролезает только мой мизинец.

Вытаскиваю ящичек и вижу там восемь лопаток для еды вместе с шелковистой, похожей на салфетки, тряпкой, да накрытую чашу с белыми кристаллами. Я для пробы макаю палец в чашу, прикрывая этой действие ото всех длинными рукавами робы, и затем осторожно пробую на вкус. Каково же мое

удивление, когда это оказывается просто солью. Старая, добрая соль. Беру щепотку пальцами и посыпаю еду, после чего начинаю разбирать ее приборам.

Это требует некоторой сноровки, поэтому мы достаточно много еды проливаем на стол. Стрелли почти вышибает глаз Тросту, когда через стол случайно катapultирует горячий круглый кусок похожего на картошку овоща, чем вызывает приступ удрушающего стеха у Тани и нахмуренный взор Полковника. То и дело по воздуху жужжат уроны, вытягивают дымку поля и убирают стол.

Тау, кажется, не замечают наши любительские мукки, один-двое циркулируют вокруг стола, помогая разместить приборы в наших пальцах с уменьшим количеством суставов. Один из них говорит что-то другому, остальные кивают и издают какой-то гогот. Очевидно стех, решаю я. Ориель любознательно поднимает бровь и немного оскорбленным тоном спрашивает, что тут смешного.

--- Шутка, командующий Императором, мы не хотели оскорбить вас, --- добродушно отвечает Нор'ла'канас.

--- Может, тогда поделитесь с нами? --- спрашивает Стрелли, пытаясь откинуться на спинку стула, забыв об ее отсутствии, так что ему приходится спешно наклониться вперед, чтобы не свалиться. Одаряваю его устешкой, которую никто не видит благодаря моему капюшону. И снова размышляю о том, чем на самом деле занимаются все всездущие агенты, когда на них никто не смотрит.

--- Император настолько вас любит, что наградил лишними пальцами, --- объясняет переводчик, кивая от удовольствия. Он останавливается и выглядит слегка опешившим от нашего столбенения.

--- На языке тау это просто стешная игра слов, --- уверяет он нас, --- возможно, я не очень хорошо перевел.

У Нор'ла'канаса едва есть время перекусить, так как возобновляется беседа с Квидлоном, и тот закидывает тау различными вопросами об их технологиях.

в частности о гронах. Хотя, кажется, ответы еще сильнее сбивают его с толку. Морк и Трост стоически хранят молчание, только закидывают в рот еду и игнорируют так насколько это возможно.

Таня спрашивает о разных блюдах, но как и Квидлон, все сильнее и сильнее приходит в замешательство от объяснений.

Примерно через пятнадцать минут со свистом через люк проносится еще один грон, неся понос с напитками в глиняных, тонких кубках из бледно голубой керамики. Нор'ла'канас объясняет, что это превосходный напиток тау. Я полагаю, как вино. Мы все берем по бокалу, Ориель встает и поднимает свой.

--- Эль'савон, следующий тост ваш, --- объявляет он, глядя на капитана. Капитан и Нор'ла'канас выглядят шокированными.

--- Что вы хотите сделать, командующий Улпериута? --- быстро переспрашивает Нор'ла'канас.

--- Предлагаю тост, --- повторяет он, обращая свое внимание на переводчика.

--- Почему вы хотите сделать из

Эль'савона тост? — в ужасе спрашивает Нор'ла'канас.

— Я... Что?! — отвечает Ориель, оглядывая стол и осознавая, что его неправильно поняли.

— Нет, нет! Тост в данном случае, э, выражение признательности, — он смотрит на нас, ища поддержку, мы все встаем и тоже поднимаем наши кубки. Тау секунду переговариваются друг с другом, после чего копируют наши действия.

— За Эль'савона, пусть он проживет долгую и счастливую жизнь, — провозглашает Ориель. Мы повторяем его слова и пьем. Вино на самом деле не является вином, на вкус оно почти что соленое, вряд ли фруктовое, и немного горчит. Я делаю только маленький глоточек и ставлю кубок обратно. Нор'ла'канас переводит, и тау подражают нам на своем языке, после чего все делают глубокий глоток. Эль'савон произносит речь, и действие повторяется в обратном порядке. С тостом Эль'савон в честь командующего Империи Ориеля я

вынужден сделать еще один глоток
алкоголя тау.

Без формального порядка ужин
длится, на мой взгляд, часами. Так как обе
стороны опасаются сделать слишком
много ошибок в общении, то беседы
сводятся к странным вопросам насчет еды
и вежливым запросам относительно
нашего конечного пункта — Ме'лека.
Кажется, эта планета достаточно давно
освоена, хотя и не так стара как Империя
Тау. Ориель ловко избегает вопросов о
наших причинах визита, так что
заканчивает есть в тишине. Наконец-то
после небольшой неловкости и
дискомфорта Эль'савон желает нам
спокойно ночи, и тау уходят, за
исключением Нор'ла'канаса, который
поведет нас обратно в наши каюты.

Когда мы ложимся в кровати, никто
не вытолкнул и слова, все слишком устали
и озабоченны собственными тревожными
мыслями.

Мы ВЕДЕМ себя достаточно
сдержанно, пока корабль бороздит варп к

Мелек. Опять же, в варне ко мне вернулись
мои коштары, наполненные мертвецами из
прошлого.

Учитывая постоянную охрану тау,
бессонница заставляет ощущать себя
опустошенным и старым. Остальные тоже
не в себе, и несколько раз были тревожные
звоночки, когда один или другой чуть было
не накрывали нашу легенду крышкой.

Ориель оставил нас, а Полковник как
всегда необщителен, так что я остаюсь
один на один с остальными штрафниками
"Последнего Шанса". Собираю всех вместе,
чтобы еще разок пройти по нашему
плану, а про себя возношу молитву
Императору, чтобы Ориель оказался прав,
считая, что внутри наших апартаментов
мы можем говорить свободно. Если нет,
то тау точно уже знают, что мы
собираемся делать. И возможно именно
таков их план. Убаюкать нас ложным
чувством безопасности, чтобы мы
открылись и рассказали им все, что они
пожелают.

Но я не могу просто оставить
штрафников наедине, мне нужно

заставить их заниматься хоть чем-то, так что фокусирую их на задании, что, кажется, превосходно отвлекает их внимание от тревожного окружения.

Катнел преткновения является только Таня. Когда мы доходим до фазы, где ей нужно сделать выстрел -- она говорит да, но в ее глазах нет ни веры, ни убежденности. Следующим утром, когда она просыпается, припираю ее к стенке.

-- Ты осознаешь, что все пойдет прахом, если ты не нажмешь на спусковой крючок? -- тихо говорю ей, загородив выход из комнаты.

-- Не так трудно выстрелить. Ты сама можешь это сделать, как и Герой, -- отвечает она, не смотря мне в глаза.

-- Возможно, но Снайпер -- ты, так что тебе стрелять, -- говорю я ей, делая шаг вперед.

-- Я знаю, Последний Шанс, -- вздыхает она, садясь на кровать.

-- Ты должна постараться! -- отрезаю я, продвигаясь по комнате.

-- И что я должна тебе ответить? -- с пылом говорит она. -- Что я не хочу

стрелять, что не хочу убить еще одного человека?

--- Я не говорю о человеке, я говорю о цели! --- рывкаю я. --- Это всего лишь чужак, как орк, или эльгар, или хрүд. Я не прошу тебя убивать человека.

--- Я не дүтаю, что тау считают так же, --- возражает она, глядя в пол.

--- Это еще что за дерьмо? --- шикаю я, и мой голос тих. --- Ты чувствуешь вину перед чужаками? Ты отвратительна, Таня. Как ты можешь сидеть здесь и сравнивать этих вонючих тау с человеком. Почему они для тебя намного важнее, чем я, Полковник или твои товарищи по команде?

Она поднимает взгляд на меня, на ее лице растерянность.

--- Я не говорила такого, --- возражает она.

--- Зато дүтаешь так, даже если не осознаешь этого, --- резко продолжаю я, не останавливаясь ни на секунду, --- если ты не выстрелишь, этот засранец Пресветлый Меч вторгнется в Саркассу и распротрошит тысячи людей. И все

потому, что ты считаешь, что этот
поганый чужак имеет больше прав на
жизнь, чем мы.

— Я так не считаю! — она встает и
отталкивает меня. — Я не хочу идти на
это задание! Почему обязательно я?
Почему они доверились мне?

— Потому что ты поклялась
защищать Императора и его владения, —
тихо отвечаю я, стараясь успокоить ее, —
давай взглянем на это с другой стороны —
почему ты просто не отказала Полковнику
в тюрьме и не получила болт в голову? Ты
ведь знала, что тебя попросят убить кого-
то.

— Я не думала об этом, — говорит
она, трясая головой, — я просто не хотела
умирать.

— А, так ты значит просто
эгоистичная сука, в этом дело? — я снова
зл, и ощущаю, как кровь внутри меня
вскипает. Тыкаю пальцем ей в грудь.

— Почему ты жива, все эти невинные
люди на Саркассе могут отправиться
прямо в ад, убитые руками существа,
которого ты отказалась застрелить.

так?

--- Я не хочу, чтобы это произошло! ---
равкает она, отбрасывает мою руку и
отпихивает меня. --- Отвали от меня,
Последний Шанс.

--- Нет, пока ты не пообещаешь мне
выстрелить, пока ты долго и мучительно
не подумаешь о том, что будет, если ты
не нажмешь на спусковой крючок, ---
отвечаю я, снова подходя к ней и испепеляя
ее взглядом.

--- Ага, только тогда после
Пресветлого Меча ты понадешь в
перекрестье прицела, --- угрожает она.

--- Если так и будет, то я буду просто
счастлив, --- признаю я, отходя на шаг и
отступая от нее, --- если после выстрела
ты хочешь увидеть меня в перекрестье,
что ж, посетуй и быть. Делай что хочешь,
но только после того, как прищипишь
этого ублюдка.

После чего смотрю на нее. Она с
вызовом смотрит в ответ, в ее глазах
ненависть.

Отлично. Она выстрелит, в этом я
чертовски уверен.

ПРИЕМ на Мелеке был намного
грандиознее, чем был на корабле. Когда
рама касается посадочной площадки,
начинает играть какой-то оркестр, по-
большей части состоящий из ударных, с
ними несколько гудящих труб, что вносит
в музыку полную какофонию. Это
совершенно не походит на четко
выстроенные, ритмичные гимны и марши,
к которым я привык, и через пару секунд
мелодия начинает раздражать даже меня.
Вдоль маршрута к космопорту перед нами
гудя линиями выстроились огромные
шагающие машины, торчащие из земли
как какие-то стилизованные грибы ---
широкий купол над тщедушной опорой.

Высота машин примерно три с
половиной, может быть четыре метра,
очертаниями они напоминают гуманоида.
Судя по их форме, и учитывая, что внутри
пилот, я бы сказал, что водитель сидит в
корпусе, а плоская широкая голова с
множеством линз всего лишь
дистанционно связана с ним. Руки
крупные и толстые, плечи и бедра

покрыты бронированными плитами. Худенькие ножки скорее похожи на подпорки, хотя все остальное заключено в тяжелую на вид, аккуратно граненную броню. У каждой машины сзади ранец, из которого торчат ряды сопел. Возможно, это какое-то реактивное устройство. Очевидно, что это своего рода боевые машины, так как устройства, смонтированные на руках, явно оружие различного назначения. У нескольких боевых скафандров даже на плечах присутствовало вооружение. Длинноствольные пушки и пусковые ракетные установки расположены по той же рациональной и упорядоченной схеме, как и во всех виденных мной машин тау. Над несколькими парят дроны, мерцающие каким-то энергетическим полем.

Боевые скафандры и дроны раскрашены по зазубренному шаблону в камуфляжные цвета серого и оранжевого, в различных местах видны буквы и символы тау. Возможно это отметки отделений или имена пилотов.

Под аккомпанемент завывающих

серво-моторов, все машины как один подняли правую руку в приветствии, сформировав для нас арку прохода. Если тау сражаются в таких машинах, то я внезапно осознаю, почему нам нужно остановить их вторжение в Саркассу. Потому что, на мой взгляд, эти скафандры неукреплены, и насколько я могу судить — они скорее ходячие танки, чем тяжелая броня. Практически как огромные гредноуты костогесантников, о которых я слышал на Учаре-4. Бросаю взгляд на Ориеля, который стоит справа от меня.

— Если все сделаем правильно, нам не придется сражаться против этих боевых машин, — шепчет он, окидывая меня злобным взглядом, который говорит, что если что-то пойдет не так, именно с ними мы и столкнемся.

Ориель начинает спуск по рампе, а мы следуем на почтительной дистанции от него, играя роль покорного сопровождения. Пока мы идем по проходу из боевых скафандров, они еще сильнее пугают меня. Они возвышаются над нами, и эти громадные туши скорее всего могут

сделать из нас кровавое месиво своими
искусственными мускулами и
впечатляющим вооружением. Каждая
машина сзади нас опускает руку, что
заставляет меня еще сильнее запинаться
и паниковать.

В конце ряда нас встречает
маленькая группа сановников тау, одетых
в церемониальные туники, похожие на
одежды капитана и Нор'ла'канаса, в
которой они встречали нас на корабле.
Позади них еще одна шеренга из
нескольких десятков воинов без боевых
скафандров, но все же хорошо вооруженных
и в броне. Их униформа из легкого,
вспученного материала, на котором
закреплены панцирные пластины брони на
груди и бедрах, а плечи защищены
толстыми щитками. Вместо подходящих
визоров, все шлемы полностью усеяны
маленькими группами линз различного
размера. Раскраска соответствует серо-
оранжевому узору машин, за исключением
шлемов, те различных оттенков синего,
желтого и красного, возможно для
идентификации различных отделений.

Предполагается, что это демонстрация военной силы, и она меня впечатляет. Мне определенно не хотелось бы столкнуться с ними в бою. Вооружены они глиняными винтовками, примерно в два-три раза превышающих моего роста. Подозреваю, что у них достаточно пробивной силы, чтобы проделать дыру в задней броне боевого танка. Затем я в уме отвечаю себе: «Оплеуху». Я ведь с ними столкнусь, говорю я себе, и очень скоро. Ну конечно не с этими конкретно, но с другими определенно. Собираюсь с мыслями, говорю себе, что здоровое уважение к врагу это одно, но на самом деле они не страшнее орка или тираннозавра. Я почти убеждаю себя этими аргументами. Почти. Оркестр прекращает стучать и визжать, и тау по центру группы выходит вперед, вежливо кланяется Ориелю, после чего обращается ко всем.

--- Всем без исключения добро пожаловать на планету тау Ме'лек, --- начинает он, его речь практически идеальна, в ней нет и следа нечленораздельности или акцента как у

Нор'ла'канаса.

--- Меня зовут Нор'о-Борк'ан-Ало-Ша'ис. Можете обращаться ко мне Посол, но связал Прохладный ветер. Но если пожелаете, то можно и просто посол, я не обижусь.

Его тон приятен, а глаза живые. Пока он говорит, то быстро осматривает всех, специально удостовераясь, что с каждым обязательно встретился взглядом. Какой-то голосок в голове мне подсказывает, что он и есть наш контакт. Не могу сказать, откуда я знаю, возможно, из-за того, как он смотрит на нас, но я не уверен. Он представляет остальных, уполномоченных от каст Воды и Земли, чьи имена для моего слуха все равно, что беспорядочный набор звуков.

--- Так же позвольте добавить, что это честь и удовольствие для меня приветствовать вас на Ме'леке, --- завершает он. --- Вы первые официальные представители Его Святейшества, Императора Человечества, которые посетили нас и, я желаю, чтобы ваше пребывание было приятным и

плодотворным.

Пока я осматриваю костюпорт, Ориель толкает заикающуюся речь на тау, видя, что о том, как он рад посетить эту планету и все такое. Остальные здания в порту достаточно низкие, с плоскими куполами, соединенные между собой крытыми переходами на земле и в паре метров над землей. Большинство зданий белого цвета, как и корабль, и практически все вокруг болезненно сверкает. Атмосфера так же суха, а солнце припекает мне спину, в точности как любят тау, если судить по условиям на корабле чужаков. Когда формальности соблюдены, Посол Прохладный Ветер говорит, что нас ожидает транспорт, который отвезет к временному пристанищу.

Он ведет нас через портовый терминал, здание с белыми стенами и высокими арками, соединенный с куполообразными залами. Именно здесь мы видим несколько много у тау дронов. Они жужжат почти повсюду, некоторые несут коробки и мешки, другие летят без какой-

то явной цели, хотя Прохладный Ветер информирует нас, что большинство из них передают послания. Для делового костюмporta тут, кажется, относительно мало самих тау. У некоторых дверей стоят странные воины касты Огня, на них та же одежда, что и у жителей снаружи, но в руках короткие карабины. Пара агентов в туниках проходят мимо, сдвигая по уважительным поклонам Прохладному Ветру и Ориелю, они из касты Воды.

Через дальний арочный проход я замечаю группу касты Воздуха. Я прихожу к такому выводу, сдвигая по их одежде --- знакомому обтягивающему комбинезону, который носил экипаж корабля.

Когда мы проходим массивные раздвижные двери терминала, то попадаем в пригород. Костюмпорт расположен на горе, с которой видно все остальное поселение, и благодаря ясному дню видимость составляет несколько километров во всех направлениях.

От костюмporta лучами расходятся широкие бульвары, по сторонам стоят высокие здания таких форм, которые вы

только можете себе представить. Некоторые куполообразные, некоторые похожие на изгуб башни, в то время как большинство имеют выходящие на улицу плоские фасады, которые мягко переходят в сферические формы или пирамиды с закругленными углами.

Большинство зданий белые, но, через достаточно правильные интервалы встречаются цвета со странной примесью бледно-серого, желтого или синего. Эта совокупность дает ощущение, что тут все расположено по тщательно продуманной схеме. Многочисленные проходы и поднятые пересекающиеся дороги между зданий придают городу занятой вид, хотя тут нет нагромождения и ощущается спокойствие, которое я не испытывал ни в одном из городов Империи. Небо над головами бледно-синее, тучи проплывают разбросанные пушистые облака, а солнце Ме'лека — огромный, яркий шар чуть ниже зенита. Прохладному Ветру хватает ума позволить нам несколько минут полюбоваться пейзажем и насладиться видом.

И только затем до меня доходит.
Если на корабле там мы были только по
щиколотку в дерьме, то сейчас мы по
самую шею. Господь Император, да это
долбаная планета там! Нас тут
малюсенькая группа, а их огромная армия.
Подозревая, что только приданного
отделения для нашей встречи достаточно,
чтобы уже несколько раз стереть нас с
лица земли. И если мы думаем, что вели
себя на корабле осторожно, то тут вообще
придется ходить на цыпочках. Чем дальше
все заходит, тем все меньше и меньше мне
нравится наше задание. Это вынюхивание
здесь напонило мне несколько
будоражающих моментов в Коританоруме,
когда нас почти что поймали. Ну, и,
конечно же, всех этих невинных людей,
которых нам пришлось убить просто
потому, что существовала опасность
выдать врагу расположение наших сил.

С другой стороны здесь с этим
проблем нет -- в конце концов, тут всего
лишь чужаки. Галактика явно не будет
тосковать без них, а я уж и подавно.

-- А они любят разбредаться, не так

ли? — комментирует Стрелли, прикрыв глаза рукой от солнечного света.

— Вам не кажется, что тут все немого какое-то бездушное? — спрашиваю я остальных так тихо, чтобы не услышал Прохладный Ветер.

— Не понимаю, — говорит Таня, разворачиваясь ко мне.

— Куда не взгляни, везде все одинаковое, — жалуюсь я, взмахом руки охватывая весь город, — он ни растет, ни меняется, с ним ничего не происходит. Возможно, он выглядит именно так, как они хотят. Тут нет никакой индивидуальности, нет никаких различий меж разными районами.

— А я полагаю, ты не привык к такому, да? — встречает Трост. — Да ты просто ульевая крыса. Что ты вообще знаешь о строительстве городов?

— В улье хотя бы можно понять, где ты находишься, — отвечаю я ему с улыбкой, вспоминая сырые и вызывающие клаустрофобию коридоры моей юности, — повсюду различное освещение, различные запахи. Можно понять какой уровень

старее, какой жилой квартал какому клану принадлежит. Там были граффити и тотемы для разграничения территорий, на полу и на стенах были нарисованы эмблемы банд. Там все кипело жизнью. А это место мертво.

— Понимаю о чем ты, — к моему огромному удивлению Норк соглашается со мной, — не думаю, что у этих там есть история или традиции. Они, кажется, так озабочены своим высшим благом и строительством империи, что игнорируют свое прошлое.

— Может быть, у них есть причины забыть, — бормочет Таня, снова глядя на город, — может быть, для них это новое начало.

Ориель кашляет, чтобы привлечь наше внимание, и кивает головой в направлении широкой ramps, ведущей вниз с площади, где мы стоим. Мы идем за ним и Прохладным Ветром вниз к улицам, где нас ожидает транспорт. Он похож на корабельную машину, парит над землей, хотя и всего лишь в полуметре. Произведен все из того же серебристого

материала, но матового уже. Его тупой нос
закруглен по углам, изогнут, незаметно и
без швов переходит в прозрачное ветровое
стекло, которое простирается над
сиденьями внутри еще на метр выше.
Задняя часть открыта всем ветрам,
внутри кузов — примерно овальное
углубление, по краям установлены погнутые
сиденья, в которые ты плюхаешься, когда
боковая секция падает на землю, фортируя
раму.

Как только ты устраиваешься, у носа
садится Прохладный Ветер и что-то
громко говорит на тау. Машина
поднимается еще на полметра над землей
и медленно начинает разгоняться.
Заглядываю вперед, но не вижу водителя.
Квидлон тут же задает очевидный вопрос.
В этом деле на него всегда можно
положиться.

— Э, простите посол, но кто
управляет этой машиной, я имею в виду,
кто контролирует ее? — спешно
произносит он, разрываясь между
Прохладным Ветром и видом на
проносящиеся мимо здания.

— Спасибо за вопрос, — слегка кивнув, отвечает Прохладный Ветер. Кажется, я начинаю осознавать, что это на самом деле не знак уважения, а выражение удовольствия, вроде улыбки.

— Эта наземная машина, как вы называете их, включает в себе небольшой искусственный разум, как у дронов, которых вы видели. На самом деле он не столь разумен, но знает план города Ме'лек и может реагировать на простые речевые команды.

— Вы просто говорите ему куда ехать, и он вас отвозит туда? — спрашивает Таня, проверяя, правильно ли она поняла, при этом беспокойно ерзая на своем сидении. Они действительно немного низкие, и мы вынуждены слегка сутулиться. Полагаю, что они более удобны для членов касты Воды и Воинов Огня, которых мы видели в костюпорту, ведь они ниже нас ростом. Затем до меня доходит, что ее беспокоит не сидение, а сама мысль о том, что какой-то инопланетный искусственный разум везет нас по городу, причём неизвестно куда.

--- Верно, --- подтверждает
Прохладный Ветер, --- должен уверить вас,
это полностью безопасно. По правде говоря,
полагаю, что это даже безопаснее, чем
если бы нас вез разумный водитель. Его
невозможно отвлечь, он не блуждает
мыслями где-то и не мечтает. Его
сенсоры намного точнее и покрывают
гораздо больший спектр, чем доступен
любому животному существу.

--- Вы не расскажете нам немного об
этих зданиях? --- спрашивает Полковник,
после того как Ориель что-то ему
нашептал.

--- Конечно же, главный советник, ---
отвечает Прохладный Ветер, глядя
своими темными глазами на Полковника, ---
только что мы покинули космопорт
Ме'лека, один из двух таких комплексов на
этой планете.

--- Геодезическая структура справа от
нас, --- он указывает на фасетчатый
серебристый купол, который отражает
свет сотнями солнечных зайчиков, и те
пятнами блещут на соседних зданиях, ---
содержит наземные жилища для членов

кор, которые известны вам как каста Воздуха. В настоящее время только некоторые из них могут жить на планетах из-за атрофии мышц и скелета, вызванной длительными космическими полетами на протяжении множества поколений. Внутри поддерживается более низкая гравитация, чем во всем городе.

— А вы очень общительны, посол, — комментирует Ориель, внезапно выпрямляясь на месте, — есть на то какая-то особая причина?

— Две причины, командующий Империиума, — вежливо отвечает Прохладный Ветер, — для начала, я высшее должностное лицо пор, касты Воды, на вашем языке, и это моя обязанность — всецело сотрудничать с такими важными и distinguished гостями. Ну и второе — я буду снабжать вас и ваш отряд конфиденциальной информацией перед вашей отправкой в Эстау.

Значит он наш контакт, с триумфом гутаю я. Кажется, никто не удивлен, в особенности Ориель. Хотя хорошо, что он сам об этом сказал.

--- Я полагаю, ты можешь тут разговаривать без опаски? --- спрашивает Ориель, твердо глядя на Прохладного Ветра.

--- Эта машина надежно защищена от любых видов наблюдений, --- искренне заверяет его Прохладный Ветер.

--- Вы точно уверены? --- настаивает инквизитор.

--- Я определенно не начал бы эту беседу, если бы не удостоверился, командующий Империи, --- подчеркивает посол.

--- Хм, думаю да, --- решает Ориель, откидывается на спинку и немного расслабляется, --- у вас есть новости относительно передвижений командующего Пресветлого Меча?

--- О'вар, как мы часто называем его, возвратился на Эстау примерно как раз к тому назад, --- без промедления отвечает посол. И тут замечает наши ступенные взгляды.

--- Извините, почти два терранских месяца тому назад. И полагаю, что он там задержится еще на несколько недель.

В данный момент он собирает подходящий транспорт и боевые корабли эскорта для своей армии, чтобы атаковать планету, которую вы называете Саркасса.

--- Что вы можете рассказать о самолете Пресветлом Мече? --- спрашивает Полковник, наклоняется вперед и укладывает один локоть на колено, после чего подгибает ладонью подбородок. Его взгляд упирается в Прохладного Ветра, и, послу, кажется, мгновенно становится не по себе от его ледяного пронзающего взора. Не могу винить за это тау, под внимательным взглядом Полковника все, кого я встречал, чувствуют себя не очень комфортно. Вероятно, даже чужаки.

Тот бросает взгляд на Ориеля, который, соглашаясь, кивает, и тау деликатно чистит горло перед тем как продолжить.

--- Его зовут Шас'о-Таш'вар-Ол'нан-Б'как --- говорит он нам, слоги речи тау почти складываются в одно глинное слово. Это значит что он командующий касты Огня, с мира Таш'вар, который заслужил почетное звание Пресветлого Меча и

Пустынного Пастуха.

--- Пустынного пастуха? --- смеется Трост. Пока мы едем, он свесил одну руку за борт машины, и от смеха он начинает хлопать ей по корпусу. --- Что ж это за звание такое?

--- Одно из великих, --- отвечает Прохладный Ветер, игнорируя грубость Троста, --- происхождение этого традиционного звания уходит корнями на многие поколения назад.

Как тау, я нахожу его происхождение чрезвычайно интересным, но подозреваю, что посторонним рассказ будет не столь поучительным.

--- Да, это так, --- тяжело отвечает Полковник, прожигая Троста взглядом за вменяемость. --- Пожалуйста, продолжайте рассказ об О'варе.

--- Как и все члены касты шас, О'вар родился воином, --- говорит нам Прохладный Ветер, глядя по очереди на каждого, не концентрируясь на ком-то конкретно. Он определенно привык разговаривать с группой, что очевидно, и его командный выговор на нашем языке

натного лучше, чем у большинства людей, которых я встречал.

--- В формирующие года, этот период каста шас часто называет "в строю", О'вар несколько лет сражался рядом с великим военным героем О'шовахом. За это время О'шовах был так впечатлен навыками О'вара по владению оружием и его тактическим предвидением, что они провели та'лиссера вместе. Это позволило О'вару присоединиться к охотничьему наряду О'шоваха, как мы называем наши военные формирования.

--- Эта та'лиссера --- какая-то связующая церемония, да? --- вмешивается Ориель, --- Она подразумевает очень серьезные обязательства.

--- На самом деле, так и есть, командующий Империи, --- отвечает Прохладный Ветер, не выказывая удивления, что Ориель знает об этом, --- это одно из самых глубоких обязательств, что мы можем дать, дабы достигнуть та'ува. Цель жизни для всего нашего народа, сложное понятие, которое переводчики трактуют просто как высшее

благо. О'шовах стал наставником О'вара, и научил его множеству боевых навыков, научил претворостям искусства ведения войны. Через некоторое время О'вар достиг авторитетной должности, а это означало, что он больше не мог оставаться в кадре О'шоваха. Возможно, это стало для них обоих эмоциональным разрывом. И как говорят, именно в это время в О'варе начали расти семена инакомыслия. О'шовах, ранее выдающийся и высокоуважаемый лидер наших армий, с тех пор отвернулся от высшего блага и от наших путей. О'вар, несомненно, вдохновленный своим наставником, стал агрессивным и упорным лидером. Хотя он до сих пор клянется поддерживать идеалы тау'ва, его милитаристский подход все сильнее и сильнее начинает противостоять нашей не агрессивной политике колонизации.

--- Вы имеете в виду, что он стал пушкой, которая вот-вот выстрелит, --- без шуток заявляет Стрелли, --- для вас, должно быть, это настоящая головная боль.

--- Какая выразительная аналогия, ---
отвечает Прохладный Ветер, снова слезка
кивая от удовольствия.

--- Извините, --- вклинивается Таня, ---
я путаюсь в этих именах, не могли бы вы
их повторить?

Мы с Морком согласно кивают. Эти
слоги тау стесались в моей голове вместе
с переводами.

--- Беспокоиться нам нужно только об
одном, --- отвечает Ориель, --- об О'варе.
Мы называем его командующий
Пресветлый Меч. Другой --- О'шовах. Это
переводится как Зоркий Взгляд. Зоркий
Взгляд был командиром Пресветлого
Меча в его ранней карьере военного, это
все что вам нужно знать о нем.
Пожалуйста, давайте внимательнее и
воспевайте.

--- Что ж, я запуталась, --- огрызается
Таня, скрещивая руки, --- в конце концов, я
должна убить этого парня, и мне хотелось
бы знать его имя, когда я буду нажимать
на спусковой крючок.

Мы все резко смотрим на нее.

--- Я бы предпочел, чтобы ты не

распространялась так детально о нашем задании, особенно здесь, в открытой машине, -- рычит на нее Ориель. Он возвращает свое внимание к Прохладному Ветру. -- Не то чтобы я не доверял вашим заверениям, посол. А теперь дальше, про Пресветлого Меча.

-- Он, как вы подчеркнули, стал своего рода проблемой, хотя и не такой как О'шовах, -- продолжает дипломат тау, -- но как вы и сказали, О'шовах сейчас не ваша забота. Экспансионистское агрессивное желание О'вара, если его не держать в узде, неизбежно приведет к конфликту с вашей расой. Гораздо более широкомасштабному конфликту, чем относительно небольшие схватки, что были до сего момента. Ну и конечно, не считая ваш преждевременный и неудачный крестовый поход через область, что вы называете Дамокловым заливом.

-- Мы здесь не для того чтобы разгребать историю или ругать военную политику Империи, Прохладный Ветер, -- кисло произносит Ориель. Ни у кого из нас нет догадок насчет того, о чем он говорит, а я вообще никогда не слышал о

наком-либо крестовом походе в
Датокловом заливе. Но правде говоря, до
этого момента, я вообще не слышал ни о
каком Датокловом заливе, чем бы это ни
было.

--- Мы, конечно же, желаем избежать
конфликта, если это возможно, ---
сглаживает наше напряжение Прохладный
Ветер, --- он непродуктивен и
противоречит нуждам высшего блага.

--- Ваши власти, --- он бросает взгляд
на Ориеля, --- так же осознают безумие
войны между нашими государствами и
тоже желают избежать ее. Таким
образом, вы прибыли сюда и тайно
договаривается избавить нас всех от этой
проблемы.

--- А почему вы просто не можете
стеснить его или что-то в этом духе? ---
спрашивает Таня. --- Назначить кого-
нибудь другого на его должность?

--- Я боюсь, что это противоречит
тау'ва, --- объясняет посол, --- с виду О'вар не
делает ничего плохого. Он расширяет
наши владения, чтобы тау'ва
распространялось среди других рас по всей

галактике.

--- Тогда почему именно мы должны убить его, почему бы вам самим не выполнить грязную работу? --- возражает Трост. Ориель бросает еще один предупредительный взгляд насчет такого открытого разговора, и эксперт-подрывник сердито ворчит, складывая руки на груди. В этот момент мы проезжаем огромную сферу на сваях, которая соединена с землей спиральными лестницами.

Отворачиваюсь от зрелища и слушаю, что говорит Прохладный Ветер.

--- Мысль об убийстве другого тау для нас абсолютно ужасающая, за исключением определенных ритуалов шас, --- Прохладного Ветра эта идея физически отталкивает, его кожа приобретает бледно-синий цвет. --- Даже если мы найдем личность, которая сможет исполнить такое, риск слишком велик. Если когда-либо обнаружится такое деяние, то оно вызовет сомнения в тау'вах. Вы наверняка понимаете.

--- Нам ведь на самом деле не нужно все это знать? --- спрашиваю я Полковника

и Ориеля, стараясь вернуть беседу в значимое русло.

--- Все что нам нужно --- так это детали: когда, где и как.

--- Да, конечно, --- отвечает Прохладный Ветер, глядя вперед машины, --- к сожалению, мы уже прибыли в вашу резиденцию, и через секунды тут будут другие мау. Вечером ужин в вашу честь и там мы тоже не сможем поговорить. Завтра утром я проведу вам тур по городу, во время которого у нас будет время должным образом все обговорить.

Наземная машина замедляется и останавливается снаружи здания, похожего на перевернутый конус, его этажи возносятся и возносятся к небу, словно оно туда тянется. Совершенно не понимаю, как оно стоит, потому что кажется, его поддерживают только переходы и мостики, что соединяют здание с дорогами и ближайшими постройками.

--- Проследуйте за моим помощником --- Бре'дораном, он покажет вам ваши комнаты, --- говорит Прохладный Ветер, указывая на низенького, тощего мау.

терпеливо ждущего нас у похожей на
цветок двери в здание. Когда мы
выкарабкиваемся, он низко кланяется и
отходит в сторону, позволяя нам пройти
через раскрытые "лепестки" двери.
Оглядываюсь и вижу, что машина поехала
обратно по улице, увозя с собой нашего
союзника.

НАШИ комнаты это более
грандиозная версия комнат на борту
корабля. Как и раньше тут есть
центральный зал, в этот раз тут кроме
одной огромной подушки, рядом
треугольником расположены еще три
меньших. С главной общей зоной
соединяются десять спален, у каждой своя
индивидуальная душевая. У нас едва
хватает времени искупаться и
освежиться, когда наше внимание
привлекает дверной звонок. Бре'гдоран
ожидает нас на лестничной площадке
снаружи и просит проследовать за ним на
верхний этаж, где нас ждет обед.

--- У них все комнаты как наши? ---
спрашивает Таня, и мне не понятно, вопрос

продуктован ее любопытством или ролью. -- Это обычные комнаты или специально подготовленные для гостей с иных планет?

Мне кажется, она почти сказала "чужаков", но осознала, что чужаки тут тау, несмотря на то, что мы на их планете.

-- Тут такой же дизайн, как в наших собственных жилищах, -- информирует Бре'доран, ведя нас вдоль холла тускло-синего цвета и украшенного на уровне наших голов тонкими фризами с надписями на тау.

-- Если они вам не подходят, я распоряжусь подготовить специально обставленные комнаты. Мы не в достаточной степени осведомлены о нуждах людей.

Таня смотрит на Ориеля, тот пожимает плечами.

-- Эти комнаты нам вполне подходят, спасибо, -- любезно отвечает она тау.

Мы входим за чужаком на сдвигающуюся рампу, которая служит

лестничным маршем и медленно
вращается вокруг центральной колонны,
что пронизывает все здание. Внутри
здание полое, на всех двенадцати этажах
есть круглые пролеты с мостками,
которые уходят от траволатора, от него
же лучами расходятся комнаты.
Центральная колонна потрясает тем, что
она из стекла или какого-то другого
прозрачного материала, внутри нее
постоянно переливающаяся смесь цветных
жидкостей, которые постоянно то
поднимаются, то опускаются.

Как и все лестницы там, что я видел,
у мобильной платформы нет перил, так
что ты жмешься к центральной колонне из-
за страха разбиться насмерть. Очевидно,
что там нелегко спуститься. И мне
понятно почему. Они кажутся очень
неторопливой расой, и я ни разу не видел,
чтобы кто-нибудь куда-то спешил, за
исключением дронов. Как и все, что
принадлежит там, их жилища излучают
спокойствие и уравновешенность.

Мы подъезжает к пролету, который
ведет в банкетный зал. Насколько я могу

судить, он расположен вдоль стены всего здания, а внешней стеной служит непрерывное окно, за которым открывается потрясающий вид на весь город. Вдоль центра зала расставлены низенькие круглые столы, уходящие как влево, так и вправо, вокруг каждого уже хорошо знакомые подушки. Солнце Ме'лека только начинает садиться, и пока мы ждем прибытия остальных гостей, стоим у окна и рассматриваем город, утопающий в розоватом свечении наступающих сумерек.

С наступлением темноты, впервые с тех пор как мы прибыли, город начинает оживать. Закат окутывает теплыми оттенками радикально белые здания, стягивает их белизну и за считанные секунды тысячи окон расцветают искусственным освещением. По всей длине дорог и мостиков загораются люминесцентные полосы, и когда солнце стремительно ныряет за горизонт, темная масса поражает огромное множество мерцающих звезд и переливающихся радуг, что заменяют бесконечную белизну

дневного города.

По дорогам движется постоянный поток желтых и синих огней машин, и вскоре их свет сливается практически в непрерывные цветные линии.

Взглянув вправо, мне виден костюпорт на горе, сияющий маяками и посадочными направляющими огнями, чьи геометрические фигуры светятся красным, зеленым, синим и белым, создавая с этого угла обзора головокружительные узоры. Яркие посадочные реактивные струи какого-то костического корабля оживают, когда тот отрывается от площадки, и я наблюдаю, как белые искры возносят его к небесам, освещенным последними лучами уходящего дня.

— Это впечатляет, — небрежно говорит Стрелли, — ты можешь себе представить, сколько нужно энергии, чтобы все это было освещено?

— Всего лишь свет, побрякушки, — ворчит Норк отворачиваясь, — сияющие декорации, которые нагло затмевают звезды. Только раса, ослепленная непристойными технологиями, будет

пытаться затмить красоту небес
Императора.

--- Во тьме живут монстры, ---
прагматически возражает Таня,
пристально глядя на яркое множество
источников света на земле, насколько мы
можем судить.

--- Никакой свет не спрячет тьму в
гущи чужаков, --- глумится позади нас
Морк.

Мы разворачиваемся, когда слышим,
как входят другие. Четыре воина Огня, в
полной броне и с оружием идут перед
достаточно молодого выглядящего тау в
тунике из нескольких различных
окрашенных прослоек. В руках у него
короткий жезл со сверкающей
драгоценностью на конце. Они не
обращают на нас внимания и исчезают за
изгибом стен. Вскоре появляется посол
Прохладный Ветер и направляет нас к
столу, стоящему чуть дальше от двери, с
видом на костюпорт за окном. Проследив за
нашими взглядами, он спрашивает:

--- Великолепный вид, не так ли? --- он
слегка покачивает головой, --- как вы

бигите, мы обожаем ночь. Наши пращуры жили в сухих и пустынных условиях Тау, поэтому проводили большую часть жаркого дня в убежищах. А ночь — самое время жить своими жизнями.

— Так вы ночная раса? — быстро спрашивает Квидлон.

— Только в культурном отношении, — отвечает Прохладный Ветер, — биологически мы, как и люди, способны как к дневной, так и ночной активности. В наших традициях огромное место играет ночь и удовольствия, что она несет.

— Кем был тау, который зашел до вас? — спрашивает Ориель, усаживаясь к столу и наблюдая, как подходят остальные. Я все забываю, что он вроде как почетный гость.

— Это был Аун'ла-Ши'ва-Ран'ал, — кратко отвечает посол.

— Член касты Эфирных? — спрашивает Ориель с внезапно проснувшимся интересом, глядя в направлении, куда ушел таинственный тау.

— Да, — кратко подтверждает

Прохладный Ветер, явно не горя желанием
обсуждать этот вопрос.

--- А почему вдруг замолчали? ---
спрашиваю я его, положив локти на стол.
Полковник одаривает меня суровым
взглядом, и я убираю локти, осознав, что
мои рукава откинулись назад, и обнажили
шрамы и рубцы вокруг запястий,
оставшиеся мне со времен заключения. Не
знаю, будет ли интересно ему откуда они
у меня, но полагаю, что лучше избегать
вопросов.

--- Мы не обсуждает вопросы,
затрагивающие aún, с посторонними, даже
со своими союзниками, --- строго отвечает
посол.

--- То есть он здесь не для того, чтобы
поприветствовать меня? --- удивленно
спрашивает Ориель.

--- Он находится в этом зале с вами, а
это достаточная честь для гостей извне, ---
без смущения отвечает Прохладный
Ветер. Посол поднимает взгляд и кивает
приближающемуся ему, который выше и
шире, чем все остальные, виденные мной.
Его повадки выдают воина, говорю я сам

себе, замечая его легкое самодовольство и
твердый взгляд, которым он
рассматривает нас, когда
останавливается у стола.

-- Это Шас'эл-Виор'ла-М'уенши-Элан,
-- Прохладный Ветер представляет нам
вновь прибывшего, -- а это командующий
Империи его Святейшего Величества
Императора Терры -- Ориель.

Я собираюсь встать, но замечаю, что
Прохладный Ветер сидит на месте. Явно,
что тут это не знак уважения. Мне
следовало запомнить по ужину с
капитаном на борту костического корабля.

-- Добро пожаловать на Ме'лек.
Обращайтесь ко мне Шас'элан,
командующий Ориель, -- молвит воин Огня
и кивает, выказывая уважение. Его голос
гораздо глубже, чем у остальных тау, и
более явственен акцент. И в данный
момент, я конечно не эксперт в языке
тела тау, но он вроде бы не очень-то
жаждет находиться здесь. Он садится за
противоположную от нас сторону стола,
между Квидлоном и Таней.

-- Шас'элан мой старый друг и

высокопоставленный офицер в шас, здесь на
Ме'леке, -- объясняет Прохладный Ветер,
явно не обращающий внимание на
неудобство друга или просто игнорируя
его. Мы сидим в несколько неловком
толчании притерно с минуту, после чего
речь заводит Полковник.

-- Простите мое невежество,
Шас'элан, но я мало что знаю о структуре
ваших военных сил, -- тихо говорит он, и я
впервые слышу, чтобы он так вежливо
разговаривал с кем-либо. И когда-либо.

-- У вас звание шас'эль, верно?

-- Да, я -- шас'эль, -- с гордостью
отвечает тот.

-- Сколькоми воинами вы
командуете? -- продолжает Полковник,
почесывая свое ухо самым беззаботным
образом.

-- Я командую одним... одним... -- он
смотрит на Прохладного Ветра в поисках
помощи, тот отвечает на тау.

-- Я командую одним кадром воинов.
В настоящий момент их пятьдесят
шесть.

-- А ваш начальник? -- вклинивается

Ориель, все еще выражая всем своим видом безразличие.

--- Шас'о-Виор'ла-Монт'ир-Шу'монт'ка, --- через секунду размышлений выдает Шас'элан, --- Шас'о командуют всеми шас на Ме'леке.

Некоторое время мы перевариваем полученную информацию и ждем ужина.

Когда еду подают, то она оказывается восхитительным ассортиментом блюд. Их разносят дроны, загруженные овощами, фруктами, ароматным рисом и печеньями с толстой коркой, далее следуют хрустящие бисквиты, которые так понравились мне на корабле, плюс кувшины с соками медовых и темно-фиолетовых оттенков. Кое-что мне знакомо по ужину с капитаном, но большая часть яств для нас в новинку.

В отличие от полков на корабле, здесь вроде бы нет официального порядка, так что мы все накидывается на еду, включая Прохладного Ветра и Шас'элана. Когда мы начинаем есть, они оба, кажется, успокаиваются, и предлагают нам

попробовать различные блюда,
комментируя названия на тау,
Прохладный Ветер периодически
переводит нам слова Шас'элана.

Нару раз мне приходится
напоминать себе, что Шас'элан не
участвует в заговоре, и останавливать
себя, чтобы не ляпнуть что-нибудь, что
выдаст мою военную подготовку. Могу
сказать, что Полковнику тоже нейдет
выведать у военачальника все о том, как
держатся тау, но он сдерживается.
Несмотря на неестественное, но приятное
окружение, я быстро теряю аппетит и
вскоре просто из вежливости отламываю
маленькие кусочки.

Пока мы едим, я вижу, как восходят
двойные луны Ме'лека, и ночной город снова
меняется. Большая часть огней
затемняется, и здания начинают
светиться разными цветами, некоторые
выглядят серебряными или золотыми,
другие желчужными, а некоторые до сих
пор покрыты пятнами сияющего синего и
пурпурного.

— Наши города спланированы и

построены так, чтобы взаимодействовать с движением небесных светил, перенимать расположение лун и звезд, -- говорит нам Прохладный Ветер, проследив за моим взглядом. -- На ваших планетах такие же виды?

Я бросаю взгляд на Полковника, он пожимает плечами и кивает. Полагаю и можно ответить правдиво, по моей родной планете Шас'элан никоим образом не сможет догадаться, что я не писчий.

-- Я родился в городе, который на три километра возносится к небесам Олимпа, -- говорю тау, стараясь, насколько могу, чтобы это звучало впечатляюще. Нечего и думать, что только они могут построить причудливые города.

-- Нижние уровни примерно на такое же расстояние уходят под землю. В одном таком городе живет около миллиарда людей, а на моей планете таких городов тринадцать.

-- Не может такого быть, -- возражает Шас'элан, -- на одной планете больше людей, чем тау во всем этом сенге!

--- Мы называем их миры-ульи, в честь гнезд трудолюбивых насекомых, --- объясняет Квидлон, --- по всему Империи множество таких миров, но есть миры и других типов.

--- Так много планет с таким количеством людей? --- Шас'элан выглядит шокированным и обвиняюще смотрит на Прохладного Ветра, после чего произносит что-то на тау. Прохладный Ветер резко отвечает, во всяком случае, насколько я могу судить.

Остальная часть ужина проходит в неприятном молчании.

* * *

Следующим утром нас встречает Прохладный Ветер. День только начинается, когда наземная машина проскальзывает на одну из воздушных дорог. В этот раз поездке я уделяю больше

внимания, наблюдаю, как по встречному направлению проносятся другие машины: парящие как наша, глинные составные транспортники, маленькие, похожие на коконы, треволаторы везут тау по одному. Я так же замечаю как тут много дронов. Кажется они повсюду: мелькают по дорогам, влетают и вылетают из зданий, несутся по мостикам и проходам.

--- Сегодня вечером мы должны улетать, --- внезапно говорит Прохладный Ветер, привлекая мое внимание к себе, --- я получил весточку, что О'вар очень скоро покинет Эс'тау. Если мы не сделаем все быстро, то упустим возможность.

--- Вы сказали "мы", а это значит, что вы летите с нами? --- спрашиваю я, глядя на Полковника.

--- Я встречусь там с вами, --- спокойно отвечает он, --- О'вар собирает множество наемников для усиления собственных воинов Огня, и под видом солдат удачи вы прибываете на Эс'тау и налетаете к О'вару. Я все уже подготовил, но должен прилететь к О'вару, чтобы удостовериться, что все необходимые

записи никоим образом не смогу связать вас со мной.

--- Подчищаешь хвосты? --- ржет Трост. --- Ты вроде как должен доверять нам, что мы не раскроем твой секретик.

--- Если вы проговоритесь, записи будут поддержкой для моей защиты, что такого заговора не существует, --- спокойно и без смущения отвечает посол, --- вы так же ничего не выиграете от таких откровений, так как общественное мнение будет больше заинтересованно получением компенсации от Императора, чем моей сомнительной ролью в этом деле.

--- Никто ничего не расскажет, --- сурово произносит Ориель, одаривая каждого из нас тяжелым взглядом, после чего разворачивается к Прохладному Ветру. --- Наш корабль уже прибыл?

--- Несколько дней тому назад судно, что вы описали мне, достигло орбиты, --- кивком подтверждает посол, --- я так же устроил, что к внешним границам системы вас транспортирует лихтер, чтобы вы как можно быстрее могли войти в варп.

--- Что вы имеете в виду "транспортирует"? --- с подозрением спрашивает Шеффер.

--- Не волнуйтесь, это стандартная процедура, --- уверяет нас Прохладный Ветер, --- имея дело с инопланетными кораблями, мы используем превосходящую скорость наших собственных кораблей, чтобы придать им, так сказать, ускорение.

--- Сколько, по вашему мнению, мы будем лететь к Эс'тау? --- с конца машины спрашивает Стрелли.

--- Честно говоря, это будет короткое путешествие. Я бы сказал --- примерно три, может быть четыре ром'аа, --- после секундного размышления выдает посол.

--- Это примерно два дня? --- спрашивает у Прохладного Ветра Ориель, и тот кивает в ответ.

--- Совсем не много. Используем это время для окончательной подготовки.

--- Хорошо, значит все идет по плану, --- посол кажется доволен.

Остаток дня мы проводим обговаривая дальнейшую часть плана.

Посол посвящает нас в детали, пока возит
вокруг различных местных
достопримечательностей. Мы близко
проезжаем мимо дворца эфирных. Это
возвышающееся здание с десятком
скайвеев, расходящихся от центрального
шпиля. Впервые видим настоящий боевой
купол воинов Огня — огромное сооружение,
способное вместить под своей сводчатой
крышей тысячи бойцов. Прохладный Ветер
особенно оживляется во время тура по
району касты Воды, представляющего
собой примерно десяток куполов и башен,
полных администраторами,
сопоставляющими информацию со всей
планеты и ближайших миров.

Так как беседа протекает в режиме
старт-стоп, то мы очень часто
возвращаемся к сказанному, дабы все всё
четко понимали. В конце концов, мне
кажется, что даже я уловил все нюансы. На
орбите стоит списанный флотский
транспортник, маленькое судно, едва
способное путешествовать в варпе, оно и
отвезет нас на Эстау к Пресветлому
Мечу. Мы приземляется, записывается в

артию Меча, затем затаивается и
выжидает подходящее время для удара.
Когда командир тау будет проводить свою
окончательную проверку перед
вторжением, мы быстро и жестоко
атакуем, стреляем вбрюху в голову и
затем делаем ноги.

Прохладный Ветер уверяет нас, что
в разгроме и замешательстве мы без
особых проблем сможем добраться до
орбиты. Но я в этом сомневаюсь. В
Коританоруле была та же самая проблема
--- трудно было попасть внутрь, а вот
выбраться обратно почти что стоило мне
жизни. Примерно в середине дня
Прохладный Ветер возвращает нас в наши
покои и говорит, что у нас есть несколько
часов перед отлетом.

Этим же вечером, когда солнце
нырнуло за высокие купола строений,
Прохладный Ветер снова приезжает к нам
на своей парящей машине и везет нас в
костюпорт.

--- Я вот тут подумала, --- говорит
Таня, когда мы плавно обгоняем глиняный
танкер, --- что будет с вами, Прохладный

Ветер, когда все произойдет? Я имею в виду, вы же не сможете полностью отрицать связь с нами.

— Ваша легенда гласит, что вы — отступники, действуете без разрешения властей, — спокойно говорит тау, — при определенных обстоятельствах, если я вдруг каким-нибудь образом буду вовлечен, я, конечно же, поддержу эту легенду. Я буду выглядеть скорее глупо, чем доверился злобным людям, а О'вар заплатил за это.

— Значит, вы будете выглядеть просто некомпетентным дипломатом, а не предателем? — грубо смеюсь я, — для карьеры это не очень-то хорошо.

— Если все пройдет как надо, я наверняка потеряю репутацию и должность, — кивком соглашается Прохладный ветер, все еще кажущийся расслабленным, — однако моя личность и карьера вторичны перед нуждами тау'ва.

— И вы рискуете разрушить свою жизнь ради этого? — спрашивает Таня, наклоняясь вперед. — Это тау'ва для вас очень много значит.

— Это правда. Я действительно
многим рискую во имя тайны, — медленно
отвечает Прохладный Ветер, — однако
спросите себя. Почему вы рискуете собой
еще сильнее, чем я, ради своего далекого
Императора?

Мы задумывается об этом, но никто
не отвечает. У меня есть готовый ответ,
хотя некоторые могут сказать, что он
своего рода уход от вопроса. Я рискую всем
за Императора и за человечество, потому
что это лучше, чем любые другие
варианты. Полню, как однажды в фабрике
улья пришел проповедник и собрал
огромную толпу. Он хотел потирить
различные торговые дома через
поклонение Императору. Это не
сработало, собрание переросло в бунт,
затем в сражение, затем в
полномасштабную торговую войну.
Кажется, его случайно подстрелили, хотя
никто по правде не желал причинить ему
зла. В любом случае, этот проповедник
расхваливал нам прелести работы во
благо Императора, и сражений за Его же
имя. Он цитировал "Литании Веры", или

какую-то дряхлую священную книгу, я на самом деле не помню, ведь в то время я был очень молод.

Он говорил, что есть два типа людей. Есть те, кто работают и сражаются за человечество и Императора. Кто посвящает себя высоким идеалам. Вот именно такие люди будут удостоены погребения, когда Император призовет их к себе. А есть и другие. Он называл их паразитами, вытягивающими из остальных жизнь и кровь. У них нет целей, и когда они умрут, их с радостью поприветствует Бездна Хаоса. Должно быть, это произвело на меня большое впечатление, хотя я не осознавал этого, пока не очутился в 13-ом Легионе.

Мы все от шока забываем свои мысли, когда нос с правой стороны нашей машины взрывается, разбрасывая во всех направлениях серебристые осколки. Машина пропахивает дорогу, почти что переворачивается, и раскидывает нас в разные стороны. Я не помню, чтобы видел энергетический разряд или ракету, но

догадываюсь, что в нас кто-то стрелял.

--- Какого флага?! --- ору я, вскакивая на ноги.

Слышу, как по корпусу барабанают заряды ручного оружия. Мы все выскакивает из пассажирского отделения и укрывается за громадой машины. Проверяю каждого --- все ли целы, но обитые сидения и пол позволили всем отделаться всего лишь синяками.

--- Откуда стреляли? --- орет Таня, рассматривая здания вокруг нас. Среди изысканной паутины дорог и мостиков стоит одинокая башня-шпиль, которую мы только что проехали. Позади комплекс связанных куполов вокруг центрального сферического здания, но там нет окон. Дальше по дороге стоит все еще строящееся здание. Над ним парят гравы-краны, которые поднимают огромные бруски материала, что используют там.

--- Стройка! --- бросаю я одновременно с Таней, и показываю. Она примерно в трехстах метрах, там достаточно укрытий и достаточно путей отступления. Снова вскакиваю на ноги и

уже готовлюсь рвануть к зданию, когда Ориель хватается за мою робу и фактически швыряет на землю.

--- Ты писчий, тупой болван! --- шипит он. --- А не хренов костомогесантник.

--- Извините, забыл... --- извиняюсь я, а в это время в дорогу вбиваются пули. Оглядываюсь, кажется, ни в кого не попал. Мое сердце бешено колотится, внезапная атака подстегнула тело к действию. Приходится тяжело сражаться с сильным желанием схватить оружие и начать защищаться.

--- Кто атаковал нас? --- орет Полковник Прохладному Ветру.

--- Есть фундаменталисты, которые считают, что мы слишком терпимы к другим видам, особенно к людям, --- отвечает посол, укрываясь за разбитым остовом наземной машины.

--- Когда могут, шас отслеживают их, но всегда найдется один-два недовольных, которые отказываются видеть мудрость нашей политики.

Именно в этот момент шас, воины Огня, делают свой ход. Судя по скорости, с

которой они оказались здесь, я полагаю, они следовали за нами весь день. Не то чтобы это было неожиданностью, учитывая, что Ориель вроде как важная персона. Не знаю, откуда они появились, но внезапно на дорожку перед нами, с визгом направленных вниз прыжковых ранцев, приземляются пять боевых скафандров. Когда они падают на дорожку, то оставляют на ее поверхности дырки, а их коленные суставы и ноги мягко пружинят, амортизируя удар о землю. Как только они обретают устойчивость, то тут же открывают огонь. Парящие краны сами разлетаются с линии огня, когда из установок на двух скафандрах шарахает ракетный залп. Другие три прыгают вперед и с шипящим свистом несутся по воздуху, их многочисленное вооружение выстреливает пули и плазменные заряды в наполовину построенное здание. Что-то взрывается над нашими головами и между наступающих боевых скафандров проплывает огромный энергетический заряд. Его взрыв поднимает в воздух кучу обломков. Нас накрывает тень, и я

поднимаю взгляд.

Это танк тау, парящий над дорогой. Здоровый, намного больше, чем любой гравитранспорт, что я видел, хотя честно говоря, видел я их не много. Как и у костического корабля, на котором мы путешествовали, его нос широкий и сглаженный, напоминающий молот. На расширениях размещены две оружейные башенки, по одной на каждую сторону и чуть впереди надстройки, похожей на кабину. На башенках те же многоствольные пушки, что я заметил на боевых скафандрах. Ища цель, они поворачиваются то влево, то вправо. Задняя часть, обращенная тяжелыми двигателями, — они слегка наклонены вниз, чтобы медленно толкать вперед эту громадину, — более основательная, наверху стоит башня с защитным оружием. Сама по себе пушка огромна, массивный ствол около трех-четырех метров в длину. Когда туша проплывает мимо нас, от двигателей в ушах звенит. Танк снова открывает огонь, выплевывая энергетический шар в сторону цели. Они

видимо слегка поправили прицел после предыдущего выстрела.

--- Кажется, нужно убираться отсюда, --- бормочет Стрелли, рассматривая дорогу. Сзади нас потихоньку начинается неразбериха из машин, многие опускаются на землю, предоставляя дорогу наступающему танку и обеспечивая нас укрытием для отступления. Вижу, как там бросают свои машины и убегают от сражения.

Так же поблизости замечаю купол насты Воздуха и очертания корабля, подвигающегося в воздух неподалеку.

--- Космопорт в нашей досягаемости. Нам нужно валить сразу в шаттл! --- говорю я остальным, и Ориель кивает.

--- Да, раз уж мы тут, Прохладный Ветер может дать нам разрешение улететь, и мы можем исчезнуть без следа, --- соглашается инквизитор.

--- Да, вскоре за вами пошлют еще одну машину, --- кивает Прохладный Ветер, --- будет мудрее избежать дальнейшей эскалации. Пристальное внимание к вашему присутствию было бы

нежелательным.

--- Мы не сможем унести весь багаж, ---
указывает Стрелли, кивая на груду сумок
и сундуков, которые рассыпались из
багажного отделения искореженной
машины.

--- Нам он больше не нужен, ---
возражаю я, --- как только мы уберемся
отсюда, наша легенда меняется и нам все
равно придется это выкинуть.

--- Очень хорошо, нутаем следы. Чем
меньше внимания официальных властей
привлечет, тем лучше, --- быстро
произносит Ориель, и пригнувшись,
пробегают мимо нас. Между собой и
атакующими он держит дымящиеся
останки наземной машины. Мы
стремительно несемся за ним, и через
несколько минут выходим из зоны
поражения, теперь мы сами по себе.
Прячется в тени туго натянутого синего
тента, который простирается на
несколько сотен метров от одной из
сторон ближайшего купола.

--- Должен извиниться за это
нападение, --- говорит нам Прохладный

Ветер, пока мы переводим дыхание. Видно, что он снова восстановил свое самообладание, — надеюсь, это сверх меры не скомпрометирует миссию.

— Просто отведи нас в космопорт к нашему кораблю, — отрезает Ориель, пробираясь вперед.

МЫ НАПРАВЛЯЕМСЯ к шаттлу, в этот раз следуя нешком за Прохладным Ветром по достаточно пустым поворотням. Несколько так, что замечают нас, смотрят несколько странно, но мы пытаемся выглядеть так, будто прогуливаемся, а не бежим, спасая свои жизни. Но большинство из них просто бросают на нас взгляд и спешат прочь. В космопорте Прохладный Ветер пользуется своей должностью и проводит через охрану воинов Огня без вопросов, но, только оказавшись в шаттле, направляющемся на орбиту, мы немного расслабляется.

Прохладный Ветер не полетел с нами, мы позже встретимся с ним на Эс'тау. Посол полетит на собственном транспорте, так как будет очень

подозрительно, если он прибѣдет туда на корабле наемников, так что мы можем совершенно спокойно обсуждать его личность.

--- Что ж, тау стремительно отреагировали и кинулись спасать нас, --- говорит Стрелли, комфортно развалившись в своем кожаном кресле.

--- А мне бы хотелось знать, откуда они узнали, где мы окажется? --- спрашивает Морк, глядя на Ориеля. --- А если знали, то что еще раскопали насчет нас?

--- Имперский командующий Ориель был под защитой воинов Огня с тех пор как приземлился, --- пренебрежительно отвечает Полковник, --- если бы ты был более внимателен, то заметил бы, что за нами последние два дня тенью следовал транспортник, в нескольких сотнях метров над нами и примерно в километре позади. Но ты был слишком занят рассматриванием зданий и тау.

--- Я раньше вообще ничего не слышал о тау-диссидентах, --- утверждает Ориель, погружившись в размышления, --- если

существуют такие радикалы, тогда вся эта легенда для устранения Пресветлого Меча вообще не нужна была бы. Нет, Прохладный Ветер врал нам, я это чувствую. Я так же думаю, что Прохладный Ветер ожидал нападения. Он не казался таким уж напуганным, каким предполагается быть гражданскому.

--- Может быть, он самый смелый в своей касте? --- предполагает Таня, но в ответ получает язвительный взгляд Ориеля.

--- Нет, тут происходит что-то другое, помимо нашего договора, --- медленно произносит инквизитор, --- машина была погбита первым выстрелом, но так, что никто из нас не пострадал. Но после этого меткость стрельбы оставила желать лучшего. Словно вообще стреляли не прицельно. А вообще кто-нибудь видел вспышку выстрела, ракету или снаряд?

Мы качаем головами.

--- Нет, все это кажется мне срежиссированным, --- продолжает инквизитор, --- посол или считает нас такими идиотами, во что я ни на секунду

не верю, или играет в какую-то игру, которую я еще не понимаю.

--- Может быть, это часть его собственной легенды? Чтобы он мог объяснить такую поспешность отлета? --- Борточек Таня, и мы все в изумлении смотрим на нее. Ее объяснение достаточно разумно.

--- Да ладно, я знаю все о ложных следах, увертках и отвлечении внимания, и не нужно так смотреть на меня. Быть снайпером --- это не только хорошо целиться, --- нахально произносит она и отворачивается к иллюминатору шаттла.

--- Что ж, что бы это ни было, оно нам на руку. Не знаю, во что играет Прохладный Ветер, или какой цели служит атака, --- говорит Ориель, расстегивая свои ремни безопасности и вставая, --- но с этого момента приглядывайте за нашим дружелюбным послом.

Инквизитор уходит к носу, а за ним следует Полковник.

--- Да я с первого взгляда не доверял

этому скользкому кретину, — с устешкой
соглашается Трост.

— Не существует чужаков,
заслуживающих доверия, — решительно
заявляет Морк. Мы все согласно кивает.

В ЗАГРОМОЖДЕННОМ грузовой
отсеке стоял постоянный грохот и
скрежет — рядом располагались
пульсирующие двигатели. С
беспорядочным гудением и мерцанием
ожиги светополосы, окутав кучу ящиков и
металлических контейнеров желтым
светом. Ориель широкими шагами прошел
в открытый вход, и перед тем как
закрыть дверь, быстро оглянулся. Он
быстро проходит лабиринт из сваленных
грузов и выходит на достаточно свободное
пространство примерно в центре грузового
отсека.

— Ты где? — спросил он почти что
шепотом.

— Я молюсь, инквизитор, — из тьмы
пророкотал глубокий низкий голос.

— Это мой последний шанс
поговорить с тобой. Выходи, чтобы я

будет тебя, — говорит он скрывающейся фигуре.

— Инквизитор, у вас совсем нет уважения к моим традициям? — отвечает глубокий голос.

— Во время этого путешествия кроме молитв у тебя больше не будет дел, Дионис, так что я уверен, Император простит тебя, если ты ненадолго отвлечешься, — спокойно отвечает Ориель, усаживаясь на маленький ящик.

Из теней появляется высокая и широкая фигура, закутанная в распахнутую спереди и лишенную рукавов туннику. Его лицо сокрыто капюшоном. Мужчина огромен и возвышается над инквизитором. У него огромные мускулистые руки и плечи, под темной коричневой кожей пульсируют вены, похожие на трубки. На широких грудных мышцах бесчисленные ниточки шрамов пересекают изящную татуировку двуглавого орла с распростертыми крыльями. Лицо под покровом такое же широкое, с квадратной челюстью, губы сжаты в тонкую линию.

--- И что ты хочешь сказать мне еще, инквизитор? --- спрашивает мужчина, в его голосе нет и намека на уважение.

--- Мы продолжаем по плану и направляемся на Эстау для финальной стадии задания, --- говорит ему Ориель, поднимая взгляд на гиганта.

--- Я это уже заметил, инквизитор, --- коротко отвечает тот.

--- Я так и думал, --- тихо произносит Ориель, --- хотел в последний раз удостовериться, что все воспринято верно.

--- Успокойтесь, инквизитор, --- отвечает Дионис Ориелю, скрестив огромные руки на груди, --- я знаю, что должен действовать только по вашему приказу. Я знаю, что должен оставаться в убежище, пока не придет это время, или пока мы не вернемся во владения Императора, если мое мастерство не понадобится. Я так же знаю, что ты играешь в опасную игру, и скорее всего я буду призван сражаться.

--- Понимаю, что это не самый достойный и прославленный метод войны, к которому ты привык, и благодарю тебя за

терпение, Дионис, --- вежливо отвечает
Ориель, --- и вижу, что ты понимаешь,
почему мне необходимо, чтобы все было
именно так.

--- Я понял это, когда принес свою
клятву повиновения, --- подтверждает
Дионис, --- я начну свои молитвы сражений
и ритуалы чести. Так же помолюсь за вас,
инквизитор, чтобы я не понадобился вам,
несмотря на то, что я буду молить о
сражении, ради которого был рожден.

--- Помолись за нас всех, Дионис, ---
шепчет Ориель, отворачиваясь, ---
помолись за нас всех.

Глава шестая

Эс'тау

+++ Все части собраны и готовы
завершить игру +++

+++ Тогда сделаем финальный ход +++

Пока мы спускаемся к Эс'тау, я смотрю в иллюминатор и понимаю, что планета представляет собой практически пустыню. Когда мы выныривает из облачного слоя, насколько видно глазу — повсюду простираются охровые пески. Далеко под нами видны пятнышки зданий, и как полагаю, туда мы и направляемся. Но это все еще не понятно, поскольку по внутренней связи нас вызывает Полковник и приказывает растянуться и собрать оборудование. Бросаю взгляд в противоположный иллюминатор, задумываясь о том, что может быть это будет последний мир, который я вижу.

Прием на Эс'тау определенно не такой церемониальный как на Ме'леке, но

не менее военный. Так и ожидалось, поскольку теперь мы для них еще одна банда Имперских ренегатов-наемников, а не официальные гости. Повсюду воины Огня, у всех карабины и ружья, и очевидно, что не только для виду. На этих темносиняя с серым камуфляжная униформа, на груди красные идентификационные отметки.

--- Саркасса ночной мир, --- шепчет мне Полковник, когда мы проходим мимо отделения воинов, --- они определенно готовы лететь.

И в самом деле, несколько кораблей тау стоят на посадочной стоянке, а к ним на борт маршем заходят отделения воинов Огня. Вижу три танка, которые Полковник называет их "Рыбой-молот", они медленно парят к массивному транспортному кораблю. Тау обращают на нас внимания не больше, чем на что-либо вокруг, наш внешний вид их явно убедил.

Мы облачены в разношерстную коллекцию старой униформы, вооружены разнообразными видами оружия. У меня

автоган и старый револьвер, у Тани
снайперская винтовка, Ориель и Полковник
выбрали таб-пистолеты и ценные мечи, а
у остальных лазганы. У нас так же набор
осколочных и дытовых гранат, плюс у
Троста полный ранец подрывных зарядов и
запалов. Нас замечает воин тау и
погнматает руку, останавливая.

--- Воины? --- спрашивает он, его лицо
скрыто за обзорной линзой шлема, а голос
со странным акцентом исходит из
скрытых громкоговорителей.

--- Да, --- отвечает Ориель, --- какие-то
проблемы, шас'вре?

--- Всех воинов проверяют, ---
отвечает пехотинец шас, указывая на
временный купол в стороне от комплекса
главного костического порта.

--- Нам идти туда? --- спрашивает
Полковник, кивая в сторону центра
проверки.

--- Да. Всех воинов проверяют, ---
повторяет шас'вре, на сей раз более злобно,
и тыкает пальцем на здание.

--- Хорошо, мы идем, --- утиротворяет
его Ориель и кивает нам изменить

маршрут.

--- Что происходит? --- спрашиваю я Полковника, пока мы идем по черной поверхности посадочной площадки.

--- Не уверен, --- отвечает он, рассматривая всех воинов Огня в этой зоне, --- может быть, Пресветлый Меч что-то унюхал, не знаю.

Пока мы идем к зданию, на которое указал воин Огня, перед нами туда входит еще одна группа. В ней наемники разных рас, большая часть люди, но есть пара голговызых существ с синей кожей, над их головами высокий гребень, опускающийся к центру лица.

Внутри здание достаточно обширно, пара сводчатых проходов в другие комнаты и единственная дверь на противоположной стороне.

Ориэль велит нам подождать и идет к маленькому столу у одной из стен, за которым сидит тау. Судя по его телосложению и одежде, я бы сказал, что это каста Воды. Мое предположение подтвердилось, когда он достал пачку прозрачных листов из сумки рядом со

столом и начал писать.

Сначала он несколько минут разговаривает с другими солдатами удачи, после чего отправляет их в одну из боковых комнат, затем обращает внимание на Ориеля. Они некоторое время беседуют, и иногда смотрят в наше направление.

Пока мы ждем, я нервничаю, смотрю в пол, стараюсь не встречаться глазами с проходящими мимо и стоящими у арочных проходов воинами Огня. Я так понимаю, что мы записывается в армию Пресветлого Меча. Надеюсь, что легенда Ориеля достаточно хороша, и что Прохладный Ветер поможет нам из-за кулис. Не думаю, что в данный момент Пресветлый Меч особо кому-то доверяет, в конце концов, он готов начать полномасштабное вторжение и должен понимать, что не все в Империи Тау всецело поддерживают его идею. Отбрасываю в сторону свои размышления, когда возвращается Ориель.

--- Хорошо, мы вступили, --- говорит он нам с трачной улыбкой, --- рекомендации

Прохладного Ветра все превосходно
устроили. Хотя теперь мы должны
выбраться отсюда и не высовываться.

Когда мы поворачиваем к выходу, то
видим стоящие у двери три маленькие
фигуры.

— А это что еще за дерьмо? —
беспокойно рычит Трост.

— Псайкеры, — тихо отвечает сквозь
сжатые зубы Ориель, — спокойно и все
будет хорошо.

Когда мы приближается, я вижу, что
эти маленькие чужаки почти что-то
обнажены, за исключением коротких юбок.
У них серая кожа, широко раскрытые
желтые глаза и они полностью лишены
волосного покрова. Когда мы
приближается, они смотрят на нас. Я
злбно пялюсь в ответ.

— Думай о чем-то простом, о чем
легко вспомнить, — слышу я слова Ориеля, —
типа детской песенки, или об огневой
подготовке, или рокоме механизмов.
Повторяй это у себя в голове, прокручивай
снова и снова.

Когда мы проходит меж чужаков, моя

кожа покрывается мурашками. Возможно, это просто игра воображения, но клянусь, что чувствую как что-то шарится у меня в голове, словно рука с когтями переворачивает мой разум и смотрит. Тошнотворное ощущение все глится и глится.

--- Не думай о них, и так легче прочесть твои мысли, --- предупреждает Ориель.

Пытаюсь вспомнить гимн своего торгового дома, но вспоминаю только третью строфу, поэтому начинаю его заново. Вот тогда до меня доходит и я борюсь с собой, чтобы не остановиться как вкопанному. Оба раза, когда Ориель разговаривал, казалось, что он шепчет мне в ухо, но он минимал в пяти шагах передо мной, впереди всех остальных. Да он колдун, как эти чужаки!

--- Продолжай петь гимн, Кейдж! --- говорит мне голос Ориеля в голове. --- Объясню позже, просто не думай обо мне!

Пытаюсь убрать из головы все мысли об Ориеле и псайкерах, и прокрутить весь цикл обслуживания лазгана, которому

меня обучали при вступлении в Гвардию. Я снова и снова прокручивал его в голове, когда находился в тюрьме. Подозреваю, что теперь могу собрать его с закрытыми глазами. Когда я прохожу через дверь, стараюсь из всех сил не оглядываться через плечо. Смотрю только вперед, и вижу, как Трост рычит на одного из чужаков, тот вздрагивает, а на лице у Троста возникает волчья ухмылка. Он один из самых хладнокровных массовых убийц, так что думаю, что он наслаждается как никогда. Даже не уверен, что меня пугает больше.

Как только оказывается снаружи, обнаруживаю, что город более менее напотинает столицу Ме'лена. Хотя тут нет скайвеев, взлетающих к небесам башен, просто множество низких куполов и сфер, и все они правильными лучами отходят от костопорта. Город планировался военными, вот мое первое впечатление.

Ориель ведет нас влево вдоль дороги из терминала костопорта к одному из бульваров, тянущемуся от центра города.

Пока мы идем наружу минут, все молчат, нас всех беспокоят читающие мысли чужаки, которых мы оставили позади.

--- Хорошо, мы уже достаточно далеко, --- говорит нам Ориель, оглядываясь, чтобы поблизости не оказалось тау. Он останавливает нас у развилки, рядом с одной из радиальных дорог, которая в данный момент пустынная.

Город кажется очень тихим, но возможно только потому, что тут очень мало тау не из касты Огня, и как я полагаю, они все сильно заняты подготовкой к вторжению.

--- Нам нужно связаться с Прохладным Ветром, как только стожет, и провести окончательную разведку в боевом куполе. Может быть, там что-то изменилось.

--- Даже не пытайся отрицать тот факт, что ты проклятый колдун, --- рычу я на инквизитора, --- ты копался у меня в голове, разве не так?

--- Да там не в чем копаться, --- огрызается он.

--- Вы о чем? --- спрашивает Таня, а остальные осуждающе смотрят на Ориеля.

кроме Полковника, который вливается в меня пристальным взглядом.

--- Он гребаный псайкер, вот о чем! ---
сквозь зубы произношу я, указывая на инквизитора. --- Ставлю на то, что он копался в наших головах!

--- Это не твоя забота, --- строго отвечает Ориель, --- ты не в том положении, чтобы осуждать меня. Из всех здесь присутствующих, особенно ты, Кейдж, не имеешь права. Другие, намного более компетентные люди делали это и объявили меня незапятнанным и сильным. Не забывай, что я агент его Императорской Святой Инквизиции, и не отчитываюсь перед такими как ты. Если у меня есть дар, помогающий в моем призвании, я буду его использовать. Откуда ты думаешь я узнал, что Эль'савон говорит на Готики? Откуда ты думаешь я узнал, что на корабле безопасно разговаривать, и что Прохладный Ветер ждет атаки, или что он скрывает что-то с момента нашего прибытия? Да если бы не моя защита, мы бы никогда не прошли мимо теленатов. Я не намерен больше

обсуждать этот вопрос.

Мы переглядывается и затем смотрим на Ориеля, в наших глазах вызов.

--- Мы в мире Тау, в пространстве Тау, --- подчеркивает Трост, --- ваша власть тут ничего не стоит. И что нас остановит подойти к следующему же тау и сдаться тебе им? Проклятье, да мы на самом деле можем стать наемниками.

--- Да как ты смеешь предлагать такое! --- равняет Морк, отходя в сторону к Полковнику. --- Еще одно такое заявление, боец, и я собственноручно тебя расстреляю!

--- Кажется трое против пяти, не очень-то хорошие шансы, --- прохладно хихикает Стрелли.

--- На самом деле четверо против четверых, --- говорю я им и встаю напротив Троста, --- меня не особо напрягают хренопаты вроде Ориеля, хотя по правде, лучше бы они все сдохли. Но я прилетел сюда убить врага Императора, именно этим мы и займемся. А если кто-то из вас хочет поспорить со мной, то им лучше всего выйти прямо сейчас и

хорошенько постараться меня укокошить.

— Кто-нибудь из вас считает, что может уложить Последнего Шанса? Ты, Лемун? Ладно, Подрывник, ты жаждал этого с того самого момента, как я уложил тебя на лопатки в первый день тренировок.

Никто не двгается. Патовая ситуация, когда ни одна из сторон не желает уступить. Мы буравим друг друга взглядами, а в воздухе витает такое напряжение, что его, кажется, можно проткнуть штыком. В конце концов, тупиковую ситуацию пытается разрешить Полковник.

— Мы должны идти дальше, — говорит он, оглядываясь, — если так что-то заподозрят, то мы все трупы. Помните, мы всего лишь отделение наемников и нам нужно действовать как оны. Все необычное будет отмечено, и Пресветлый Меч, кажется, не даст нам ни шанса, так что будьте осторожны.

Напоминание о том, что наши шеи в одной петле, помогает нам неохотно отбросить разногласия и осторожно

разойтись.

--- Что дальше? --- спрашиваю я.

--- Все наемники уйдут в чужацкий квартал, --- отвечает Полковник.

--- Может быть, перекусим чего-нибудь? --- предлагает Таня. --- Заодно посмотрим, на кого похожи местные.

ДОСТАТОЧНО легко находим кварталы чужаков. На самом деле он один и в нем все пришельцы. Ориель вроде бы знает схему этого района, к тому же он всего лишь в паре минут от костюпорта.

Никогда в своей жизни не видел столько мерзости, так что ошалело озираюсь. Тут есть высокие, низкие, толстые, волосатые, утыканные шипами мелкие твари, существа с таким количеством конечностей и глаз, что их гораздо больше, чем нужно для любой жизненной формы. И все они живут вместе в одной и той же части города. Так как мы недалеко от костюпорта, то полагаю, что все эти инопланетяне собирались тут несколько лет, сооружая себе настоящий дом вдалеке от родной планеты.

Здания все еще напоминают сооружения тау, но чрезвычайно сильно измененные, украшенные и декорированные местным населением. Флаги и вымпелы развеваются перед магазинами с едой, перед другими зданиями на высоких местах стоят вроде бы религиозные иконы. Проходим здание, от которого особенно сильно воняет склепом. На нем намалеваны грубые чужацкие руны, спешим дальше, не желая знать, что происходит внутри. Воздух наполнен дымом различной дровесины, к нему примешивается сладковатый и резкий аромат, создавая тошнотворное зловоние. Повсюду песок и пыль, которые надувает из окружающей пустыни. Все это вместе с шумом, запахом и духотой вызывает у меня первотные позывы.

В рыночных палатках продают все и вся, начиная от одежды, заканчивая оружием и гранатами. Заглядываю к одному из торговцев оружием, телкому зеленому парню с чешуйчатой кожей и бледно-желтыми глазами, который ловко перебирает свой товар руками с третью

нальцами.

--- Интересует оружие, да? --- спрашивает он нас, когда мы останавливаемся рядом с его стендом. Его голос скрипучий, скорее даже больше похожий на шипение.

--- Много пушек для храбрых бойцов.

Он прав, у него много оружия, и большая часть похожа родом из Империи. Тут есть лазганы, автоманы, пара болтеров, какие-то ножи, несколько гранат, плюс ко всему меч, явно офицерский силовой меч. Поднимаю его и читаю надпись на рукояти.

--- Полковник Веранг, 21-ый полк Тагрианской Гвардии, --- говорю я остальным, возвращая меч обратно, --- полагаю, ему не очень-то повезло.

--- А это что? --- спрашивает Квидлон, указывая на причудливые очертания, напоминающие пистолет, скорее выращенный, нежели выкованный или собранный. Он зеленый, с узорчатой структурой, а в ярком свете гладкий и блестящийся.

--- Катанский пистолет, нравится? ---

спрашивает хозяин магазина, поднимая его и предлагая Квидлону. Тот тянется к оружию, но Морк сжимает его запястье.

--- Не нужно его трогать, --- предупреждает он, оттаскивая руку в сторону, --- оно не освящено Богом-машинной. И его порча распространится на все твое оружие. Лучше оставить его в покое.

--- Ааах, бог-машина? --- вклинивается продавец оружия. --- Вы, люди, все одинаковые. Из-за вашей веры в бога-машину, вы делаете отвратительное оружие.

--- Ну, тебя, кажется, это никак не останавливает, --- возражает Стрелли, указывая на ассортимент оружия Империи.

--- Это только потому, что такую дешёвку покупают только убогие люди, --- улыбается гилер, --- а хорошие бойцы нуждаются в хорошем оружии.

--- Я тебе сейчас покажу хорошего бойца, --- рычю я, делая шаг в сторону торговца, тот шипит от страха и суетливо убегает.

--- Оставь его в покое, Последний
Шанс, --- сурово молвит Полковник, и я
отступаю. Никто не комментирует то,
что мы снова начали называть друг друга
боевыми прозвищами. Теперь они кажутся
уместными, так как мы снова стали
солдатами. Это хорошо, вот почему я
сделал это. Может быть, мы тут и
тайно, но мы гораздо натуральнее
смотримся как пехотинцы, чем имперский
командующий со своей свитой. Да и на
борту корабля и на Ме'леке, все было бы
тогда гораздо проще.

--- Где тут есть нормальное место
пропустить стаканчик? --- Ориель
спрашивает торговца оружием,
протягивая тому мелкую монету,
откопанную в одном из карманов.

--- Две улицы в ту сторону, ищите
черепя, --- отвечает зеленый чужак,
торопливо забирая монету и глядя на
меня. Он показывает нам направление,
затем торопливо убегает.

ПУЗНОЕ заведение достаточно
просто найти. Как и сказал гилер, просто

нужно искать черепа. Это небольшой купол тау, стена переднего нижнего уровня отсутствует и открыта улице. Вдоль стоит шеренга пик с насаженными черепами различных рас. Опознаю человека, орка, пару тиранид, стройный череп, полагаю, принадлежит эльгар, ну а четыре остальных мне не знакомы.

--- Чужесное место, --- бормочет Таня, не сводя глаз с черепов.

--- Надо поддерживать маскировку. Мы начинаем вести себя подозрительно, и кто-нибудь может заметить. Если тут пьют наемники, то и мы тут пьем, --- тихо говорит нам Ориель, после чего заходит в полутрак внутри.

У входа стоит маленькая стойка, за ней сидит городского вида существо. Оно приземистое, голова утопает глубоко в широких плечах, три глаза-бусинки смотрят на нас из-под тяжелых бровей. Огромными пальцами чужак подзывает нас к себе.

--- Внутри нет оружия, --- рычит чужак, встает и вытягивает ящик из груды позади себя, --- оно тут, пока вы не

уходить.

--- Кажется, тут все неплохо говорят на готике, --- замечает Стрелли, бережно укладывая лазган в ящик.

--- Вы, люди, не говорить ни на чем другом, от вас одни неприятности, --- хрюкает существо-охранник, когда мы вручает ему наше оружие и ножи.

--- Хорошо, когда тебе рады, --- с сарказмом произносит Таня, когда мы входим в главный зал.

В баре достаточно темно, несколько красных ламп на стенах едва освещают круглую комнату. Посреди круглая барная стойка, при таком свете больше похожая на красный остров среди дымного океана тьмы. Остальное пространство уставлено столами и стульями различных размеров и высоты. Большая часть занята. Как только мы входим, на нас тут же встречается множество глаз, и не все из них илеют пар. Справа от меня за круглым столиком несколько существ того же вида, что охранник у двери, с гортанным хрюканьем о чем-то напряженно спорят меж собой.

Большинство чужаков вижу впервые.

--- Кто они? --- шепчет Трост Ориелю, глядя на пару крошечных существ, замотанных в тряпки и сидящих в одном из самых темных углов. Маленькие, когтистые руки сильно сжимают стаканы с выпивкой, глиняные торгвы подергиваются в нашем направлении, разнюхивая. Краем глаза замечаю нервно взбрыкнувший под их столом хвост.

--- Хруды, --- отвечает инквизитор, --- чаще всего тусорщики и копатели туннелей, их можно найти по всей галактике, хотя и нечасто в больших количествах. На мой взгляд, они скорее паразиты.

--- А вот те? --- спрашиваю я, указывая на трех существ с множеством конечностей, развалившихся на скамейке вдоль одной из стен бара. У них нет голов, но сверху в нашу сторону колышется пучок похожих на глаз органов, словно трава под ветром. Вместо рук или ног, шесть щупалец, которые по моему разумению служат для обеих целей.

Прежде чем ответить, Ориель

раздумывает мгновение.

--- Этух я раньше никогда не видел, но по описанию похожи на галгов, --- говорит он мне, когда мы останавливается у стойки бара, --- кажется, их мир был завоеван тау пару веков тому назад. Насколько я помню, они не особенно воинственны, и не особенно продвинуты в техническом плане.

--- Император на святом троне! --- тихо ругается Таня. Мы все с удивлением смотрим на нее, и она украдкой кивает на дальний конец зала. Там сидит группа таких же характерных, как моя физиономия, голбанных орков. На самом деле их пятеро, огромные зеленокожие игнорируют нас, вместо этого уделяя свое внимание двоим своим собратьям, которые вроде бы как соревнуются. Прирожденные воины, я дрался с ними пару раз и едва выжил, чтобы рассказывать сказочки. Они здоровые, хотя не массивные, с могучей мускулатурой и с такой способностью переносить ранения и боль, которую я больше ни у кого больше не видел.

Два орка схватили друг друга руками

за шею и рычаг на своем грубом языке. Они вроде как отсчитывают. Когда доходит до трех, с треском, который слышим во всем зале, они сталкиваются лбами. Вся группа раздражается хриплым стехом, хватает толстые кубшины со стола и делает огромные глотки.

--- Слабый или сильный напиток? --- спрашивает бармен, отвлекая наше внимание от соревнования по столкновению лбами.

Владелец --- неуклюжий чужак с темной-синей кожей, под ней совсем нет жировых прослоек, только крепкие сухожилия и тугие мышцы. Его лицо представляет собой практически один огромный рот, с единственным вертикальным разрезом-носом и крошечными белыми глазами.

Ориель отвечает какой-то тарабарщиной, которая звучит, как будто он кашляет и плюется. Жестами он подсказывает нам сесть за ближайший столик. После короткой беседы с барменом, он присоединяется к нам.

--- На верхнем уровне мы можем снять

комнаты, — говорит он нам, — не хочу
оставаться на шаттле, если нам
придется каждый раз, когда мы выходим
или входим в порт, проходить
мыслесканирование.

— Где вы научились так
разговаривать? — спрашивает Трост,
глядя на бармена. В качестве ответа
Ориэль просто одаривает его
снисходительным взглядом, но Трост все
равно не догоняет.

— Он инквизитор, — медленно
объясняет Таня, практически шепотом.
Трост верит на слово, но не особо
удовлетворен ответом, после чего
откидывается на спинку стула. Бармен-
чужак приносит нам напитки — восемь
огромных стаканов, наполненных
пенящейся тьмой. Я первым осторожно
делаю маленький глоток, а остальные
ждут: свалюсь ли я замертво на месте.
Моя ухмылка служит им ясным ответом.

— Это как эль, правда, — говорю я им,
делая еще один глоток. После духоты
снаружи, он действительно освежает.
Остальные начинают пить, Квидлон

оценивающе кивает, а Стрелли осушает
половину стакана одним глотком.

--- Эй, --- говорю я остальным, когда
осознаю, что только что произошло, --- с
каких это пор я стал вашим официальным
испытателем жратвы? Почему бы кому-
нибудь из вас до меня не попробовать или
не выпить ради разнообразия?

--- Потому что если ты утрешь, наш
план задания не изменится, ---
подсказывает Стрелли, --- а у всех
остальных есть особая работа. Ты просто
ошиваешься вокруг и представляешь собой
дополнительную огневую мощь.

Я почти что рассержено отвечаю, но
очень быстро останавливаю себя. В этом
есть смысл. У нас тут Летун, Подрывник,
Снайпер, Мозги. А я просто Последний
шанс, вся моя работа --- выжить.

--- У чем займется до задания? ---
спрашивает Таня, слизывая с губ пену.

--- Сидит тихо, не привлекает к себе
внимания, и все ведут себя как паиньки, ---
отвечает Ориель, играясь со своим
стаканом, --- сейчас та часть плана, в

которой самая большая вероятность, что что-то пойдет не так. Я не знаю, как Прохладный Ветер собирается выйти на меня. Не знаю, когда Пресветлый Меч собирается провести проверку, может он уже ее провел и улетел. И совершенно не представляю, насколько будет непроницаема охрана, когда он вернется. Последнее что нам нужно — проблемы, так что держите рты на замке, а глаза и уши — широко открытыми.

Держа это в уме, мы затаились и попытались смотреть в другие стороны, когда орки покинули свой стол и прошагали мимо. Они бросали на нас задиристые взгляды, шутили друг с другом на своем гортанном языке, но ничего не произошло. Мне стало чуть свободнее дышать, когда они ушли.

— Вы говорили, что тау покорили этих тварей — галгов? — спрашивает Таня, глядя на бесформенных чужаков.

— Покорили — не совсем подходящее слово, — глубокомысленно отвечает Ориель, — принудили, несколько лучше подходит. Понимаешь, тау'ва, высшее

благо, на самом деле для них не религия. Они верят во всеобщую судьбу всей галактики, включая всех живущих в ней. Тау скорее предпочитают видеть в других расах союзников, или действительно слуг, но не врагов. Понимаешь, на самом деле они ни с кем не сражаются, но на их пути попадает множество рас.

--- Ага, значит послать флот вторжения -- это такой странный способ не начинать войну, -- говорит Стрелли, и я киваю, соглашаясь.

--- Что ж, для начала, этот Пресветлый Меч чрезмерно фанатичен, -- возражает Ориель, делая еще один глоток, -- иногда у нас возникают проблемы с некоторыми Имперскими командующими, когда они берут на себя слишком много и развязывают войну на других мирах, где в этом еще нет необходимости. В отличие от тау, мы можем без особых беспокойств убрать их, и это не нанесет вреда нашим верованиям. В конце концов, только Император непогрешим, в отличие от его слуг.

--- Включая инквизиторов? -- хитро

спрашивает Трост.

Ориель пристально смотрит на него:

--- Мы вроде говорим о тау, а не о человечестве. Тау прибывают на твой мир, с флотом, танками, штурмовыми машинами, воинами Огня и боевыми скафандрами, и спрашивают: а не желаете ли присоединиться в поисках высшего блага? Что ж, я думаю, именно так и произошло с галгами. И они были достаточно утны, чтобы сказать "да", так как есть некоторые записи, которые показывают, что происходит с теми тиратами, которые сказали "нет". Рано или поздно, они все равно говорят "да", когда их города горят, а солдаты гниют в открытых могильниках, ну или вообще больше никогда ничего не говорят.

--- Тогда я полагаю, должно быть, все эти покоренные расы, очень обижены, что тау явно правят, а от такого положения вещей обычно никто не счастлив, --- предполагает Квидлон, оглядывая таверну.

--- К несчастью, обычно все обстоит не так, --- качая головой, отвечает Ориель, --- тау после победы очень великодушны. Те

расы, что стали частью Империи Тау — не рабы, хотя они определенно ничего не решают, как ты заметил. Тау выясняют, на что они годны и находят оптимальное применение. Они так же не всегда колонизируют захваченные миры, иногда просто устраняя стратегическую угрозу. Как вы, возможно, заметили, они предпочитают очень жаркие, сухие миры и обычно за них мало кто соревнуется.

— Пока они не наткнулись на человечество, — добавляет Полковник, — мы можем жить на планетах тау так же, как и они, и изредка эксплораторы находят мир, к которому одновременно прибывает колониальный флот тау. Это не всегда кончается кровавой баней, но часто да.

Я уже готов что-то добавить, но в этот момент меня отвлекает взгляд Морка. Я сижу спиной к двери, напротив него, и разворачиваюсь, чтобы посмотреть, на что это он пялится. У двери небольшой отряд, судя по очертаниям — гуманоиды, разговаривают с охранником.

--- Что такое? --- спрашиваю я бывшего комиссара.

--- Предатели, --- мрачно отвечает он, кивая на группу. Пристатриваюсь и вижу, что он прав: пришедшие --- люди. Когда они входят, у меня появляется шанс рассмотреть их получше. Как и мы, на них ассортимент различной униформы, часть из которой явно произведена чужаками, и на каждом полоса белой материи: как бангана, нарукавная повязка или шнурок вокруг талии. Я видел таких раньше, профессиональные наемники, что продаются тому, кто больше заплатит, независимо от того как он выглядит или за что сражается. Я дрался против них, дрался с ними, и ни то, ни другое мне не понравилось.

Они кивают нам, проходя мимо к бару, но слева от нас раздается гневное бормотание. Развернувшись в эту сторону, я замечаю идущий к нам отряд тареллиан. Я видел их раньше на Эпсилон Октариус. Ну, хорошо, в тот раз это были трюны. Узкие талии, широкие плечи, тареллиане несколько ниже, чем

большинство людей, и у них вытянутые, похожие на собачьи морды. Вот почему мы называем их псами-солдатами. Их шестеро, и они угрожающе рычат друг на друга.

Один из них выходит вперед и рычит что-то нам по тареллиански. Мы смотрим на Ориеля, тот пожимает плечами и бросает взгляд на Бармена, после чего произносит что-то на языке, на котором разговаривал раньше.

Бармен указывает на нас, быстро отвечает, и затем указывает на дверь. Ориель отвечает что-то, но владелец качает головой.

--- Тареллианцы говорят, чтобы мы уходили. Им не нравится, что мы пьем тут, --- переводит Ориель.

--- Я слышал, --- говорит один из наемников, что остановился у нашего стола и смотрит на тареллиан. Он вроде как гавкает на чужаков, подчеркивая слова ударами по своей груди. Это не нравится тареллианам, те рычат и лают в ответ.

--- Да к фразе это, --- говорю я, вскакиваю на ноги и иду к командиру.

тареллиан. Слышу, как Ориель зовет меня по имени, но игнорирую. Щелкая челюстями, меня обступают чужаки, но я игнорирую их и смотрю только на говорящего.

— Если не хочешь до конца жизни пить через трубочку, вали сам, — говорю я им бойцу, улыбаясь. Тот смотрит на бармена, который быстро переводит. Тареллианин пялится на меня, обнажая длинные клыки. Так или иначе, эти тареллиане станут для нас настоящей проблемой, и не думаю, что они просто позволят нам уйти.

Если я правильно помню легенды, еще во времена, когда Император возглавлял Великий Крестовый Поход, мы закидали несколько их планет вирусными бомбами. Полагаю, что спустя десять тысяч лет они этого так и не простили. Тем не менее, тареллианин рычит что-то бармену, одновременно тыкая в мою грудь своим когтистым пальцем.

Да во имя Императора, это самая валотекущая драка в баре, в которой я когда-либо участвовал и с тех пор, как у

меня она вообще была, так что я просто
сжимаю кулаки и влазываю тупому
чужаку прямо в челюсть, откидывая его
спиной на стол.

--- Первый за Императора! ---
выплевываю я, поворачиваясь на месте и
пинаю ногой в живот еще одного пса-
солдата.

Когда тареллианцы насккивают на
меня, в общую свалку кидаются остальные
штрафники Последнего Шанса, а так же
наемники-люди. Хотя, кажется,
остальные посетители бара против нас,
так как из тьмы на нас выпрыгивают и
выползают твари разных мастей.
Тареллиан пытается схватить меня за
глотку, но я уклоняюсь назад. Он шагает
вперед, а я ему навстречу и врезаю
коленом в ребра. Зажимаю его голову в
замок, но кто-то бьет меня сзади в
затылок, и я разжимаю хватку.
Разворачиваюсь и вижу, что на меня
насекает один из галгов, размахивает
конечностями в сторону моего лица.
Реагирую как раз вовремя, хватаю его в
середине прыжка, делаю разворот на месте

и отшвыриваю через всю комнату.

Тареллианин пытается снести мне голову стулом, но я подныриваю и вижу, как в это время Морк целиком зашвыривает пса-войны за стойку бара. Ухмыляясь как идиот, врезаю локтем в торгую тареллианцу и пинком вышибаю стул из его рук. Он кидается на меня, щелкают челюсти, и я отпрыгиваю в сторону, перекатываясь через стол. Приземляюсь на ноги с другой стороны, как раз когда приходит в себя галг и кидается ко мне. Хватаю стул и с размаху, тяжелым ударом отправляю галга обратно в другой конец комнаты. Об мой затылок вдребезги разбивается стакан, и на секунду я оглушен. Чужак в зеленых чешуйках и с лягушачьей торгой замахивается на меня и попадает наотмашь в грудь, вышибая воздух из легких. Блокирую следующую атаку рукой, хватаю существо за запястье, делаю бросок через бедро и размазываю его по столу. Бью кулаком ему в торгую, но он перекатывается, и мои костяшки болезненно разбиваются о нелакированное

дерево.

Ударом ноги тареллианин отпавляет в меня стул, который я перепрыгиваю, неловко приземляюсь и ударяюсь бедром о стол. Тареллианец рычит что-то и пытается схватить меня за горло, но я отбиваю его руку и делаю шаг назад. Он делает еще один выпад, я подныриваю, разворачиваюсь на пятках и размашистым ударом ноги попадаю в его правое колено, сшибая его с ног. Хотя атаку продолжить не получается, так как жабомордый вскакивает на ноги, хватая своими перепончатыми пальцами мою руку, и швыряет на перевернутую скамью. Впечатываюсь в землю. Сильно лягаюсь, чувствуя, как мой ботинок попадает во что-то мягкое, и существо, забывая как беженое, отлетает назад. У меня есть краткий миг остотреться.

Морк методично вбивает тареллианца в стену. У него на спине висит галз и пытается обернуть свои щупальца вокруг его шеи. Вижу, как Полковник наносит ломающий шею удар другой лягушенции, заставляя ее сделать

сальто назад. Ориель борется с еще одним тареллианином, сжимая шею в замке и пытаясь воткнуть его голову в стойку бара. Но полз катается Таня и существо с колючей головой, каждый вцепился другому в глотку руками. За плотно дерущимися телами не видно Троста и Стрелли. Один из наемников вбивает стулом тареллианина в пол, выкрикивая при этом что-то, что не могу разобрать. Второй лежит на заграпированном столе, а из пореза на лбу сочится кровь. В тенях прячутся два хрюга, шипят друг на друга на своем странном языке и тыкают в мою сторону. И только в этот момент я осознаю, насколько нас превосходят числом. Кажется, что против нас ополчился весь бар.

Тареллианин, лежащий на полу, вскакивает на ноги и кидается и бьет меня плечом в живот, и мы оба падаем на землю. Отбиваюсь от его кулаков, нацеленных мне в голову, а затем бью его лбом по кончику морды. От боли тот отскакивает. Врезаю кулаком ему в лицо, что-то с треском ломается под его

правым глазом, и он отлетает далеко назад. Это дает мне пространство, чтобы встать на ноги.

Что-то приземляется на стойку бара, вереща как хищная птица. Оно присаживается там на корточки, и я вижу, что это стройное существо с длинными конечностями. Его кожа серо-зеленого оттенка, тело раскрашено узорами из зигзагов и зубчатых линий. Кажется, что оно совершенно не носит одежду, только тугие ремни с набором подсумков и побрякушек. На морде клюв, а из затылка злобно торчат красные и оранжевые иглы. Оно откидывает голову и вопит на весь бар. Этот пронзительный визг заставляет всех на мгновение остановиться. Воспользовавшись мощью своих жилистых мышц, чужак перепрыгивает добрые пять метров колнаты и приземляется на спину существа, с которым сражается Таня.

Появляется еще больше таких существ, они стремительно скачут от стола к столу и размахивают своими длинными руками, присоединяясь к

побойщю. Их скорость потрясает, а то, как они прыгают, позволяет думать, будто бы они состоят из пружин. Один из них высоко и далеко подпрыгивает, отталкивается от стены и копьем врежется в тареллианца. Вижу как первый размахивается для удара, его глинная рука пролетает широкой дугой и попадает другому тареллианцу в голову, отшвыривая того в воздух. Несприземляется на стол.

Усиливаю натиск, хватаю за торгую палку из чешуйчатых зеленых тварей и вбиваю ей колено под дых, затем еще раз в грудь. С глухим стуком жаботоргую падает на пол, а я уже несусь по бару, подхватываю с пола расколотые останки стула и изо всех сил обрушиваю их на тареллианца, стахивая его с одного из наемников-людей. Остальные дерутся так же свирепо.

Ошарашенные нашим неожиданным подкреплением тареллианцы и другие чужаки внезапно разбегаются и кидаются к двери. Некоторые останавливаются на пороге, разворачивают торгую в нашу

сторону и на своих языках осыпают нас колкостями и насмешками. Чужаки-уидкообразы откидывают головы и начинают визжать, оглушительный звук наполняет комнату, позволяя остальным убежать.

Стою на коленях и задыхаюсь. Огн из чужаков направляется ко мне, при этом низко ссутулившись и почти присев.

— Вот это было весело, — говорю я самой себе, вставая и встречаясь взглядом с приближающимся существом.

— Да, так и было, — к моему удивлению отвечает оно, на удивительно хорошем готике, для кого-либо, кто выглядит столь свирепым, — но пользы не принесло.

НАШИ нежданные союзники — крутые, целая раса наемников, большинство из которых работает на тау. На Эстау их несколько сотен, все в найте у командующего Пресветлого Меча. Они организуются в семейные группы, которые Ориель называет кланами, и тот клан, что пришел к нам на помощь, возглавляет

Орак. В его семье примерно тридцать
крүтов, и после драки в баре, Орак
приглашает нас в их лагерь. Ориель
соглашается, явно считая, что отказ
может вызвать неувольствие у наших
новых союзников и может привлечь
нежелательное внимание. Так что по
улицам города мы идем за глиняными,
долговязыми чужаками.

При выходе мы забрали свое оружие, и
я заметил, что у каждого крүта
глинноствольные ружья и бангальеры с
массивными боеприпасами. Хотя это и
огнестрельное оружие, у винтовок глинное
ружейное ложе, переходящее в пугающие
клинки, а под дулами изогнутые навесные
устройства, похожие на штыки.

Через толпу на улице крүты
передвигаются спокойно и уверенно, их
глинные ноги позволяют идти быстро и
без особых усилий, в то время как я пыхчу
за ними в этой жаре и пытаюсь не
отстать. Они переговариваются друг с
другом с помощью щелчков и свиста.
Толпа перед ними расходится, спеша
вернуться с дороги.

К Ораку суетливо кидается хрүг и пытается продать ему кувшин с чем-то. Круту не интересно, но так как речь торговца продолжается, то кажется, что он начинает вскипать. Узлы Орака дрожат все сильнее и сильнее, и с окончательным злобным шипением, они вздергиваются, словно пики, в пугающий гребень. Завидев это, хрүг стремительно уносится в окружающую тьму.

--- Какие-то проблемы? --- спрашиваю я командира крутов. Тот смотрит на меня, узлы опять опускаются.

--- Плохо торгуется, --- отвечает Орак, щелкая при этом клювом. Это, я полагаю, слех. --- Оно здесь новое, оно научится.

--- Так как долго ты в наемниках? --- спрашиваю я, подскакивая рядом с долговязым чужаком, запыхавшись от скорости. Засушливый воздух сүшит мою глотку.

--- Всю свою жизнь, конечно же, --- отвечает Орак, --- я не сражался, пока не повзрослел, но всегда дрался за империю Тау. Как долго ты сражаешься?

--- Так же, всю свою жизнь, --- после секундного раздумья отвечаю я, --- но за себя, и никогда за кого-то другого.

--- Даже не за семью? --- спрашивает Орак, трясая изглати от удивления.

--- Уже долгое время, --- тихо отвечаю я. Мы идем по улицам в то время, когда солнце ныряет к горизонту, превращаясь в огромный темно-красный диск, чуть выше куполов.

--- Ты будешь драться за О'вара? --- через некоторое время спрашивает Орак.

--- Ну, когда он пойдет воевать, я точно буду сражаться, --- отвечаю я, пытаясь придумать, как стелить тему, --- ваш лагерь далеко?

--- Нет, --- резко отвечает Орак, --- почему ты начал драку в баре?

--- Ну, кому-то нужно было начать, --- отвечаю я с кривой ухмылкой, --- я посчитал, что уже лучше кто-то из нас, чем один из них. Нападение первым всегда выигрышное.

--- В этом есть смысл, --- соглашается Орак, --- и все же, это было или очень смело, или очень глупо. Если бы мы не

пришли вам на помощь, они могли бы
убить вас.

--- Да это была всего лишь драка в
баре. Они никогда не заканчиваются столь
серьезно, --- отвечаю я, качая головой.

--- Ты забываешь, люди здесь сата
презренная раса, --- не соглашается крут,
поворачивая на маленькую улочку,
уходящую от главного проезда, --- никто по
вам скучать не будет.

--- С чего бы такое плохое отношение?
--- спрашиваю я, интересуясь, что мы
натворили такого нехорошего.

--- Вы, люди, уже повсюду,
расползаетесь по звездам как рой, ---
говорит мне Орак, без всякого стущения, ---
вы вторгаетесь в чужие миры, вати
управляет страх и суетерия.

--- С нами Бог, у нас есть святое право
покорять галактику, --- протестую я, тел
самым вызывая щелкающий стех вожака
крутов, --- это судьба человечества ---
править звездами, так сказал нам
Император.

--- Ведомый страхом и суетериями,
что даже еще хуже чем тау и тау'ва, ---

отвечает крѹт, и в его голосе скорее веселье, нежели отвлечение.

— Тогда во что верите вы? — спрашиваю я, интересуясь, почему крѹт считает, что знает все ответы.

— В изменения, — говорит он, глядя на меня своими пронзительными темными глазами, — как учили наши предки, мы меняемся и адаптируемся. Мы учимся у своей добычи и становимся сильнее. Будущее не определено, а застой подобен смерти.

— Вы поклоняетесь изменениям? — недоверчиво переспрашиваю я.

— Нет, человек, — говорит он, снова выказывая признаки раздражения, — в отличие от твоего рога, мы просто принимаем их.

КОГДА на небе начинают появляться звезды, пламя костров становится выше.

Мы сидим снару́жи недостроенного купола вместе с Ораком и его кланом, и я наблюдаю за потрескивающими язычками огромного костра. Здоровые дымящиеся куски мяса на заостренных шестах

шкворчат и каплют в огонь, разнося запахи
готовящейся плоти и плавящегося жира.

Я сижу рядом с Ориелет, который пристально наблюдает за крүтами еще со свалки в баре.

--- Что ты знаешь об этих парнях? --- спрашиваю я его, когда вокруг нас освободилось место, чтобы поговорить конфиденциально.

--- Не много, за исключением того, что они незаурядные бойцы в ближнем бою, но это ты и сам уже видел, --- отвечает он мне с трачной улыбкой, --- уже сотни лет крүты нанимаются в качестве солдат удачи к другим расам, хотя большинство крүтау. Они будут драться со всеми или против всех до тех пор, пока хорошо платят.

--- На мой взгляд, они не очень-то богаты, --- комментирую я, --- одежда у них не очень-то представительная, у них нет дворцов, или чего-то в этом духе. Что конкретно они берут в виде платы?

--- Это достаточно ужасно, --- предупреждает меня Ориель неприятным взглядом, --- они сражаются не только за

технологии, оружие и боеприпасы, но так же за тела павших.

--- А зачем они им? --- спрашиваю я, заинтригованный несколькими несколькими откровенной формой оплаты.

--- Они едят их, --- коротко отвечает инквизитор, --- они верят, что поглощая павшего врага, они получают его мастерство и навыки. Они так же едят своих собственных собратьев, возможно, чтобы сберечь их души, или что-то в этом роде. На самом деле все гораздо сложнее, но некоторые магосы из техножрецов полагают, что круты на самом деле способны впитывать информацию из своей еды, и передавать ее следующим поколениям. Я не знаю деталей, но это мне кажется чрезвычайно неправдоподобным, хотя круты, естественно, верят в это.

--- Они каннибалы? --- спрашиваю я, глядя с обновленным ужасом на чужаков вокруг нас. --- Это же отвратительно.

--- Для тебя и для меня, определенно, --- кивком соглашается Ориель, --- а для них совершенно естественно.

В этот момент к нам опять присоединяется Орак, за его плечом до сих пор болтается винтовка.

--- Скоро начнется пиршество, --- говорит он нам с наслаждением, в его глазах отражается плямя.

--- Это какое-то празднество? --- спрашивает Таня, когда откуда-то из темноты начинают доноситься барабаны и свистки.

--- Да, так и есть, --- подтверждает Орак, возвышаясь над нами и с гордостью глядя на свой клан, --- завтра мы снова уходим сражаться. Некоторые из нас не вернутся. Некоторые из нас убьют много врагов, заберут их суть и станут сильнее. В любом случае, пока круты живы, это не важно, ибо мертвым не позволят растратить свои сокровища.

--- Вы с нетерпением ждете битвы? --- спрашивает Стрелли. --- Это для вас честь и слава?

--- Это необходимость эволюции, --- странно отвечает Орак, отворачиваясь и выкрикивая что-то другим крутам. Появляются двое, таща между собой

решетку с мясом. Оно пахнет несколько странно, но аппетитно. Тарелок нет, а круты просто с жадностью накидываются, своими острыми клювами отрывают полоски плоти и с удовольствием их заглатывают. Вытаскиваю нож и отрезаю себе немного мяса. Вонзаюсь зубами, но оно на удивление очень нежное, но губам и щекам течет горячий сок. Остальные тоже отрезают для себя куски, осторожно держа горячее мясо в руках пока едят.

--- Мы взяли эти тела с прошлой кампании, и сохранили их для сегодняшнего дня, дабы они принесли нам удачу в грядущих сражениях, --- информирует нас Орак, его толстый язык слизывает с клюва застывающий жир, --- мы надеемся снова отведать этот сладостный дар во время предстоящей войны.

--- Так О'вар же сейчас затевает войну с людьми? --- обеспокоенно спрашивает Шеффер, пристально глядя на Орака.

--- Да, так и есть, --- соглашается крут. При взгляде на остывающее мясо в

руках меня начинает мутить, к горлу подступают рвотные массы. Я вспоминаю слова Ориеля.

Каннибалы. Круты — каннибалы. Для них ничего не стоит съесть даже своего сородича. Смотрю на остальных, которые приходят к такому же выводу. Руки Троста дрожат, Таня зажимает рот руками, Стрелли откидывает от себя кусок мяса, притягивая к себе озадаченные взгляды окружающих крутов. Задохавшись, Квидлон отворачивается и его тошнит на пыльную землю, его рвота перелезается с рыданиями.

— Что-то не так? — спрашивает Орак, его углы слегка приподнимаются. Трост готов сказать что-то, но Полковник останавливает его.

— Думаю, возможно, волнение от стычки расстроило наше пищеварение, — спешно отвечает Шеффер, бросая на нас ядовитые взгляды, превращая возражения.

— Понимаю, — крут удовлетворен объяснением Шеффера, и его углы снова опадают, — тогда возможно почетное

блюдо будет вам более приятно.

Он встает и машет рукой одному из кротов, тот исчезает на минуту, после чего возвращается с накрытым подносом. Ничего не могу пожелать, но замечаю, что серебряное блюдо выглядит явно Имперским, возможно его украли из какого-то знатного дома.

— Мы вместе разделим этот кусочек, — с уважением произносит Орак, — ваш род и наш будет связан, когда мы разделим тех наших существ врага. Съев его вместе, мы расширим клан. Никогда раньше я не позволял разделить пищу с людьми, но ваши действия впечатлили меня. Вы дрались как смелые воины, и вы с гордостью сидите на пиршестве. Теперь присоединитесь ко мне.

Своей четырехпалой рукой он поднимает крышку, и под ней легко угадываются сырые мозги. Судя по виду, человеческие сырые мозги. В свете огня серая масса сияет оранжевым, и я замечаю все еще свисающий спиной хребет. Мне хочется заткнуть себе рот. Орак с уважением берет его обеими руками и

поднимает нас головой, после чего объявляет что-то на своем языке.

— Для этого пир не подходит. Быстрое поглощение в битве, — говорит он нам, — с гордостью мы съедим самую ценную плоть. Этот воин был великим лидером, он и его солдаты хорошо сражались против нас. Я хранил этот дар, чтобы разделить его только с самыми достойными, и теперь предлагаю его вам.

Он опускает колыхающийся мозг, и его клюв кидается вперед, проворно отщипывая куски эластичной плоти. Он поворачивается к нам и протягивает мозг. А мы просто сидим ошеломленные и испытываем тошноту, при виде грожащей кучки в руках Орака.

— Кто из вас разделит со мной это удовольствие? — спрашивает он, глядя по очереди на каждого. Никто из нас не двгается, мы только обмениваемся шокированными взглядами. Даже Полковник бледнеет.

— Кто из вас разделит со мной это удовольствие? — снова спрашивает вожака крутов, его углы начинают грожать. —

Это великая честь и мне не так легко предложить такое.

Когда никто из нас не реагирует, вокруг нас начинают звучать щелчки и свист, круты вскакивают на ноги, их изгибы гневно вытягиваются. Я смотрю на Орака, который все еще протягивает нам мозг, словно награду. Сражаясь с тошнотой, угрожающей поглотить меня, я встаю.

— Я разделю это удовольствие с тобой, — хрипло отвечаю я, и слышу, как со свистом выдыхают остальные штрафники. Последнего шанса. С трудом глотаю. Едва мозгу поверить в то, что собираюсь сделать. Хотя если не соберусь, то в следующий раз на тарелке могут оказаться мои мозги. В этот момент крут, кажется, не очень-то нам рад.

— Очень хорошо, — говорит Орак, предлагая мне человеческий мозг. Я с осторожностью беру его, руки бешено трясутся. Прикосновение к нему вызывают во мне желание исторгнуть содержимое желудка. На ощупь он мягкий и немного скользкий, я поднимаю его над головой, чтобы увидели все собравшиеся круты.

Все мое тело трясется, когда я медленно опускаю угощение, и смотрю на орган в моих руках. Стараюсь не думать о человеке, которому они некогда принадлежали. Пытаюсь притвориться, что это мозги зрокса, которые я уже ел раньше. Не работает. Словно у него есть глаза, и они обвиняюще смотрят на меня.

Снова глотаю, подношу мозг к губам и бросаю взгляд на Орака. Нетерпеливо наклонившись, он небрежно машет мне рукой продолжать.

Во рту очень сухо, а в глотке ощущение, как будто меня кто-то душит. Закрываю глаза и впиваюсь зубами в мозг. Все не так просто, мне нужно еще отгрызть кусок. Мои внутренности бунтуют, но я заглатываю подступивший к горлу ком рвоты. Не рискнув жевать, я с трудом проглатываю кусок, и это почти сразу же вызывает желание опустошить желудок. Открыв глаза, я быстро протягиваю остальное обратно. Орак снова поднимает его так, чтобы видели остальные, и внезапно мы оказывается окружены топаньем ног и, похожими на

птичьи, вопляти. Полагаю, что я прошел
тест, но чувствую, что вот-вот рухну в
обморок. Не думаю, что когда-либо забуду
этот вкус.

Орак передает почетное блюдо
другому круту и жестом подзывает меня к
себе, чуть в стороне от круга.

--- Ты все хорошо сделал, --- говорит он
мне, склонившись и произнося прямо в ухо.

--- Э... спасибо, --- отвечаю я, отчаянно
пытаясь забыть последние полминуты
своей жизни.

--- Я понимаю, насколько это было
сложно, --- признается он мне, а его черные
глаза смотрят прямо в мои.

--- Да? --- спрашиваю я, удивленный
этим заявлением.

--- Я не идуот, человек, --- уверяет
меня Орак, положив на плечо свою
четырепалую руку, --- я знаю, что вы не
разделяете наши верования и способности.

--- Так ты знал, насколько
отвратительным я это считаю? --- злобно
спрашиваю я, в последний момент чуть не
срываясь на крик. --- Тогда на кой голбанный
хрен ты это делал?

--- Посмотреть, сможете ли, ---
спокойно отвечает Орак, --- посмотреть,
что вы за люди, с которыми мне
предстоит сражаться на одной стороне.
Мы же идем на войну с вашими
собственным видом. То, что ты только
что сделал, доказывает мне, что когда
сражение станет совсем неустовым, вы не
убежите. А теперь возвращайся к своим
друзьям, а я принесу еду, которую вы
найдете более подходящей.

Шатаясь, я возвращаюсь к костру и
тяжко сажусь к остальным.

--- Это был гребаный тест, --- шепчу я
им, --- все это время, это был гребаный
тест!

--- Что ж, тогда кажется, мы вроде бы
его прошли, --- говорит Ориель, закладывая
руки за голову.

--- Ага, --- с кислой миной отвечаю я, ---
только в следующий раз мозги будете
жрать сами.

МЫ РЕШАЕМ не возвращаться в
окруженный черепами бар и наши
комнаты. После учиненного погрома, наше
повторное появление может быть не
оценено. Вместо этого, разбиваем
топорный лагерь недалеко от клана Орака.
Когда видим, как их костер тухнет в паре
сотен шагов от нас, Ориель собирает всех
вместе.

--- Орак сказал, что они улетают
завтра, --- говорит он, --- я подозреваю, что
у нас тогда очень мало времени. Если они
улетают, то это означает, что
Пресветлый Меч очень скоро проведет
инспекцию. Я все еще не могу связаться с
Прохладным Ветром, так что нам
некоторое время придется действовать по
обстоятельствам. Завтра утром
просыпаемся рано, и скорее всего, мы будем
вынуждены выдвинуться в любой момент.

Ночь проходит для меня урывками,
поскольку мы настолько близко к
финальной развязке задания, да еще нужно
учесть кошмары после ужасающего пира
кротов. В одном сне мне привиделось, что

я ем мозги Пресветлого Меча, в то время как другие тычут в меня пальцами и ругаются. Просыпаюсь до рассвета, весь в корке из пота и пыли и устало поднимаюсь на ноги. Вижу, что Полковник уже проснулся, стоит и смотрит на восход, сжав руки за спиной.

--- Думаете, все произойдет сегодня, сэр? --- спрашиваю я, когда он бросает на меня взгляд через плечо. Мы не часто разговаривали, но иногда это помогало мне почувствовать себя лучше.

--- Может быть не сегодня, --- говорит он, снова глядя вдаль, --- но если не сегодня, то точно завтра.

--- А что если мы не сможем связаться с Прохладным Ветром? Что тогда нам сделать? --- говорю я. Меня изводят некоторые сомнения.

--- Сделаем, что сможем, --- тихо отвечает Полковник. Внезапно он разворачивается на каблуках и обрушивает на меня всю мощь своего ледяного взгляда.

--- Таня выстрелит?

--- Конечно да, --- спешно отвечаю я.

полностью застигнутый врасплох
внезапным вопросом.

--- Если она не нажмет на спусковой
крючок, когда будет нужно, ---
предупреждает меня Полковник, --- ты
определенно не доживешь до того
момента, чтобы пожалеть об этом.

ОРУЕЛЬ стоял в предрассветном
свечении пустыни в паре километров от
города и наблюдал за светлеющим небом.
Ветерок, прохладный в этот миг,
поднимал вокруг небольшие песчаные
стерчи и дергал за поля плаща песчаного
цвета. Он был уверен, что один, поскольку
не мог учуять поблизости присутствие
разумной жизни. Достав маленький,
похожий на жезл объект из кармана
плаща, он положил его на землю и ударом
вогнал в песок. Поигравшись с
настройками, он активировал маяк, и тот
начал пульсировать едва видимым тускло-
красным светом, но он знал, что
чувствительные сенсоры корабля увидят
его так же ясно, словно свет прожектора.

Не прошло много времени, когда через

небеса начал опускаться росчерк света, как
будто падающий метеорит. Сначала он
направился к Ориелю, а затем свернул на
тысячу метров вверх, заходя широким
посадочным кругом. Когда он приблизился,
Ориель смог разглядеть обжигающе-белые
точки плазменных двигателей шаттла,
хотя его черный корпус исчезал на фоне
тьмы. Ориель прождал еще одну минуту, и
шаттл начал замедляться. При спуске
снова был слышен визг, включились сложные
антигравитационные двигатели,
замещающие громкие и неуклюжие
реактивные. Корпус корабля терзал и
колыхался, а тьма вокруг него искажалась
энергетическим полем, простирающимся
на несколько метров перед носом. Ориель
вознес про себя молитву богу-машине,
надеясь, что адские сюрвейеры там будут
одурочены специально разработанным
маскировочным полем. Техножрецы
уверили его, что так и будет, но он
никогда всецело не доверял изобретениям
Agentus Механикус. Из корпуса
вытянулись когтеобразные посадочные
опоры, и шаттл приземлился, пару секунд

успокаиваясь на мягком песке. Практически немедленно столк визз двигателей, и секундой позже, с шипением сжатого воздуха, открылся передний люк.

Инквизитор бесстрастно наблюдал, как вниз по рампе сходит Дионис, в руках которого покоился шлем и от чьей тяжелой поступи вибрировал металл. Когда он сошел с рампы, та с шипением вернулась на место. Шаттл затерцал, маскирующее поле вновь было активировано, тем самым пряча маленькое судно.

Через несколько секунд малюсенький транспорт, едва трех метров в высоту и пяти в длину, стал невидимым.

--- Приветствую, инквизитор, --- произнес вновь прибывший, останавливаясь перед Ориелем. Его голос был тих, но отлично слышим.

--- И я приветствую тебя, брат, --- формально ответил Ориель, глядя на широкое лицо Диониса, --- ты готов?

--- Я всегда готов, инквизитор, --- попрекнул его Дионис, --- разве девиц моего братства не быть готовым все время.

чтобы устранить угрозу, когда придет призыв?

--- Значит, ты пропел свои боевые гимны и принес жертвы Императору? --- спросил инквизитор.

--- Я готов встретить врага лицом к лицу. Моя душа чиста, а оружие освящено, --- отвечал Дионис.

--- Надеюсь, оно нам не понадобится, --- пробормотал Ориель, отворачиваясь.

--- Славься Император, инквизитор, --- произнес Дионис, когда Ориель вытащил переносной маячок из углубления.

--- Да, --- с жаром ответил Ориель, --- в таком деле, славься Император. Сегодня нам придется повторить его жертву ради человечества.

--- Именно для этого мы рождены, --- наполнил ему Дионис.

--- Да, рано или поздно, --- согласился Ориель, трачно улыбаясь самому себе, --- хотя уж лучше поздно, учитывая, сколько еще нужно исполнить.

Глава седьмая

Убийцы

+++ Пришло время исполнить
финальную ликвидацию +++

+++ Пусть с вами пребудет судьба и
удача +++

ВСКОРЕ после меня просыпается
Ориель и уходит, не сказав ни слова мне
или Полковнику. Полагаю, что он ушел
искать Прохладного Ветра. Если
Пресветлый Меч будет проводить
инспекцию сегодня, то мы будем
сражаться меньше чем через час. Мысль о
том, что я снова буду драться в
настоящей битве против врагов,
пытающихся убить меня, вызывает дрожь.
Больше не будет мишеней, которые не
могут отстреливаться. Не будет
бесконечных учений, рутины и лекций. Это
настоящее дело, и ничто не сравнится с
ним.

Когда солнце начинает выползать из-

за горизонты тех двух куполов вдалеке, я
сажусь и начинаю разбирать свой автоган.
Мои руки проделывают это
автоматически, позволив мозгу на
некоторое время отвлечься. Сначала я
прогоняю весь план в голове, это уже
закоренелая привычка, а затем смотрю на
все вероятности, но это не отвлекает.

Мне просто не терпится начать.
Хочу, чтобы вокруг засвистели пули,
чтобы кровь побежала по венам, ощутить
то, что я на краткий миг уловил во время
угона шаттла, но чего был лишен около
года. Хочется знать, сделает ли Таня
выстрел, не зависимо от того, насколько
хорошо выполнит свою работу Трост и
несмотря на все месяцы упорных
тренировок. Хочется знать, был ли я прав,
и заслужил ли отправиться на это
задание, или меня снова охватит боевой
психоз, и Полковнику следовало бы
оставить меня.

Эта мысль беспокоит меня сильнее
всего. Я не хочу быть причиной завала
миссии. Это странно, но задание для меня
-- это не только остановить

командующего чужаков, готовящего вторжение в человеческий мир. Это более личное испытание, вызов, брошенный мне Полковником и Ориелем. Тех ли людей я выбрал в отряд и тренировал для выполнения задания. Выдержу ли я напряжение. Для меня это будет победой, независимо от того, какие будут последствия выполнения миссии. Это не сражение против тая, это битва против Шеффера и инквизитора, которому он служит.

--- Тебя что-то гложет? --- спрашивает Таня, вставая рядом со мной и глядя на восход.

--- Да, --- коротко отвечаю я, не ощущая желания делиться с ней. Она не моя подруга, и между нами ничего нет. Она Снайпер, и моя единственная забота --- чтобы она сделала выстрел, и мы смогли убраться к чертям собачьим из той бұри, что последует.

--- О чем думаешь? --- снова спрашивает она, садясь рядом со мной.

--- Для начала о тебе, --- говорю я, и разворачиваю голову, чтобы посмотреть

на нее, в то время как мои пальцы все еще перебирают механизм автомата.

— Я собираюсь увидеть следующий рассвет, — признается она, не глядя в ответ, — но на самом деле я не напугана. Мне просто любопытно.

— Словно это происходит не с тобой, будто это чья-то чужая жизнь? — предполагаю я, зная, о чем она говорит.

— Ага, что-то типа того, — соглашается она, впервые глядя на меня, а в ее глазах светится понимание, — ты чувствуешь себя все время так?

— Постоянно, — признаюсь я, защелкивая магазин обратно в автомат, и с отчетливым щелчком передергиваю затвор.

— Когда приходит время, это почти как экстаз, о котором говорят некоторые проповедники. Словно в меня вселяется сам Император, берет контроль, и я как будто становлюсь Его оружием и ничем больше.

С любопытством в глазах она смотрит на меня и я встречаю этот взгляд. Внезапно отрешенность пропадает, и я больше не вижу Снайпера.

перего мной теперь Таня Страдински.
Возможно последняя женщина в жизни.

Встаю и смотрю на остальных, на
Троста и Стрелли, Морка и Квидлона. На
мгновение вместо прозвищ и ярлыков, что
я дал им, вижу личностей, людей. Вот
Таня, снова сильная и уверенная в себе, но
все еще преследуемая собственным
чувством вины. Трост, беспощадный
убийца, признающий, что получает
удовольствие от своей кровавой работы и
теперь готовый вновь заняться ей.
Стрелли, которого вообще не волнует
никто и ничто, он просто намерен
выжить. Похож на меня пару лет тому
назад, внезапно осознаю я. И Квидлон, более
ограниченный, более благоговейщий перед
чуждесами и ужасами галактики, в которой
мы живем. Смотрит широко открытыми
глазами на опасность, с которой ему
придется столкнуться, но все еще полон
решилотости изучить ее, попытаться
понять. И затем Морк, лицемерный,
ничего не прощающий, неумолимый в своей
вере и морали. Он видит себя скалой в
течениях звезд. Не могу представить себе

лучшей команды. Но эта мечтательность
проходит, суровая реальность берет свое, и
они снова становятся прозвищами и
плашками с именами. Снайпер, Летун,
Подрывник, Мозги и Герой. Все они
являются частью сложного плана, как
шестеренки превосходно настроенного
часового механизма, поэтому должны
работать в превосходной гармонии, иначе
вся система рухнет, и мы погибнем. Ну и,
конечно же, ваш покорный слуга, Последний
Шанс. Буду ли я слабым звеном?

--- Будет ли это последним
рассветом, что я вижу? --- спрашивает
Таня из-за моей спины.

--- Зависит от тебя, --- холодно
отвечаю я, --- зависит от того, насколько
желаешь увидеть следующий.

--- Я все еще не знаю, смогу ли я
выстрелить, --- тихо говорит она, и я резко
разворачиваюсь к ней, готовый заорать. Но
вот сидит она, скрестив ноги, и наблюдая
за восходом солнца Эстау вдаль, купаясь
в его красном сиянии, потерявшаяся для
всего мира в своих собственных мыслях.
Она говорила это не мне, она спрашивала

себя.

--- Конечно же, стожешь, --- уверяю я, шепча ей в ухо, --- если сделаешь, то увидишь и следующий закат и следующий восход.

--- Это такая угроза? --- спокойно спрашивает она.

--- Нет, --- отвечаю я с улыбкой, которую она не видит, --- это мое обещание. Если выстрелишь, то я обещаю тебе --- ты увидишь еще один закат.

--- Ты же говорил никогда тебе не доверять, --- напугивает Таня, --- откуда мне знать, что ты меня не бросишь?

Сразу же не отвечаю. Я сам не понимаю себя, почему я это сказал, это просто пришло само собой. Стою на месте и смотрю на нее, затем на остальных, и оно просто вдруг пришло.

--- Ты одна из моих штрафников Последнего Шанса, --- вскоре говорю я, --- ты из моего отряда, а не Полковника. Ты мой Снайпер, и я выбрал тебя, потому что ты лучшая. Я выбрал вас всех, потому что вы все лучшие в том, что вы делаете. Я хочу увидеть, как ты получишь прощение и

уйдешь свободной, заниматься тем, чем я больше никогда не смогу заняться. Я хочу, чтобы ты наслаждалась следующим закатом, зная, что можешь наслаждаться им до конца своей жизни. Прежде всего, моя голова забита воспоминаниями, это все что осталось от всех штрафников Последнего Шанса первого набора. И я не хочу добавлять к ним новых. В моих снах уже предостаточно мертвых людей.

Но Таня, кажется, на самом деле не слушает меня, погруженная в собственные мысли.

СЛЕДУЮЩИМ просыпается Квидлон, и после разговора с Таней, я решаю побеседовать с ним, оценить его состояние. Мне не нужно знать, все ли с ним в порядке, я скорее хочу выяснить, как он будет вести себя, зная, что сегодня, скорее всего, состоится финальное сражение. Будет ли он чересчур взволнован, окажется ли трусом, будет ли сконцентрирован на задании, или отвлекаться на что-то. Зная это, я смогу рассчитывать на него, когда начнется

грака.

--- Сегодня будет солнечный и жаркий день, --- говорю я ему, стараясь втянуть в беседу, пока он пьет из фляжки.

--- Да они вроде бы все тут такие? --- отвечает он. --- Родной мир Тау такой же сухой как этот, поэтому они обживают миры, похожие на свой собственный, так что я полагаю да, сегодня будет солнечный и жаркий день.

--- Я уже почти год провел в тюрьме и на борту корабля, а теперь этот раскаленный мир, --- говорю я ему, --- хотелось бы дождя. Почувствовать на себе его капли.

--- Мне никогда не нравился дождь, холодно и мокро, к тому же от него люди становятся несчастными, --- возражает Квидлон, --- я родом с планеты, где дожди идут все время, постоянная, деморализующая капель, которая продолжается и продолжается, а когда заканчивается, все равно облачно. Там никогда не было яркого света, всегда все серое и пасмурное.

--- Значит, ты не скучаешь? ---

спрашиваю я его, пока ты идешь в тени купола, возвышающегося между нами и восходом. -- Хочешь еще раз увидеть тебя, затянутые облаками, небеса?

-- Совсем нет, -- с яростью отвечает он, -- я повидал столько всего, чего никогда бы не увидел на родной планете. Столько всего в галактике, о чем я даже не догадывался, и о чем знаю теперь. Я каждый день узнаю что-то новое. Я встречал бойцов и флотских, разговаривал с офицерами и комиссарами, я видел восходы на других мирах, и смотрел на другие звезды в ночном небе, и ничего бы этого не произошло, если бы я не вступил в Имперскую Гвардию.

-- А ты осознаешь, что сегодня все это может закончиться? -- тихо говорю я, когда мы входим в тени и присаживаемся. Я оглядываюсь. Мимо проходят несколько куртов, один из них кивает нам, и я машу рукой в ответ. Шум просыпающегося города возрастает, доносится болтовня из палаток, крики торговцев чужаков усиливаются, а вокруг нас просыпается сопровождающий жизнь гомон.

--- Я могу умереть, это верно, но на самом деле, я не думал об этом, --- отвечает он.

--- Тебя это вообще не волнует? --- подначиваю я, не веря.

--- Да я видел столько, в сотни раз больше, чем многие люди видят за всю свою жизнь, больше чем я мог вообразить себе, пока рос, --- искренне отвечает он, --- кто знает, что произойдет, когда я умру? Может быть, это будет самым величайшим опытом. Так сказать опытом всей моей жизни.

--- Ты не слишком-то стремишься насладиться им, --- предупреждаю я его, вспоминая свои собственные дерзкие отношения со смертью. Пока я сижу тут, за глазами снова начинает болеть. Опять тупая боль, которая переходит дальше в мозг, которую можно терпеть, но она определенно неприятная. Перед мысленным взором ударяют молнии. Ощущаю вонь обугленной плоти. Пытаюсь игнорировать это и слушаю Квидлона.

--- Ха, Последний Шанс, я как-то не тороплюсь быть убитым, чтобы

испытать смерть на себе, -- смеется он в ответ, не замечая мою рассеянность.

-- Как я уже и говорил, еще столько всего можно увидеть в смертных мирах, перед тем как я уйду. Я уже встречал орков, но хотел бы взглянуть на эльгар. Правда ли это, что они ходят, не касаясь земли? Или посетить один из величайших кафедральных соборов, и даже совершить паломничество на саму Святую Терру.

-- Ты этим и займешься, когда получишь свое прощение? -- спрашиваю я, стараясь насколько возможно, избавиться от странных видений.

-- Определенно буду больше путешествовать, -- говорит он мне с улыбкой, -- хотя не знаю, как это осуществить. Может быть, продолжу работать на инквизитора Ориеля, или запишусь в экипаж костического корабля, в конце концов, я много что знаю о машинах.

-- На твоем месте я бы избегал Флота, -- предупреждаю я его, -- ты, кажется, не очень-то поладил с Агентус Механикус, а на борту каждого судна сотни техножрецов. А что касается

Ориеля, чем скорее его подстрелят, с его
окольными путями, тем лучше. Он
интриган, и его планы могут очень
пребольно по нам ударить. И именно ты
покажешься на линии огня, когда это
произойдет, а не он. У него есть привычка
сбегать. Поверь мне, я это знаю — однажды
я уже пытался взорвать его и ничего не
вышло.

— Я не знал, что ты раньше работал
на Ориеля. Каково это? Я имею в виду,
что ты не особо-то рассказывал о прошлом
задания, — намекает он.

— Это потому, что я не могу о нем
говорить, — отвечаю я, отворачиваясь, —
слишком много воспоминаний, слишком
много хороших людей погибло, которыми не
следовало бы утирать. Я творил такое,
что даже представить себе не мог, что
способен, а теперь повторяю это, даже не
задумавшись. Это убило меня, но так же
показало, кто я есть на самом деле.

— Ну и кто же? — спрашивает
Полковник, заставляя меня вздрогнуть. Я
замечаю, что он стоит позади меня и
смотрит своим ледяным взором.

--- Я --- Кейдж, лейтенант 13-ого
Штрафного Легиона "Последний шанс", ---
отвечаю я ему, вскакивая, --- я --- "Последний
шанс", как вы и говорили.

--- И что это значит? --- продолжает
он, кивком головы изгоняя Квидлона прочь.
Пехотинец бросает на меня взгляд, а
потом уходит.

--- Это означает, что я здесь, чтобы
сражаться и умереть за Императора, --- с
горечью объясняю я, отворачиваясь и делая
шаг.

--- Не смей уходить от меня, Кейдж, ---
рычит он, и я поворачиваюсь обратно, ---
ты о чем думаешь, разворачиваясь спиной
к офицеру?

--- Да уже ни о чем, --- холодно смеюсь
я, --- сейчас все поменялось. Я уже не просто
лейтенант, а вы не просто Полковник.
Дело не в званиях или старшинстве. Я кое-
что осознал. Я понял, почему вы попросили
меня выбрать и тренировать группу. Вы
просто уже не можете делать это сами,
да? Я знаю, сколько теперь мне нужно
сдерживать в себе, все эти воспоминания,
всю эту боль, всю кровь на своих руках. Я-

то могу с этим разобратся. Вы так же,
но сколько вы еще можете вытерпеть? Я
знаю, что вас это волнует, и даже не
пытайтесь сказать мне, что это не так.
Вопрос только в наших душах, не в телах,
но вас это тоже волнует. И вы так же
клали на чертову миссию, но верите в
Императора и во все остальное. Вы же не
просто машина, а такой же человек, как и
я. Огин Император знает, может вы
когда-то были таким как я, может быть,
даже простым пехотинцем -- или были
рождены для таких деяний? Может быть,
вас с мягких ногтей воспитывали
офицером?

-- Ты ничего обо мне не знаешь,
Кейдж, -- после секундного размышления
отвечает он, его глаза буравят меня, -- но
да, ты прав, мне нужна твоя помощь. Ты
продемонстрировал кое-что особенное в
Коританоруме. Я знаю, что ты вернулся за
тпой, а не за каким-то вшивым прощением
в моем картане. Ты понял кое-что из того,
что я пытаюсь сделать, но у тебя нет ни
малейшего понятия о картине в целом. Ты
ничего не знаешь о моем прошлом, и не

знаешь, что тебя ждет впереди. Ты мне нужен, ты мне все еще нужен, вот и все. Мне плевать на тебя, и я, кажется, ясно выразался, что у тебя есть только один шанс. Ты его получил и упустил.

--- Тогда почему бы просто не убить меня прямо сейчас? --- рискую высказаться, согнутая руки, словно заложник.

--- Может быть, я так и поступлю, --- говорит он, доставая из кобуры автоматический пистолет.

--- Давай, --- рычу я, --- убей меня, ведь для задания я не нужен, я просто нянька для Квидлона и Тани, а они уж как-нибудь позаботятся о себе. Я выполнил свою работу. Ты мог убить меня все это время за последние четыре года, в любой миг. У тебя были оправдания. Ты мог убить меня, когда поймал с новобранцами на Тифон. Прими, но позволил переубедить себя.

--- Они угрожали пристрелить меня за это, --- пытается возразить он, но выходит не очень-то убедительно. Полковник никогда не умел хорошо врать. Говорить полуправду, этому он наловчился, но откровенно врать? Неа, тут он пас.

— Они бы не стали, несмотря на то, что говорили, — отвечаю я, опуская руки и обвиняюще тыкая в него пальцем, — ты мог убить меня тогда, мог оставить меня умирать, когда улетали из Коританорума. Мог убить, когда я прихлоннул Тифонских офицеров, и когда нашел меня пьяным в стельку, но ты решил подождать, пока я не проснусь. И предложил мне еще один последний шанс, зная, что я схвачусь за него.

— И что ты хочешь, чтобы я ответил, Кейдж? — спрашивает он, убирая пистолет в кобурю. — Что ты мне нужен на этом задании, на случай если все пойдет прахом? Это правда, ты мне нужен как поддержка. Ты, несомненно, один из лучших солдат, что я когда-либо встречал. Но на самом деле, ты мне нужен не из-за этого. Ты сам жаждешь, чтобы я наказал тебя, потому что ты этого заслуживаешь. И ты знаешь, что это правда. Дело не в искуплении, дело в наказании. У тебя был шанс навсегда выбраться из всего этого, но ты его отбросил именно потому, что до сих пор

чувствуешь себя виноватым. Ты винишь себя за всю свою жизнь, Кейдж, и хочешь, чтобы я ощущал себя виноватым за тебя. И ты сам хочешь, чтобы я протащил тебя через ад, и чтобы ты смог за это меня ненавидеть. И ты не хочешь признаваться, что все то, что ты пытаешься доказать мне, на самом деле, нужно доказать самому себе.

--- Я брехливый, жуликоватый орочий сын, душегуб, --- смеюсь я ему в лицо, --- да я был ублюдком еще до того, как ты схватил меня. И почему же ты считаешь, что я чувствую вину за все, что натворил?

--- Тебя изводит не то, что ты натворил, или чего не сделал, --- говорит он мне, подходя ближе и становясь лицом к лицу, --- ты в этом прав, плевать ты хотел на всех тех, кого убил, тебе плевать на все причиненные тобой страдания. Но тебя мучает то, что возможно, если бы ты не был таким эгоистичным, так одержимым своим собственным выживанием, то может быть больше штрафников "Последнего Шанса" покинули бы Коританорум живыми.

--- Ты не намеревался оставлять в живых хоть кого-то из нас, ты или Ориель, --- возражаю я, отходя от его нугающей фигуры.

--- Где твое самопожертвование, когда оно было необходимо? --- неуклонно продолжает он, снова подходя ближе. Мой личный судья и присяжные.

--- Ты каждую ночь спрашиваешь себя, мог ли ты их спасти. Ты спрашиваешь, мог ли ты спасти Франкса, если бы не прикинулся мертвым во время авианалета. Мог бы придержать Ганно на том минном поле, если бы не слинял? Почему ты обливался кровавым потом на Крагмире, пытаясь спасти Франкса? Может быть потому, что считал его лучше себя? Так ты из-за этого так себя ненавидишь, потому что все эти умершие люди гораздо больше тебя заслужили право на жизнь? Вот почему ты --- Последний Шанс. Вот почему тебе нужно, чтобы я наказал тебя, потому что да, ты --- отворотливый, эгоистичный, трусливый кусок дерьма, которого Императору следовало бы убить. Но ты за

всю свою жизнь так и не понял, почему он
этого не сделал, а вместо — забрал жизни
всех, кого ты знал, за исключение меня. Я
единственный, кто у тебя остался, Кейдж.
Я не вспоминаю, и я говорю тебе — не
пей уходишь от меня, когда я
разговариваю с тобой. Ничего не
изменилось, ты до сих пор отребье, и у
меня все еще есть обязанность спасти
тебя от самого себя.

Я просто громко смеюсь. Хороший,
сердечный смех пробирает до живота, аж
челюсти сводит. Полковник стоит на
месте и озадаченно смотрит на меня,
подняв одну бровь. Утешаюсь взять себя в
руки. Пара других штрафников пытается
подойти, но завидя Полковника,
отступают.

— Да, Полковник, — отвечаю я,
энергично отдаю честь, хотя так и не
могу остановить хихиканье, — если вы
прекратили строить из себя лицемерного
суккиного сына, сэр, то я хотел бы
проверить свое отделение.

— Вперед, лейтенант Кейдж, —
говорит он, кивая, и наши официальные

отношения восстановлены. Когда ухожу, то мои мысли в беспорядке, я ощущаю на своей спине пронзающий взгляд, но вскоре разум очищается, когда начинаю выкрикивать приказы остальным.

ОРИЕЛЬ вернулся примерно в полдень и приказал нам собираться и выдвигаться.

Задание начинается здесь и сейчас. Без дальнейших слов мы собираемся, последний раз проверяем свое оружие, собираем боеприпасы и оставляем ненужные теперь вещи. Спальники, лагерные горелки — все это будет лишним весом, а мы должны пойти налегке.

Быстро машет на прощание крутат, которые так же готовятся сняться. Ориель безошибочно ведет нас по улицам. Избегая больших толп чужацких кварталов, мы проходим мимо костопорта. Он указывает в сторону стоящего на площадке корабля тау, мерцающего белого шаттла, украшенного огромными красными символами тау. Это транспортник Пресветлого Меча, который уже отправился в боевой купол.

для проверки.

Инквизитор ведет нас дальше от костюпорта, и мы видим другой купол, стоящий отдельно в пустыне, соединенный с городом единственным мерцающим серебром рельсом. Когда подходим ближе, я замечаю похожие на пύлю очертания вагонов, снующих туда-сюда, и осознаю, что это какие-то локомотивы.

— Вот так мы попадем в боевой купол, — говорит он нам, указывая на проносющийся мимо нас транспорт.

— Благодаря учебным тренировкам на "Лаврах Славы", вы представляете себе оперативную область внутри купола. Взрывы Троста дадут нам необходимую неразбериху, чтобы попасть в центральный комплекс, где расположены силовые реле. Как только окажется там, Инквизитор, Таня и Кейдж, а с ними и Трост, перерубают погачу энергии на внешние лестничные площадки и на рельсы, тем самым отрезая купол от внешней связи. Полковник, Морк и я вытаниваем из укрытия О'вара, и приводим к Тане.

Она убивает командующего, и мы

уходим через железнодорожный терминал. Стрелли, примерно в пяти километрах на восток от купола в пустыне стоит шаттл, и ты отправишься туда.

--- Активируешь это, как только увидишь шаттл, --- инквизитор протягивает Стрелли маленький цилиндр, с выгравированной медной руной на основании.

--- Потом летишь обратно к куполу и забираешь нас. Как только ты оказывается на борту, то летишь к кораблю на орбите. Я разговаривал с Прохладным Ветром, и он уверил меня, что после убийства Пресветлого Меча, цепь командования на некоторое время будет нарушена, и он сделает все, что может, чтобы проглотить это затеишательство.

--- Все это прекрасно и замечательно, --- говорит Таня, глядя как еще один транспорт стремительно набирает скорость и скрывается из виду, --- но как мы попадем в один из этих поездов?

КВИДЛОН осторожно и продолжительно ругается про себя, пока

мы опускаем его в дыру. Ориель уверил нас, что силовые катушки для поездов захоронены там, и Квидлону нужно просто временно отключить питание, тем самым заставив поезд остановиться.

Когда попадем на поезд, снова включится питание, и мы с ветерком покатаемся к укрепленному куполу. Все это хорошо на бумаге, но судя по ругательствам Квидлона, на практике это чуть сложнее.

У нас так же почти час заняло найти один из энергетических каналов, скрываясь в пустынных дюнах, на случай, если нас увидит какой-нибудь воин Огня из проходящего поезда, и мы вызовем подозрение. Вскоре Квидлон возвращается, подняв панель, расположенную в паре сотен метров от рельсы и торгая от яркого света после нескольких минут в темном лазе, который мы нашли.

--- Думаю, подача энергии возобновится через несколько минут, --- говорит он нам, отряхивая себя от пыли и запихивая странный на вид инструмент обратно в свой ранец.

--- Ты думаешь? --- равняет на него
Морк.

--- Я не знаю, как работают
расчетные системы тау. Они не
используют минуты или секунды, так что
мне пришлось гадать, --- стонет он в
ответ, явно огорченный, --- да я даже не
смог прочитать маркировку на всех
переключателях и терминалах, так что
можете считать, что мне повезло и я
сейчас не похож на кусок жареного мяса.

--- Итак, мы угнудились остановить
один из поездов. Что дальше? ---
спрашивает Трост.

--- Я бы предложил убить всех на
борту, --- говорю я им, оглядываясь в
поисках возражений.

--- Последний шанс прав, ---
соглашается Трост, --- по половине с
каждой стороны, атакуют спереди и сзади.
Штурмует, расстреливает все что
движется, затем ждем, пока включат
питание. У этих штук нет машинистов,
так что она сама отвезет нас куда надо.

--- Подрывник, Кейдж и Снайпер со
мной, --- быстро приказывает нам

Полковник, глядя вдоль рельсы в сторону города, где отражение солнца от металла указывает на следующий поезд. ---
Остальные с Ориелем. Держитесь ниже и стреляйте на уровне груди, так мы не поубиваем друг друга.

--- Сначала гранаты, --- предлагаю я, снятая с пояса фраз-заряд, --- в таком замкнутом пространстве она многих уложит. Полковник кивает, и Тросткидает огню из своих фраз-гранат Ориелю, а тот передает ее Стрелли.

--- А почему я должен идти первым? --- хнычет он, держа гранату на вытянутой руке, чтобы кто-нибудь другой забрал ее.

--- Потому что если нам понадобится, мы просто можем уйти оттуда пешком. Летун, --- без обиняков отвечаю я.

--- Ага, и пешочком до орбиты? --- с горечью спрашивает он, сплевывает на землю и встает.

Ориель с остальными перепрыгивают рельс и ждут на другой стороне, в сотне метров дальше по дороге. Мы не пытаемся скрываться, и насколько я знаю, там на борту быстро приближающегося поезда

мало что могут сделать, чтобы
остановить его, даже если увидят нас.

— Ты первый, Подрывник, — говорит
Полковник, указывая на Троста, — потом
Последний Шанс и я. Снайпер, ты
остаешься здесь и снимаешь любого, кто
вылезет в окно.

Теперь я вижу приближающийся поезд,
который замедляется недалеко от нас и
теперь движется благодаря набранному
разгону, так как уже вошел в область, где
секция отключена от энергетической
сети. Как я уже говорил, у него очертания
пули, примерно двадцать метров длинной,
с рядом узких окон, примерно в двух
третьих высоты от земли. У него нет
ведимых колес, он беззвучно парит над
рельсом. Поезд проходит мимо нас, все еще
двигаясь очень быстро, но постепенно
замедляясь. Когда мы начинаем бежать
вслед, он опускается на рельс, и его нижняя
часть вырезает борозды в песке, еще
сильнее замедляя движение.

Сзади вагона три маленькие
ступеньки, ведущие в разные стороны. Я
указываю Тросту на правый край, и он

кивает, поднимает руку с гранатой. Таня
кидается влево, падает ниц и занимает
позицию для стрельбы на песчаной дюне.
Люк над ступеньками открывается, и
дверь с шумением уходит вверх.
Высовывается голова май в униформе
воинов Огня, Полковник стреляет, пули
дырявят чужака, и тот отлетает назад.

С мастерством, привитым годами
практики, Трост закидывает гранату
точно внутрь, откуда сразу же доносятся
крики паники. Взрыв вышибает последние
пять окон вагона, и из-за двери вылетает
тело. Примерно две секунды спустя из
носовой части поезда доносится второй
взрыв. Трост добегаем до ступенек первым
и вскакивает на них, стреляя из лазгана
при прыжке внутрь. Я иду следующим,
стреляю из автомата направо с одной руки,
другой втягиваю себя через люк. Под
ногами хрустит стекло, вижу тела май,
усыпающие все лавки, что бежит вдоль всей
длины транспорта. Один или двое
держатся, и мы стреляем в них. Слышу,
как позади меня запрыгивает Полковник,
держа наготове автоматолет.

Остальные прорываются с носа, а мы стоим, смотрим друг на друга, и между нами лежит около трех десятков тел. Еще несколько трупов начинают приходить в себя, так что проделываем грязную работу — каземат их всех, стаскивая шлемы и всаживая каждому пулю в лоб. Таня присоединяется к нам, но держит свой палец погальше от спускового крючка снайперской винтовки.

— Давайте очистим немного места, — слышу я голос Ориеля. Он хватается за ноги и тащит его к двери. Когда я хватаю другое тело под руки и поднимаю его, под моими ногами появляется гудение, и я ощущаю, что поезд начинает снова подниматься от земли. В спешке мы хватаем тела и выталкиваем их через дверь, наблюдая, как они беспомощно кувыркаются по пыли и песку, пока поезд набирает скорость.

— Их никто не увидит? — спрашивает Таня, просовывая руки в подмышки одному из воинов Огня.

— К тому времени мы уже будем внутри. Будь на то воля Императора.

тревога поднимется уже тогда, когда все
будет сделано, -- отмечает Норк.

-- Сколько нам туда ехать? --
спрашивает Стрелли, помогая Тане
тащить тело.

-- Десять, от силы пятнадцать
минут, судя по ускорению и времени, что
заняло у нас остановить поезд, -- говорит
Квидлон, глядя через одно из разбитых
окон.

-- Забудьте об отдыхе и будьте
наготове, -- говорит Ориель, вставляя
новую обойму в пистолет и передергивая
затвор. Это наполнило мне тот момент,
когда я впервые увидел его в плазменной
камере Коританорума с гвүтя
дытящимися автоматопистолетами в руках.
Он излучал тогда ту же самоуверенность.
У него не было сомнений в том, что он
сделает -- и если кто-нибудь из нас
выберется живым из этой заварушки, то
это точно он.

-- Мы начинаем замедляться, так
что давай, прыгай, -- говорит Полковник
Стрелли, толкая его к задней двери, --
двигай к шаттлу, но дай нам, по меньшей

тере, час, перед тем как снимать стелс-поле, потому что как только снимешь --- тау тут же его обнаружат. Ну а после этого, на всех парах лети к нам.

--- Где Прохладный Ветер? --- спрашивает пилот. Сейчас это некоторым образом странный вопрос.

--- Его участие в задании завершено. Даже не предполагалось, что он будет находиться в боевом куполе, --- с носа отвечает Ориель, жестами подгоняя Стрелли убираться. Я стою на верхней ступеньке, пока пилот спускается к проносящейся мимо земле. Показываю ему большой палец, и он прыгает, оттолкнувшись от ступеньки ногами. Вижу, как он приземляется и перекачивается. В следующий миг он уже на ногах.

Стоит там и машет. Пока мы летим дальше, я наблюдаю за ним, а он все стоит на месте, даже не пытаясь, насколько вижу, отправиться к шаттлу.

Следующие несколько минут проходят в молчании. Мы все смотрим, как по тере приближения из песков все

больше и больше вырастает боевой купол. Он громадный, намного больше, чем я представлял его себе во время тренировок на борту "Лавров Славы". Полагаю, что он как минимум три, может быть четыре километра в поперечнике у основания. По сравнению с ним все здания, что мы видели около костюпорта — карлики. Даже боевой купол на Ме'леке был вполонину меньше, хотя полагаю, там их скорее всего несколько.

Ощущая, как локомотив все быстрее замедляется. Купол всего в паре сотен метров, и я готовлюсь, присаживаясь у одного из разбитых окон, а автоган согревает мою руку, так что я задвигаю все мысли о Ме'леке. Трост выпрыгивает за сотню метров от черной дыры, в которую уходит рельс, и направляется вправо, вытаскивая заряды из своего ранца. В последний раз проверяю свой автоган и кладу его на подоконник.

— Последний шанс, — говорит мне Квидлон, на его лице обеспокоенность, — я тут подумал, мы ведь столкнемся с целой армией. Я имею в виду, нас всего лишь

горстка. И как нам побить целую армию?

--- Инквизитор? --- кричу я Ориелю на носу состава. --- Со сколькими мы столкнемся?

--- Прохладный Ветер сказал, что там будет только охотничий кадр Пресветлого Меча и еще один кадр охраны, --- говорит он, оглядываясь через вагон на нас, --- примерно сто, может быть сто двадцать воинов.

--- Это мелочь, Мозги, --- устехаясь, говорю я Квидлону, --- вот в Коританоруме была настоящая армия, тысячи.

--- И как вы все провернули? --- спрашивает он, в кои-то веки подавленный.

--- Тебе краткую историю или полную? --- отвечаю я, глядя в окно. Отверстие в стене купола все ближе и ближе. На фоне чистого синего неба белизна самого купола ослепляет.

--- Кажется, у нас есть время только на краткую, Последний Шанс, --- говорит Таня с другой стороны прохода.

--- Превратили их всех в маленькие угольки, --- смеюсь я, ощущая полное спокойствие. Когда я успокаиваюсь,

пульсация в голове начала спагать. Похоже, что произошедшее за несколько последних месяцев, собралось во мне в единое целое, и снова появилось ощущение отстраненности. Появился экстаз, о котором я рассказывал Тане, чувство, что внутри моего тела есть кто-то еще.

Когда мы заезжаем внутрь купола, все на секунду становится тусклым, но я осознаю, что на самом деле внутри не темно, просто желтый свет -- ничто, по сравнению с ярким сиянием дня снаружи. В этот момент мы проезжаем ворота и въезжаем в терминал. Длинная посадочная платформа бежит вдоль рельсы с каждой стороны, через равные промежутки в стенах широкие арки. Здесь на посту несколько воинов Огня тау, и могу представить себе их удивление, когда поезд с разбитыми окнами мягко скользит, останавливаясь.

Не даю им и шанса отреагировать.

Слегка приподнимаюсь, все еще с автоганом в руках у оконной рамы, и даю короткую очередь, укладывая ближайшего тау. Пули пробивают его живот и грудь.

отрывают куски от бронированного панциря. Полковник целится ниже в другого. Очередь прошивает линию вдоль стены, после чего пробивает коленную чашечку воина. Ориель выпрыгивает из двери, стреляет на ходу и с превосходной кучностью прожигает шлем третьего.

Я сам вылетаю из задней двери и перекатываюсь влево напротив остановившегося теперь вагона, используя заднюю часть транспорта в качестве укрытия. Воин Огня разворачивается, чтобы убежать в один из арочных проходов, но я целюсь быстрее. Выстрелы бьют его в верхнюю часть спины и откидывают вперед. Он кудыркается, после чего пытается встать на ноги, все еще живой, но оглушенный. Открывает ответный огонь из громоздного карабина, выстрел которого выгрызает огромный кусок из вагона, и я вынужден нырнуть обратно.

Быстро остотревшись, замечая, как Квидлон стреляет изнутри вагона. Его залп лазерных разрядов вливается в воина Огня и снова опрокидывает того.

Именно в этот момент раздается глухой взрыв справа от нас — взрывчатка Троста. Пронзительный вой сирен наполняет воздух.

— Удите к силовому комплексу! — орет Полковник. Следую за Ориелем и Морком на другую сторону станции, в поисках Пресветлого Меча. Им нужно будет выманить командира на открытое пространство, чтобы Таня могла выстрелить. Про себя молюсь Императору, дабы он их защитил.

Квидлон и Таня присоединяются к нам у ближайшего арочного прохода.

Весь механизм пришел в движение, отточенный часами, днями и неделями, проведенными на "Лаврах Славы". Все идет в точности, как в тренировочном ангаре. Нам предстоит пройти через арку, войти в следующую дверь слева, дальше в третью дверь справа по коридору и через область джунглей. Пройти на другую сторону еще через пару дверей и оказаться на центральной площади, у входа в силовой комплекс и оружейную.

— Все помнят тренировки? — говорю

я остальным. — Давайте, штрафники, пришло время умирать.

На этих словах швыряю дымовую гранату через арку, и через пару секунд ныряю туда следом. Вокруг меня от выстрелов взрываются стены, слишком близко, чтобы было приятно, и я падаю на землю, открывая ответный огонь по коридору. Таня бежит через туннель и занимает укрытие у следующего дверного алькова, Квидлон следует за ней, стреляя при этом от бедра. Вскидываю на ноги, вокруг барабанит еще одна очередь, и без устали бежим. Магазин пуст, так что я вытаскиваю его и отбрасываю, со щелчком и легкостью, дарованной тренировкой, вгоняю на место новый. Еще один коридор, улетает еще одна дымовая граната. Пока мы бежим по нему, Квидлон стреляет через арку, и до меня доносится чей-то вскрик от боли.

Добегаем до закрытого входа, и я подаю сигнал Квидлону — открыть его. Он осматривается в поисках панели доступа и находит ее как раз над полом внутри арочного свода.

--- Давай, Мозги, у нас в запасе нет
дня, --- шепчу я ему, после чего стреляю,
заметив движение справа от меня.
Оглядываюсь и вижу, что он открыл
панель, а в его руках странно выглядящий
инструмент, похожий на пару компасов из
кристаллов и проводов. Раздается
шипение и, открываясь, дверь скользит в
сторону.

Таня ныряет туда первой и секундой
позже стремительно вылетает обратно.
Позади нее взрыв сотрясает комнату.

--- Гранаты! --- говорю я им. Квидлон
швыряет одну в дверь, которая на секунду
позже летит вслед за мной, снятой с пояса.
Двойной взрыв разбрасывает шрапнель по
огромной области, а в воздухе повисает
гари взрывчатых веществ. Еще один взрыв,
на этот раз намного громче, сотрясает
стены, и я вижу, что дальше туннель
завален кучами обломков. В слепую
отстреливаясь из лазгана, через дыру в
стене врывается Трост.

Хватаю Таню и пихаю ее вперед,
толкая перед собой, пока мы не добираемся
до следующего алькова. Дым, пыль и

желтое освещение делают все туманным и грязным, угрожая при этом забить мой рот и нос. Таня достает лазерный резак и начинает возиться со следующей дверью, а мы в это время прикрываем ее огнем. Еще три воина Огня падают дальше вниз по узкому коридору, но еще больше, исчезая из виду, ныряют в укрытия. Слышу шипение лазерной горелки, плавящей дверь, и через секунду Таня кричит нам, что она внутри.

Пробравшись через щель, я оказываюсь в центре джунглей, как и ожидал. Влажность и жара заставляют мою кожу моментально покрыться потом, и через некоторое время мои глаза подстраиваются к царящей тьме относительной тьме. Тростник устанавливает растяжку рядом со щелью, а мы занимаем позиции около опушки, где огромная листва папоротников доходит нам до талии.

--- Дроны! --- рывкает Таня, поднимая снайперскую винтовку налево.

Бросаю в ту сторону взгляд. Через листву к нам парит полдюжины этих устройств. Они представляют собой

күполообразные диски, примерно метр в диаметре, ошетилившиеся толстыми антеннами из изогнутых лапшек, и у каждого свисает по паре подвесных орудий, которые гудят и вертятся, сканируя джунгли в поисках нас. Таня открывает огонь, единственным выстрелом сбивая ближайшего. Его расколотый корпус разбрасывая искры и вращаясь, падает на землю. Мы с Квидлоном стреляем в следующих. Совместный залп из лазерного огня и пуль отправляют еще трех дронов в неуправляемый полет, и те разбиваются о деревья или закапываются в кусты.

Оставшиеся два открывают ответный огонь, и мы ныряем под укрытия. Пули вырывают из опущенных куски размером с кулак, и те разлетаются повсюду, забрызгивая меня сладко пахнущим соком. Перекатываюсь вбок через напоротники, опавшую листву и, оказавшись на спине, открываю огонь. Пули рикошетом отлетают от одного из дронов, тот в полете начинает сильно вибрировать, но восстанавливает управление и опускается, скрываясь из

вигу. Умненький таленький хитрец.
Единственным предупреждением с
выстрелах дрона служит поднятая пелена
опавшей листвы. Я вскакиваю на ноги и
ныряю в сторону, неуклюже приземляясь за
поваленным стволом дерева. Пули
прошивают листву на уровне колен, ствол
дерева раскалывается — дрон, должно
быть, парит над самой землей. Огн из
них прошивает гнилое дерево насквозь,
оставляя мне глубокий кровавый порез на
задней поверхности ноги, чуть ниже
колена, но не задевает кость. Сжимаю от
боли зубы и вслепую отстреливаюсь,
положив автоган на ствол и опустошая
остатки магазина.

Вознав новую обойму, выглядываю над
поваленным стволом. И вижу как прямо ко
мне парит дрон, а его слегка дымящиеся
пушки вертятся влево-вправо. Когда он
оказывается всего в паре метров от меня,
выскакиваю из укрытия и прыгаю на эту
штукатурину, приземляясь ей прямо на
такую.

Дрон уклоняется в сторону, пытаясь
сбежать, я бросаю автоган и хватаюсь за

его круглый край обеими руками. Мои
мускулы напрягаются, борясь с его
антигравитационными двигателями,
когда я разворачиваю его вертикально. Его
пушки бешено вращаются, стараясь взять
меня на прицел. С воплем я срываюсь в бег
к ближайшему дереву, толкая грона перед
собой, и впечатываю его в ствол. От коры
отлетают щепки, а одно из орудий
вырывается из креплений. Снова врезаю и
об дерево и так еще четыре раза, пока
моторы не утихают и грон внезапно
становится очень тяжелым. Кидая его на
землю, где тот несколько секунд
нерешительно качается, а потом
затихает. Угу обратно, подбираю свой
автомат и кричу остальным.

Первой появляется Таня, ее правая
щека кровоточит — в лицо впились щепки
от дерева.

— Еще чуть ближе, и я бы потеряла
бы глаз, — говорит она мне, садясь рядом с
деревом и вытирая кровь своей манжетой.
Квидлон и Трост появляются вместе, их
явно не задело.

— Думаю сюда, но я потерялся во

время боя и теперь все вокруг кажется одинаковым, так что может быть я не прав, -- выдает Квидлон, указывая на след слева от нас.

-- Проверь свой радиокотпас, идиот, -- говорю я Квидлону, и тот вытаскивает из-за пояса магнитный котпас, крутит верньеры для правильного расположения. Качает головой и снова крутит.

-- Он не работает, -- говорит, качая головой, -- мне кажется, у тау есть какие-то генераторы помех, или возможно структура купола гасит сканирующие лучи.

-- Если бы ты не прирезал Глаза, мы бы знали наверняка, -- рычит Трост, проверяя счетчик выстрелов на своем лазгане.

-- Забудьте о прошлом, нам лучше двигаться, чтобы не стать мишенью для новых дронов или чего похуже, -- отрезаю я, выбивая котпас из рук Квидлона.

-- Судя по ракету на "Лаврах Славы", тут должен быть только один выход. Как только найдем его, так сразу же поймем, где находится.

--- Ага, а тау нас просто так взяли и
отпустили, да, Последний Шанс? ---
сплевывает Трост, поднимая Таню на
ноги.

--- Нет, но мы можем сделать так,
чтобы они два раза подумали, прежде чем
переходить нам дорожку, --- говорю я им, ---
давайте, меньше споров, больше дела.

Продвижение по джунглям медленное,
нас задерживает подлесок и
необходимость все время быть настороже.
Эта область шириной всего пару сотен
метров, но мы не торопимся, не желая
неожиданно вылететь на тау. Примерно
через десять минут Трост свистит,
падает на землю, и мы следуем примеру.

--- Движение, двадцать, может быть
тридцать метров слева, --- шепчет он.
Встаю вприсяд и вижу, что он прав. Меж
деревьев осторожно пробираются воины
Огня. Непонятно сколько их, может быть
полдюжины, может быть больше.
Указываю вперед, и все кивают, понимая
план. Держа меж собой и тау деревья, мы
ползем к низким кустам и ждем, пока враг
пройдет мимо нас. Первые несколько

проходят не замечая нас, но затем мимо меня жужжит дрон и останавливается.

--- Вперед! --- ору я, кидаясь на землю. Оружие в моих руках вспыхивает выстрелами. С этого расстояния я не могу промахнуться, и дрон взрывается ливнем горячей шрапнели. Тау разворачиваются, но я уже около них. Впечатываю приклад автомата в шлем ближайшего и разбиваю небольшое скопление линз на том месте, где у него должны быть глаза. Следующий в шеренге поднимает ружье, дабы разорвать меня на части, но я отпинуваю дуло в сторону, и выстрел распарывает его товарища. Практически шинкует его на две половинки. Меняю направление удара ноги и с силой загоняю ботинок в грудь тау. Тот плюхается на спину, я прыгаю на него, втыкаю автомат ему под подбородок и вдавливаю спусковой крючок. Макушка его шлема и содержимое кровавыми брызгами разлетается по листве.

Поднимаю взгляд и вижу, как Квидлон втыкает нож в пах другого воина Огня, в то время как Трост вколачивает кусок скалы в голову еще одному тау. Два

оставшихся бойца разворачиваются и бегут, но Квидлон хватает свой лазган и, прежде чем те скрываются из виду, срезает обоих плотным залпом лазерного огня. Делаю паузу, дабы перевести дыхание, осматривая искалеченные тела. Пусть уж лучше их тела, чем мое.

Направляемся туда, откуда пришли тау, полагая, что они пришли из двери, которую мы ищем. Примерно через сто метров путь нам преграждает водный поток, разрезающий широкую поляну. На этой поляне, этот выгладит как огневой фонтан. Хорошие линии огня со всего периметра, где плещется и течет ручей. Но в данный момент время уже против нас, и нам некогда искать лучшее место или идти вниз по течению. Атака дронов и так выбила нас из расписания, так что нам нужно как можно скорее выбираться отсюда и бежать к центральному залу.

Краем глаза ловлю движение на поляне и инстинктивно поднимаю лазган, готовясь открыть огонь. Приглядываюсь, но все что вижу — листву и кусты. Затем справа от меня снова

возникает движение, и я быстро перевожусь. Сосредоточенный взгляд в это место, но там снова ничего. Пригнув голову, взглядываюсь через поросль, стараясь разобратить, что там движется. Теперь я точно отмечаю движение чего-то, но оно определенно не похожего на тау. И только затем мое внимание перемещается на огромный ствол дерева, стоящего прямо напротив того места, где я сижу на корточках. Взглядываюсь в глубокие трещины коры, бегущей вверх и вниз, понимаю, что они немого согнуты и скручены. Странно то, что изломанные линии идеально напоминают очертания гутанюга.

— Хитрые ублюдки, — шепчу я сама себе, прицеливаясь в то место, где по моим расчетам находится голова почти невидимого воина. Мягко нажимаю на спусковой крючок. С треском через поляну пролетает единственная пуля и врежется во что-то перед деревом. И вот тогда я вижу, что к земле летит фигура, которую свет каким-то образом огибает, делая почти что невидимой. Затем

разверзается аг. Отовсюду вокруг нас откуда-то из-за деревьев вспыхивают выстрелов. Нас обстреливают со всех сторон, массированные залпы сходятся на наших позициях, разрывают листву и кусты, вбиваются в толстые стволы деревьев и раскидывают вокруг нас твердые как железо щепки. Мы вынуждены спешно нырнуть обратно в укрытия.

--- Как мы пройдем? --- спрашивает Трост, прижавшись спиной к дереву и нервно поглядывая из-за плеча. --- Я их даже не вижу.

--- Один из нас оттягивает на себя огонь, а остальные стреляют по ружейным вспыхкам, --- говорю я.

--- Великолепно. Ну и кто же сыграет роль мишени? --- спрашивает Трост, явно не горя желанием стать добровольцем.

--- Я пойду, --- говорит Таня, и прежде чем я останавливаю ее, кидается к поляне. Мы с Тростом быстро бежим за ней, поглядывая деревья в поисках движения. Таня выскакивает из листвы на пару секунд, а затем снова скрывается из виду, но не раньше, чем там открывают огонь.

Вижу вспышку пламени выстрела слева от меня и быстро открываю огонь, опустошая полмагазина, потом перевожу прицел на движение справа, используя оставшуюся часть боеприпасов. Выкидываю пустой и направляю свежий. Уже нет трех магазинов, а еще во столько перестрелок придется вступить.

— Гоним их! — кричу я, пригибая голову и кидаясь в сторону, бешено палая при этом от бедра, после чего падаю в укрытие, представленное неглубоким берегом ручья. Они открывают ответный огонь, который взбивает десяток воронок в воде вокруг меня, и я быстро сгибаю ноги, увозя их с линии огня. Стреляю в ответ, целясь в кусты, из которых видел три или четыре вспышки света. Там раздается треск искр и что-то падает в кусты, пригибая под ними листву. Слышу выстрелы справа, и вижу, что Трост целится в то же место. Снова открываю огонь, догадываясь, что там укрылось несколько атакующих. Что-то с гудением пролетает у меня над головой, пропахивает борозду на берегу и

взрывается, заваливая меня грязью.

--- Подрывник, устрой-ка фейерверк! ---
оружу я Тросту, который теперь чуть выше
по течению от меня. Он показывает мне
большой палец и вытаскивает из своего
ранца большую канистру, размером
примерно с мое предплечье. Выдернув чеку,
он зашвыривает ее к передней линии
деревьев. Смотрю как она, кружась, летит
по воздуху.

--- Не смотреть! --- орет Трост, но
слишком поздно. Я как раз отворачиваю
голову, когда бомба взрывается, и кругом
расходится волна белого света, обжигая
сетчатку и вызывая тем самым пляшущие
пятна перед глазами. Чувствую, как кто-то
хватает меня за плечо и ставит на
ноги.

--- Давай за мной, --- пыхтит мне в ухо
Таня, и я, шатаясь, перехожу на бег, пока
она тащит меня через поляну. Чувствую
запах гари, ощущаю, как под ногами
хрустит обугленная земля. Быстро
проморгавшись, ко мне возвращается
зрение --- сначала пятна желтого и
зеленого, но через несколько секунд

проступают туманные очертания кустов
и серое пятно, я так понимаю Квидлон или
Трост.

--- Дверь недалеко, --- слышу Квидлона
и протираю глаза. Теперь я вижу его более
четко.

--- У тебя есть еще зажигательные,
Подрывник? --- спрашивает Таня.

--- Осталась только одна, --- отвечает
он.

--- Лучше побереги ее, --- говорю я, ---
используй обычные гранаты.

Мы бежим к выходу, который не так
хорошо охраняется, и десять минут
уничтожены тремя одновременными
взрывами.

--- Я думала, что выбраться будет
сложнее, --- признается Таня, пока мы
несемся по коридору к входу в
энергетический зал.

--- А это потому, что большая часть
пошла за мной, --- говорит нам Трост, --- я
подозреваю, что сотворил такой адский
бабах, что почти снес половину купола.

--- Там и Полковник устроил погром, ---
напоминаю я им, когда Таня опять

берется за лазерный резак, — нам нужно сохранить преимущество внезапности. Не знаю, насколько быстро они ответят, но что-то подсказывает мне, что там очень быстро соберутся.

— Я внутри, — информирует нас Таня, закрывая резак и цепляя его за один из ремней ранца.

— Придерживается плана, — говорю я, готовя дымовую гранату. До башни держитесь ниже, а затем внутрь. Подрывник и я держим атакующих, Мозги тем временем отрубает питание и закрывает двери. Снайпер бежит к вершине башни и готовится выстрелить. Любые неприятности — только крикните и я прибегу.

— Поняли, Последний Шанс, — говорит Таня, и кивает, вытаскивая одну из своих дымовых гранат, — увидимся наверху башни.

Закатываем гранаты через открытый Таней пролом. Я смотрю ит

вслед и вижу, как за нити повсюду расходится густой синий дым.

— Вперед! — я шлепаю Таню по

загннице, и она прыгает через дыру, за ней
Квидлон. Слышу очередь и быстро ныряю за
нити, Трост замыкает. Несусь через дыру,
даже не пытаясь отстреливаться, пока
вокруг меня визжат и свистят пули, и
почти что влетаю мордой в стену башни.
Что-то взрывается у меня над головой, и
меня закидывает осколками от стен.

--- Все внутрь, живо! --- рявкаю я на
остальных, и те направляются к двери.
Взираю через прицел и вижу размытые
очертания слева и справа, выбирая, куда
стрелять. Пускаю одну очередь влево и
вижу, как кто-то падает. Затем еще одну
вправо, и та залпом сшибает тишень с ног.
Делаю пару шагов вдоль стены, чтобы
поменять позицию. Ответный огонь тут
же начинает высекать осколки из пола и
стены, где я только что стоял. Я стреляю
в ответ, ориентируясь по дугльным
вспышкам, и слышу приглушенный вскрик,
когда пули попадают в цель. Еще пару
шагов, и я вижу, как Трост у двери
отчаянно мне машет.

--- Что случилось? --- спрашиваю я,
спешно подбежав к нему.

--- Квидлон ушел в сатоволку, свалив
на другую сторону башни, --- говорит он
мне, показывая за плечо большим пальцем.

--- Ладно, держись здесь, я притащу
этого тупого фразгера обратно, --- говорю
я саботажнику.

Внутри башни огромное открытое
пространство, единственная спиральная
лестница уходит на следующий этаж,
огибая центральный столб, а небольшие
площадки через равные интервалы уходят
к потолку. Поднимаю взгляд и вижу, что
Таня все еще несетя по лестнице, ее
винтовка за спиной, поскольку она
держится за центральную колонну, так
как на лестнице нет перил.

Возвращаюсь к непосредственной
проблеме. Выглядываю через круглый
проход напротив двери, который все еще
открыт. Бросаю взгляд наружу, тау не
видно, но перед парой тяжелых
бронированных дверей стоят пять пустых
боевых скафандров, рядом с которыми
ошивается Квидлон. Скафандры открыты,
передняя часть корпуса свешена, панели на
бедрах опущены, демонстрируя кабину

внутри. Оглянувшись, я бегом пересекаю открытую местность до Квидлона.

--- Эй, Мозги, какого флага ты тут делаешь? --- ору я на него.

--- Разве они не великолены? --- спрашивает он, улыбаясь как идиот. --- Ты только подумай, если мы возьмем один из них, то нас никто не остановит, и мы без проблем посечем воинов Огня!

--- Если мы сейчас же не двинемся, мать твою, дальше, тогда кучка тау-ублюдков в этих самых скафандрах придет за нами, и у нас не будет и шанса, --- рывкаю я на него, хватая за плечо и разворачивая, --- а теперь отрубай долбаное питание, пока не прибыло подкрепление на гравипоезде!

--- Я только быстренько взгляну, --- говорит он, отмахиваясь и делая шаг к ближайшему боевому скафандру.

--- У нас нет времени на это дерьмо! --- ору я на него, хватая за руку. Он внезапно поворачивается и кулаком врезает мне в живот, сшибая на колени.

--- Отвали, Последний Шанс, --- отрезает он, --- я, может быть, умру здесь,

но перед уходом хочу заглянуть в одну из этих машин.

Он карабкается на скафандр, но я прыгаю вслеп за ним и стаскиваю обратно на землю. Он с легкостью выскальзывает из моей хватки и пинает меня в пах. Этот удар я едва успеваю остановить бедром. Да, я хорошо его обучил. Его кулак толотом врежется в мой правый глаз, в этот раз намного быстрее, чем он когда-либо действовал на тренировках. Ошеломленный падаю на задницу, а он снова карабкается вверх.

Опущенная передняя сторона бедра позволяет мне заглянуть внутрь. Внутри сидение, окруженное панелями дисплеев и рядами подсвеченных кнопок. Закинув ногу внутрь, Квидлон плюхается на сидение, и я вижу, как его ноги уходят в бедра скафандра. С шипением вокруг его ног закрываются зажимы, фиксируя на месте.

Когда я, держась за живот, вскакиваю на ноги, он тыкает в одну из кнопок. Раздается высокочастотный звук, и голос тау произносит что-то.

— Выходи отсюда. Ты не знаешь,

что делаешь! -- ору я на него.

-- Отвали, Последний Шанс! -- орет он в ответ, а в его глазах плещется безумие и одержимость. Лево́й ру́кой он хватается за короткий джойстик управления, а правой тыкает в кнопки.

-- Думаю, разобрался, управление на самом деле достаточно простое, все на своих местах.

Бедерные панели защелкиваются на место, с лязгом запечатывая броню, затем с завыванием приводов опускается фронтальный фонарь. Последнее что я вижу -- широченную ухмылку Квидлона. Мгновение скафандр стоит неподвижно, и меня разбирает любопытство, а вдруг у него и правда все получится.

Затем боевая машина начинает дико вибрировать, яростно трясясь пару секунд. После чего грудная пластина с шипением открывается снова. Фонарь поднимается на петлях, являя зажаренный труп на сидении. Тот все еще дышит, а обожженные губы натянуты в безумной ухмылке. Несколько разрядов энергии все еще бегают меж двух жезлов, вставленных

с разных сторон в голову Квиглона. Жезлы бесшумно убираются обратно в борты кабины. Бедро откидывается вниз, открывая его изуродованные ноги — куски сожженной плоти на костях. Вонь горелого таска долетает до моего обоняния, и я закрываю рот руками. Тяжело сглатываю, чтобы остановить рвотные позывы.

— Ты тупой кусок сточного говна! — ору я на шелушащееся тело Квиглона. Полностью потеряв самоконтроль, я делаю пару выстрелов в дымящиеся останки, и те рассыпаются грудой пепла и костей, выплескиваясь из скафандра. Плюю на пепел и пинаю его, разбрасывая вокруг себя куски плоти и кости.

— Тупой, фракнутый, тупица, сукин сын, глупый фразгер! — хрипло ору я, подчеркивая каждое слово пинком, после чего беру себя в руки.

Задыхаясь стою на месте и вззираю на слегка дымящийся боевой скафандр. Достая гранату с пояса и зашвыриваю на сидение, после чего отхожу назад. Взрыв разносит кабину на части, раскидывает разбитое стекло и куски панели

управления, которые падают среди
сгоревших останков Квидлона. Осознавая,
что у меня осталось не так много гранат,
и с помощью автогана расстреливаю
оставшиеся четыре, посылая короткие
очереди в каждый. Стрельба
вознаграждается электрическими
искрами и небольшими язычками пламени,
что прорываются через различные
контрольные панели.

Оружейные выстрелы привлекают
мое внимание обратно к башне, и я
разворачиваюсь на пятках и несусь к ней.
Бросив взгляд налево, я замечаю, как в зал
входят воины Огня. Даю несколько
коротких очередей, один из них падает, а
остальные вынуждены скрыться с глаз.
Добегаю к башне, где Трост
отстреливается через грубой проход.
Заглядываю ему через плечо и вижу еще
больше распростершихся посреди главного
зала воинов Огня.

— Сдерживай их тут, а я проверю
Снайпера, — говорю ему, после чего несусь
вверх, перепрыгивая сразу через две
ступеньки, и не обращаю внимания на тот

факт, что могу упасть и разбиться, если сделаю неверный шаг. До вершины тяжелый забег, проношусь мимо комнат, полных инструментов и мерцающих контрольных панелей, но в конечном итоге вылетаю на открытую платформу.

Таня присела за паранетом, прижав к груди снайперскую винтовку. По окружающим стенам со звоном лупят пули, так что я пригибаюсь и перекатываюсь к ней.

--- Как дела? --- спрашиваю я, вытаскивая магазин, дабы проверить, сколько осталось патронов. Примерно половина.

--- Они знают, что я тут. Я не могу сделать прицельный выстрел под таким огнем, --- отвечает она, скорчив гримасу.

--- Ну и какой из тебя незаметный стрелок, --- отрезаю я, червяком ползя вперед, в то время как пули отрывают куски от края паранета.

--- Они появились и сразу начали стрелять. Они уже знали, что я буду тут, хотя и не видели меня, --- рычит она в ответ, одаривая кислым взглядом.

--- Нас очень быстро тут окружают, если мы не будем осторожны, --- говорю я, вставляя магазин обратно в автомат.

Выглядываю из-за парапета и посылаю три выстрела в группу воинов Огня, присевших у одного из арочных проходов в центральный зал. Они ныряют в укрытие. Снова скрывшись из виду, я переползаю к противоположному краю платформы и быстро заглядываю за него. С другой стороны к нашей позиции приближаются еще семь воинов Огня. Я снова вскакиваю, даю две короткие очереди, четко попадаю в одного из тау, после чего снова ныряю.

Внезапно слышу чей-то крик на тау, голос намного глубже, чем я слышал раньше. Подползаю к Тане, и она кивает. Мы оба смотрим вниз --- там стоит высокий чужак в гладких красных одеждах, командующий отрядом воинов Огня.

--- Это Пресветлый Меч! --- шепчу я ей, она снова кивает и наводит снайперскую винтовку. И затем я слышу еще один крик, на сей раз на готике.

--- Он направляется к оружейной,

остановите его! -- слышу я рев Ориеля, и вижу, как инквизитор и Полковник выскакивают из другого арочного прохода, их оружие выплевывает пули, а в руках окровавленные ценные мечи (nn). За ними бежит Морк, стреляя в разбегающихся по залу воинов и укладывая пару. На пару секунд присоединяюсь к их пальбе, но не могу прицелиться в Пресветлого Меча. Другое отделение воинов Огня перехватывает Ориеля и остальных, загораживая им линию огня на командира.

-- Давай, Снайпер, вали его! -- рычу я на Таню, но она не отвечает. Когда ответный огонь заставляет меня снова нырнуть в укрытие, я оглядываюсь на нее. Она на месте, присела над винтовкой, целится. Но не стреляет, просто медленно следует за ним.

-- Император прокляни тебя, да стреляй уже! -- рычу я, но она игнорирует меня. Ее руки начинают дрожать, я вижу, что дуло подпрыгивает.

-- Давай тише, расслабься, дыши, а затем пришей этого ублюдка, -- говорю я, стараясь оставаться спокойным. Стою

рядом с ней в полуприсяде и отчаянно
желаю, чтобы она нажала на спусковой
крючок. Давай же, я про себя уже ору на нее.
Давай, будь ты проклята! С придуренным
рыданием она роняет винтовку, и та
лазгает по платформе.

--- Ты ранена? --- ору я на нее, прыжком
показываясь рядом. Она свернулась в клубок,
подняв руки над головой в жесте защиты, и
сквозь ружейный грохот и треск лазганов,
я слышу ее рыдание.

--- Таня, ты ранена? --- требую я
ответа, хватая ее за плечо. Она не
сопротивляется, и когда я отвожу ее руку,
то вижу, как по щекам струятся слезы.

--- Я... я не могу, --- всхлипывает она, ---
прости, Кейдж.

--- Тупая идиотка... --- я настолько
рассержен, что теряю дар речи. Тыльной
стороной руки отвешиваю ей пощечину.

--- Ты даже себе представить не
можешь, что только что натворила.
Теперь мы все трупы.

--- Прости меня, --- снова извиняется
она меж рыданий и всхлипываний.

--- Теперь ох как, мать твою, поздно, ---

оружья на нее, поднимая за волосы и ставя на ноги. -- Хватай винтовку, нам нужно бежать из башни.

Он тупо стоит секунду и непонимающе смотрит на меня.

-- Хватай свою гребаную винтовку солдат, и стываемся! -- ору я ей в лицо. Вроде бы наконец-то поняла, поскольку пронагает стеклянный взгляд, и она хватается за свою винтовку. Она еще раз бросает на меня взгляд и затем бежит к лестнице. Последний раз заглядываю за край башни, как раз тогда, когда Пресветлый Меч и телохранители исчезают в широком проходе ровно за поврежденными боевыми скафандрами. Бежу вслеп за Таней, на ходу меняя магазин, и делаю над собой усилие, чтобы притормозить на этой опасной спиральной лестнице. Скатиться вниз и сломать себе шею будет самым тупым способом уйти из жизни. В конце концов, я чертовски уверен, что тау будут со всем пылом пытаться убить меня, так что не хочется портить им все веселье.

Когда сбегая вниз, Трост

оборачивается ко мне.

--- Что случилось? --- спрашивает он, переводя свое внимание то на меня, то на воинов Огня снаружи.

--- Пресветлый Меч сбежал. Нам нужно убираться отсюда, --- говорю я, направляясь к гругой двери.

Вижу как Ориель, Морк и Полковник сошлись в рукопашной с отделением воинов Огня. Вот что я скажу, у тау конечно впечатляющие пушки, но они ни черта не смыслят в рукопашном бое. Шеффер и инквизитор с легкостью рвут их на кусочки цепными мечами и направляются к нам.

За ними появляются еще воины Огня, и я прикрываю отряд, выпустив очереди по паре патронов, зная, что у меня остался только один магазин. Морк останавливается и разворачивается, так же делая пару выстрелов в тау, и снова заставляя их скрыться. Первым к башне подбегает Ориель.

--- Куда он ушел? --- требует он ответа, хватая меня за отвороты камуфляжной рубашки. Я указываю на

зверь, которые в данный момент уже закрыты.

--- Он попал в оружейную, --- тяжело произносит Полковник, от недавнего боя его грудь ходит ходуном, --- теперь все будет гораздо сложнее.

Он и инквизитор отталкивают меня прочь, Морк трясцой бежит за ними, на ходу отщелкивая батарею лапгана.

--- Снайпер погвела нас, --- горько произносит он.

--- Угу, погвела, --- соглашаюсь я, --- самое время убираться на хрен.

--- Задание еще не завершено, Последний Шанс, --- говорит он, загоняя свежую энергоячейку.

--- На случай, если ты не заметил, миссия горит как фитиль заряда, а потом будет гребаная катастрофа, --- рычу я ему, стараясь протолкнуться мимо, но он хватает меня за руку. Рывком освобождаюсь.

--- Все кончено, мы оплошали, теперь самое время линять!

--- Ты дезертир, лейтенант Кейдж? --- злое спрашивает он, размахивая в мою

сторону лазганом.

--- Да, я чертов дезертир! А ты больше не комиссар, Морк! --- указываю я ему. --- Тебе нет нужды ползать здесь.

--- Нет, я не комиссар, --- злобно отвечает он, --- Я --- Герой. Ты забыл об этом? Герой! Вот почему я не отступаю и не бегу, и не дезертирую посреди задания, и именно по этой причине ты больше не сделаешь ни шагу.

--- Это бред, --- рычу я на него, --- тут что, недостаточно тау, чтобы еще и стрелять друг в друга? Сегодня мы проиграли битву, но возможно Пресветлый Меч напуган настолько, что мы победим в войне. Давай на шаттл, выживем, чтобы сражаться в другой раз. Да какого черта, я сам добровольцем вызовусь в оборону Саркасы, но здесь не останусь ни секундой дольше!

--- Стоять на месте, лейтенант, --- слышу я, как рывкает Полковник. Он проходит через дверь и машет Морку уйти с дороги.

--- Пристрели меня, заруби, мне уже плевать! --- ору я на Полковника. --- Я валю

отсюда, и на этот раз не вернусь за тобой.

Полковник улыбается, а затем выражение лица становится трагичным.

— Слишком поздно, — отвечает он просто, указывая мне за плечо. Я оборачиваюсь. Двери оружейной без труда скользят в стороны, и я понимаю, почему Ориэль был так уверен, что Пресветлый Меч пройдет мимо огневой позиции Тани.

ОЩУЩАЮ, как трясется земля под ногами, когда пять боевых скафандров идут к нам, шагая меж дымящихся останков тех, что стояли перед дверьми. С поднятыми пушками они топают прямо к нам. Пресветлого Меча легко опознать: его скафандр украшен сильнее, чем остальные, а на передней бронепластине запутанный узор тау. Многоствольная пушка на его правой руке наводится в нашу сторону, а ракетная установка на плече поворачивается к башне. В его левой руке какое-то устройство-щит. Вижу, как оно потрескивает от пробегающей энергии. Его телохранители вооружены теми же многоствольными пушками, и другими

смертоносными приспособлениями.
Чувствую, как подгибаются ноги, и падаю
на колени. Время, кажется, замедлилось.
Вижу, как четыре дула пушки
Пресветлого Меча начинают
раскручиваться, их скорость возрастает, а
затем взрывными вспышками света они
начинают стрелять. Снаряды кромсают
стену как раз у меня за спиной.

Слышу, как Шеффер с проклятием
ныряет обратно в башню, а кто-то зовет
меня по имени, должно быть Морк. Вдруг
резко в голове все становится на место,
рев пушек оглушителен, я ныряю в другую
сторону и перекачиваюсь, ощущая, как
ударами хлыста забивают вокруг меня
пули. Что обжигающее болезненно ударило
меня в ногу, и я снова растянулся на земле.
Оглянувшись, замечаю, как кровь стекает
из дырки в правом ботинке. Подавив крик
боли, вскидываю автоган и открываю
огонь, поливая Пресветлого Меча. Пули
бесполезно рикошетируют случайными
искрами от его боевого скафандра,
оставляя на нем только крошечные
вмятины. Один из телохранителей

отходит в мою сторону и тыкает в меня явно огнеметом. Спешно вскакиваю на ноги, игнорируя жгучую боль в ноге, и ныряю в укрытие башни за мгновение до того как струя пламени с треском проносится мимо меня, по пути проливая горящее топливо на пол главного зала. Меня обдаёт волна жара, аж глаза болят.

Справа от меня вижу, как остальные бегут от башни. Пару секунд спустя серия взрывов разрывает башню изнутри, пламя лавиной вздымается из выходов. Пытаюсь встать, но ноги не слушаются, так что я резко падаю к стене башни. Боевой скафандр с огнеметом топчется за углом, и слышно, как жужжит его оружие, раскачиваясь из стороны в сторону в поисках целей. В конце концов, он, не заметив меня, наводит огнетет на бегущих штрафников Последнего Шанса. Последние несколько патронов в магазине посылаю в канистру с топливом для огнемета на его левой руке. Канистра взрывается, левый бок бронированного скафандра охвачен огнем, а от взрыва во все стороны разлетается расплавленная

шлангель. Пилот скафандр игнорирует повреждения и разворачивает в мою сторону пушку. У меня есть только один возможный путь побега, так что я ныряю меж ног боевого скафандра, как только он открывает огонь.

Скафандр с трудом разворачивается ко мне лицом, вынуждая меня снова выворачиваться. Залетаю за угол дымящейся башни и прыгаю внутрь как раз в тот момент, когда Пресветлый Меч открывает огонь. Позади меня пули вырывают из пола огромные куски. Внутри башня покрыта щебнем от разрушенной лестницы, на стенах грязные, огромные трещины. Моя нога немеет, и я, тяжело хромая и заваливаясь на бок, бегу к другой двери. Остальные укрылись в твердом алькове на дальней стороне главного зала и безрезультатно стреляют в боевые скафандры, которые разделились и обошли башню с разных сторон.

Когда бегу к выходу, нога соскальзывается на мусор, и я подворачиваю искаленную ступню. Стукнувшись головой об пол, издаю крик

от боли. Поднимаю глаза и вижу, что надо-
лной возвышается черная броня
Пресветлого Меча, его одна нога поднята,
дабы впечатать меня в пол.
Перекатываюсь под ступней скафангра,
которая втаптывает мусор буквально в
сантиметре от моей ноги. Но твердому
полу главного зала безум трещины.

Когда я вскакиваю на ноги,
Пресветлый Меч стремительно
разворачивается на одной ноге, дуло его
пушки врежется мне в грудь и
откидывает к стене башни. Ощущаю, что
внутри меня что-то ломается, возможно,
пара ребер, а дыхание становится
отрывистым и напряженным. Командир
тау еще раз затахивается, и я тут же
падаю в другую сторону. Его удар выбивает
из стены острые осколки и засыпает меня
пылью.

Остальные направляют огонь на
Пресветлого Меча, пока он возвышается
надо мной, и вокруг нас свистят лазерные
разряды и пули. У меня появляется
странное ощущение, что я тут уже бывал
раньше. Затем я осознаю, что это

ощущение похоже на ночные кошмары, что я испытывал на шаттле. На самом деле, практически одно и то же — вокруг меня свистят пули, а над головой возвышается массивная фигура. Он разворачивается, поднимает руку со щитом, и пули начинают дико рикошетить во все стороны, а по диску пробегаются крошечные разряды энергии. Его щит все еще держится, и он снова замахивается на меня, практически снося мне голову.

Странно, но сейчас я совсем не напуган. Слово я каким-то образом знаю, что он все равно не убьет меня. Затем над треском лазганов и рокотом автоганов я слышу резкий хлопок. Что-то врежется в щит, после чего он взрывается ярким ливнем синих искр и падает на пол тремя разбитыми частями. Снова раздаются странные выстрелы, и бронебойные пули аккуратно прошивают боевой скафандр, кучно ложась в центре основной бронеплиты.

Командир так забывает обо мне и разворачивается к штрафникам, его скорострельная пушка поворачивается,

готовясь к стрельбе. Следующий выстрел
попадает в одно из дуг и раскалывает его.
Как только Меч открывает огонь, оружие
взрывается, начисто вырывая руку,
которая, вращаясь, пролетает мимо меня
и с лязгом падает справа. Те же выстрелы
быстрой очередью разрывают подпорки его
правой ноги, те деформируются под весом
костюма и вся громада заваливается на
бок.

От боекостюма раздается шипение, и
мгновение спустя секция торса
отстреливается на четырех маленьких
реактивных ускорителях, выкидывая
Пресветлого Меча из искореженной
машины. Четверо телохранителей
прыжками несутся к штрафникам,
которые направляются к гальнелу концу
зала. Боекафангры на реактивных
прыжковых двигателях глиняными шагами
преодолевают огромное расстояние.
Бросаю взгляд на спасательную капсулу и
вижу, что ее люк открывается. Остальных
уже отрезали. Телохранители находятся
между ними и Пресветлым Мечом.

— Ну, чужацкий придурок, сейчас я к

тебе придѣ, — рычу я, продвигаясь по
главному залу и оставляя позади себя
кровавые отпечатки ног. Телохранители
явно не знают о моем существовании.

Добираюсь до спасательной капсулы,
когда Пресветлый Меч уже полностью
выбрался. Рана на его руке обильно
кровоточит. Он падает на землю и
поднимает на меня свой злобный взгляд. Он
борочет что-то на тау и делает
глубокий вдох. Поднимаю сжатый в руках
автомат, но он не делает никаких попыток
остановить меня, когда я вбиваю приклад
ему в голову. Его череп трескается, а
удары заставляют тау заорать от боли.

Слышу визг металла о металл,
оборачиваюсь, и вижу, что облаченный в
броню боец-телохранитель стремительно
разворачивается в мою сторону. Не теряя
времени, я еще двумя ударами
расплюскаю мозги Пресветлого Меча об
пол, а затем начинаю ковылять в сторону
башни.

— Беги! — орет Ориель, кидаясь ко
мне. Один из боец-телохранителей
разворачивается к нему и открывает

огонь. Раскаленный добела визжащий
плазменный шар разрывается как раз за
спиной инквизитора, ослепляющей
вспышкой освещая отдаленную стену
купола.

--- Не могу! --- огрызаюсь я сквозь
сжатые зубы, когда он добирается до меня.
Телохранители разделяются. Двое из них
преследуют остальных штрафников, а
двое, включая одnorукого, с которым я
сцепился раньше, направляются к нам,
дабы нести возмездие за своего погибшего
командира.

--- Нам нужно встретиться с
остальными в транспортном терминале, ---
говорит мне Ориель, подставляя плечо
под мою руку и поднимая меня на ноги. Он
затаскивает меня в башню как раз в тот
момент, когда султаны взрывов снаружи
возвещают о ракетной атаке, и ударная
волна швыряет нас обоих на щебенку.

--- Ты можешь идти? --- спрашивает
он, неустойчиво поднимаясь на
съезжающем мусоре.

--- Да я, мать твою, выползу отсюда,
если понадобится! --- с жаром отвечаю я.

хватаясь за его руку и поднимаюсь.

--- Черт, еще воины Огня, --- ругается Ориель, бросая взгляд на противоположную дверь, --- слишком много открытого пространства нужно пробежать.

--- Давай, вперед, оставь меня тут, --- говорю я ему, но в ответ он просто смеется.

--- Ты оставь героичество Морку, --- говорит он.

--- В задницу героичество, я просто надеюсь, что ты отвлечешь остальных, --- огрызаюсь я, совершенно не удивленный, --- разве ты не можешь использовать какую-нибудь магию или что-то другое?

--- И что с ними сделать? --- рассерженно рычит он. --- Убедить их, чтобы они просто ушли? Думаю, не сработает.

--- Ну, я не знаю, --- ору я в ответ, заводясь, --- это же твоя гребаная сила, не моя. Заставь их посчитать нас убитыми, и они уйдут за остальными, а мы сможем дышать.

В двери появляется тень, и мы успешно скрывается из виду. Один из мау

запикивает внутри скорострельную пушку и дает очередь, разнося на куски противоположную стену и наполняя воздух пылью и летающими осколками.

--- Хорошо, я попытаюсь, --- соглашается Ориель, --- ложись и притворись мертвым. По крайней мере, если это не сработает, мы об этом уже никогда не узнаем.

Мы растягиваемся на щебенке и ждем. Стараюсь дышать как можно тише. Чувствую, что в ботинке сворачивается кровь, пыль забивает мне рот и хочется прокашляться. Закрываю глаза, чтобы не хотелось моргнуть. За дверью позади нас раздаются голоса тау, и я фокусирую свое внимание на острых кусках стены под собой, стараясь прикинуться мертвым, как камень. Слышу хруст шагов, судя по всему несколько чужаков, которые уже внутри. Что-то, должно быть дуло винтовки, тыкается мне в спину. Они опять переговариваются, и я слышу снаружи тяжелые шаги отступающего массивного боевого скафандра, а затем раздается очередь. Тау вокруг спешно удаляются.

оставив лежать нас на месте. Еще некоторое время лежу не шелохнувшись.

— Терпеливо жди, пока они не покинут зал, — слышу голос Ориеля, и затем осознаю, что он снова скорее внутри моей головы, чем на самом деле произносит это вслух. Медленно считаю про себя, представляя, как тау бегут через главный зал вслед за остальными штрафниками. После чего даю им еще пару минут, сажусь и вижу, что Ориель выглядывает из-за одной из дверей.

— На дальнем конце они оставили пару охранников, — говорит он мне, жестом подзывая взглянуть. Выглядываю и замечаю двух парящих боевых дронов примерно в сотне метрах от нас.

— Полагаю, нагнать их ты не сможешь, так что все придется делать по старинке, — говорю я, подбирая автоган с того места, куда я его отшвырнул.

— Ты берешь того, что справа, а левого, — говорит Ориель, переходя к другой двери.

— На счет три.

Я готовлюсь к стрельбе, используя

выщербленный и потрепавшийся проем
двери, дабы стабилизировать прицел.
Дроны парят на месте, медленно
вращаясь, чтобы своими искусственными
глазами и ушами приставривать за
башней и проходом в главный зал.

--- Раз... два... --- отсчитывает Ориель,
затем останавливается.

--- Кто-то идет! --- шепчет он мне,
ныряя обратно внутрь.

--- Кто? --- шепчу я в ответ, оставаясь
на месте.

--- Тау, без брони, --- говорит он мне, ---
возможно за телом О'вара.

Выглядываю и вижу, как к башне
осторожно пробирается тау, каждые
несколько секунд озираясь по сторонам. На
нем слои светло-зеленой и синей одежды,
которая словно парит вокруг него, пока он
быстро идет в нашу сторону.

--- Это Прохладный Ветер, --- говорю я,
расслабляясь, когда он приближается.
Машу ему, чтобы привлечь внимание, и он
пораженно останавливается. Убыстряет
шаг и спешит к башне.

--- Шас думают, что вы мертвы, ---

говорит он, глядя на нас в изумлении.

--- Я и хотел, чтобы они так считали, --- подтверждает Ориель, не вдаваясь в детали, --- ты что здесь делаешь?

--- Остальные сейчас уже в безопасности, но я хотел проверить рапорт о том, что вас убили, --- говорит он, восстанавливая самообладание, --- редкость, когда наши воины допускают такие ошибки.

--- Ты можешь отвести нас к остальным? --- спрашиваю я, глядя на дронов снаружи.

--- Да, идите за мной после того, как я отпущу боевых дронов, --- немедленно отвечает он. Наблюдаю за тем, как они выходят и говорят что-то дронам на тайном языке. Они кивают в подтверждение команды, затем разворачиваются и со свистом вылетают в одну из дверей слева от нас. Он машет нам, чтобы мы выбирались из укрытия.

--- Где остальные? --- спрашивает Ориель, помогая мне хромать по главному залу. --- И какого хрена ты здесь делаешь?

--- Поблизости, в одной из городских тренировочных зон, --- говорит нам Прохладный Ветер, указывая дорогу. --- Они запутали следы и теперь позади огневой зачистки воинов Огня. Я отведу вас к ним, и затем без особых сложностей вы сможете попасть на свой шаттл. И да, я здесь потому, что посчитал благоразумным появиться на случай, если что-то пойдет не так. Кажется, это было мудрым решением.

Ориель, сунув глаза, пристально смотрит на Прохладного Ветра.

--- Ты все еще что-то скрываешь, --- рычит инквизитор, останавливаясь на месте, --- говори!

Посол мгновение колеблется, а затем вздыхает.

--- Ваш шаттл был замечен, и с орбиты выпущены истребители, дабы предотвратить ваш побег, --- говорит он нам, взмахали рук подгоняя нас, чтобы мы поспешили, --- не могу гарантировать, что вы благополучно доберетесь до своего корабля.

--- Это все? --- спрашиваю я. --- В любом

случае, никогда не думал, что уйти отсюда будет легкой прогулкой.

Мы идем за послом по коридору, который плавно изгибается влево. Проходим несколько открытых дверей, за рядом из которых лежат трупы воинов Огня. На стенах выбоины, полученные в ходе боя, трещины и воронки от пуль, лазерных выстрелов и плазменных взрывов.

--- Сюда, --- говорит нам Прохладный Ветер, когда мы подходим к широким двойным дверям, --- они в двухэтажном здании, как раз за дверью.

Он открывает перед нами двери, и мы попадаем в маленький Имперский городок, укутанный тьмой. На фоне искусственной ночи вырисовываются двух- и трехэтажные здания, подсвеченные тусклым сиянием двух лун. Пока мы пересекаем опустевшие улицы, загоняя последний магазин в автоган, и вслушиваюсь, ища присутствие других штрафников. Мы останавливается и слышим шепот из пустого здания впереди.

--- Да, сюда, --- говорит Прохладный Ветер, подталкивая нас перед собой. Мы

заходим в тень, и Ориель зовет.

--- Штрафники?

--- Инквизитор? --- слышу я ответ Полковника. На скрипящих петлях открывается дверь, и мы входим внутрь. Оглядываюсь и понимаю, что Прохладный Ветер исчез. И в это мгновение повсюду, словно взошедшее солнце, зажигается ослепительный свет, окуная здания в белое море. Выглядываю из окна и вижу на площади перед зданием четыре боевых скафандра, из скрытых прожекторов которых льется свет. Так же смутно замечаю другие фигуры, стремительно разбегающиеся по зданиям. Воины Огня занимают многочисленные укрытия.

--- Это шас'вре Пресветлого Меча. Прохладный Ветер предал нас, --- рычит Ориель, выдергивая пистолет из кобуры. Он копается в кармане своего плаща и достает что-то, похожее на маленькую сферу. Шепчет в нее пару секунд, после чего опять убирает.

Снова обращаю свое внимание на боескафандры. С преднамеренной медлительностью, словно целящаяся

расстрельная команда, шасвре наводят свои ракетные установки на плечах на здание, в котором сидит ты.

--- Первое правило ликвидации. Ты должны были догадаться, --- слышу Полковника.

--- О чем оно? --- спрашивает Таня, заряжая снайперскую винтовку патронами огромного калибра из своей бангольеры.

--- Убить исполнителей, --- отвечаю я, поднимая автоган и беря на прицел прожекторы.

--- Ваш народ будет страдать, а ваши тирры истекнут кровью! --- гроыхает голос одного из боевых скафандров, эхом отражаясь от окружающих зданий. --- Вы не выживете, чтобы увидеть какие страдания вы обрушили на свой народ!

Вот и все, ты все утрем, гутаю я. Внезапно в здании справа от нас раздается взрыв, и я вижу, как распустившийся огненный шар во все стороны расшвыривает полыхающих воинов Огня. Из вздымающегося дыма и пламени появляется, словно вышедшая из легенды, фигура. Тот, о ком с благоговением и

иенотом передаются истории в военном лагере. Кого страшатся все враги Императора. Ощущаю, как все тело покрывается гусиной кожей. Это Ангел Смерти. Космогесантник.

— Кровь Императора, — ругается Трост, от удивления его глаза широко раскрыты, а из рук с грохотом вываливается оружие. Даже Полковник бросает взгляд на Ориеля, и в его глазах удивление, после чего он снова смотрит на наступающего воина.

Два с половиной метра высотой, и примерно метр в груди, костячатый гесантник возвышается над разбросанными вокруг него горящими телами. С ног до головы он облачен в черную силовую броню, искусно обработанную каким-то металлом, который блестит от пожара. Он продолжает наступать на боевые скафандры. Когда он поворачивает свою голову к чужакам, его красные линзы шлема сияют, словно глаза демона. Он выглядит в точности как на картинках и деревянных гравюрах, что я видел, только в настоящей жизни впечатляет еще

сильнее. Замечаю символ Инквизиции на
его левом наплечнике. Буква "J" мерцает
золотом. В левой руке глиняный силовой
меч, мерцающий синим во тьме, правой он
поднимает болтер, открывает огонь и
площадь наполняется грохотом его
оружия.

Я едва замечаю мерцающие следы
болтов, когда они с воем проносятся по
открытому пространству. Три снаряда
быстрой дробью врезаются в ближайший
боескафандр, в тот, чей огнемет я
уничтожил ранее. Взрывы выдалбливают
огромные кратеры в броне и откидывают
его назад. Все еще продвигаясь вперед,
костодесантник снова открывает огонь,
еще три выстрела, и три точных
попадания вызывают цепную реакцию
скафандра. Тот взрывается ливнем
шрапнели и горящими кусками тела
пилота.

Остальные штрафники "Последнего
Шанса" открывают огонь по ближайшим к
десантнику тау, в то время как два
скафандра кидаются к атакующему.
Вспышки выстрелов их пушек затмевают

даже прожекторы, и я вижу, как трассеры
сходятся к костогесантнику. Их попадание
разорвало бы обычного человека на куски и
отшвырнуло его окровавленный остов
метров на десять, но костический
гесантник от этой канонады вынужден
всего лишь опуститься на одно колено. Под
огнем его броня покрывается трещинами и
вмятинами, срывается наплечник,
разбрызгивая искры из силового крепления.
Невероятно, но костогесантник встает на
ноги, игнорируя разрывающие вокруг него
землю снаряды и царапающие нагрудный
панцирь, и открывает ответный огонь.
Болты разрывают скорострельную пушку
одного из боескафандров.

— За Императора! — слышу я его
богоподобный крик. Он отшвыривает
болтер, хватая меч двумя руками и
срывается на бег. Огромные шаги с
легкостью переносят его сразу на три
метра, а ботинки оставляют на полу
трещины. Ближайший боескафандр,
теперь уже однорукий, делает шаг назад,
готовится к прыжку, но каким-то образом
костогесантник успевает до того, как

включаются прыжковые двигатели. Потрескивающая дуга силового меча отсекает одну ногу боескафандру и тот рушится на пол. Без остановки десантник разворачивается и наносит еще один удар. Мерцающее лезвие меча оставляет огромный разрез на корпусе скафандра, широко раскрывая внутренности.

Оставшиеся костюмы на коротких хвостах пламени взлетают в воздух, их ракетные установки вспыхивают, и визжащий залп ракет с дымным следом несется к нам.

--- Ложись! --- орет Морк, и я кидаясь на пол, сжав голову руками. Передняя стена здания взрывом разбитых кирпичей и цементной пыли рушится внутрь, по моей спине тяжело барабанил кусок мусора. Поднимаю взгляд и вижу, что Таня у одного из окон, стоит на одном колене, а снайперская винтовка плотно прижата к плечу. Она целится куда-то в воздух. Пока вокруг нее кружится пыль, она делает выстрел, выбрасывает гильзу, отслеживает цель и снова стреляет. В конце концов, она за несколько секунд

делает пять выстрелов.

Что-то тяжело врезается в этаж над нами, по лестнице сзади нас с грохотом летят новые куски щебня. Половицы над головами издают злобещий треск, и мы разбегается в разные стороны за секунду до того, как вместе с крышей вниз обрушивается боескафандр тау. Вслед за ним летят искрящиеся провода и шпателька. Мощным ударом он врезается в пол, поднимает облако пыли и начинает подергиваться. Одна искривленная нога дергается вверх и вниз, а ракетная установка беспорядочно вращается то влево, то вправо.

— Я иду за Прохладным Ветром, — кричу я, разгорячившись. Кто-то орет мне оставаться на месте, но я не обращаю внимания, выбегаю из двери, слегка приволакивая по земле истерзанную ногу. Оглядываюсь через плечо, и вижу, что еще один полыхающий скафандр лежит в центре площади, а второй отпрыгивает в разные стороны и дает ракетные залпы по костодесантнику, который укрылся за одной из ускоренных машин тау, пока

взрывы терзают землю вокруг него.

Осматриваю здания слева и справа, которые терзают в пожарище боевых скафандров, ища Прохладного Ветра. Что-то подсказывает мне возвращаться тем же путем, которым мы пришли, и в этот момент я слышу шум в здании слева. Инстинктивно падаю на землю за мгновение до выстрела. Пуля насквозь прошивает забор справа от меня. Перекатываюсь на спину и открываю огонь. Автоган бешено трясется в моих руках от отдачи, но я продолжаю расстреливать темные окна. Почти встаю на ноги и, опираясь о забор, резко заваливаюсь на другую сторону. Нужно проверить, что еще у меня осталось из оружия. Примерно половина магазина, одна дымовая граната и два фраз-заряда. О чем, мать его, я думал, когда сунулся сюда в одиночку?

Выглядываю из-за забора, но в темном здании не видно никакого движения. Однако мое внимание привлекает какое-то движение дальше от дома. Краем глаза замечаю мельтешение в узком переулке, примерно в тридцати

метрах справа. Низко склонившись за забором, поворачиваю в ту сторону голову, игнорируя острые приступы боли в ноге при каждом шаге. Дойдя до конца забора, примерно в двадцати метрах от переулка, я перепрыгиваю его, держась одной рукой, во второй автоган. Практически сразу же очередь из здания вынуждает меня перебежать через дорогу, сжимая зубы, дабы не заорать от боли. Тяжело задыхаясь, впечатываюсь в стену переулка и ныряю внутрь. Он тянется прямо примерно еще на десять-двенадцать метров, после чего резко поворачивает налево, огибая заднюю часть низенького здания с рифленой металлической крышей.

Толкаю себя вперед, горя желанием разыскать с Прохладного Ветра. В голове глухо стучит, а ноги, словно в огне, но гнев в моем сердце разгорается еще сильнее, при мысли о скользком, губличном последствии. Все это время он планировал, что так и произойдет. Конечно же, я бы поступил точно так же, но сделал бы все наверняка. Ну а теперь ему придется заплатить за свой провал.

Спотыкаясь, огибая угол и почти
утыкаюсь лицом в воина Огня тау,
который появился из двери слева от меня.
Моя реакция быстрее. Бью автоманом ему
в торгу, сбивая шлем. Из его рук выпадает
винтовка, и я подхватываю ее. За ним еще
трое воинов Огня, но они ошеломлены и не
успевают отреагировать. Я нажимаю на
спусковой крючок винтовки. У нее вообще
нет отдачи, тяжелые пули насквозь
пробивают ближайшего тау и вбиваются в
следующего за ним, сшибая его с ног.
Третий поднимает свою винтовку, но
слишком поздно. Мой следующий выстрел
практически отрывает ему голову, тело
шлепается на землю кровавой грудой.
Неуклюже переступаю через тела и
вламываюсь в дверь.

Прохладный Ветер бьет меня в
подбородок. Его слабый удар я едва
замечаю. Лягаюсь здоровой ногой, сбивая
его с ног. Он палится на меня, не проявляя
никаких эмоций. Ставлю ему на грудь свой
ботинок и вжимаю в пол.

— На сей раз, посол, ты откусил
больше, чем можешь прожевать, — тихо

говорю я, поднося дуловинтовки к его лицу.

— Я ни о чем не жалею, — спокойно отвечает он, с бесстрастием встречая мой гневный взгляд.

— Это хорошо. Никому не следует утирать, сожалея о чем-то, — говорю я ему. Периодические выстрелы снаружи отвлекают мое внимание, но вскоре все затихает.

— Есть еще исповеди, для спасения души?

— Все, что я делал, я делал ради тау'ва, — спокойно говорит он, — я предвидел, что могу умереть. И не боюсь. Я служил тау'ва. Мы продолжим расширяться.

— А зачем двойное предательство? — спрашиваю я, любопытствуя. — Зачем такой риск? Зачем портить сделку?

— Чтобы показать вам, людям, что ваше время вышло, — говорит он и кивает от удовольствия, — вы старые и ветхие, словно крошащиеся особняки ваших правителей. Ваше время прошло, и все же вы так ревностно цепляетесь за останки былого величия. Мы превосходим вас.

Саува натного превосходит вашего
мертвого Императора.

--- Может быть, и превосходите, но у
нас было натного больше уроков, ---
услыхаюсь я, отбрасывая в сторону
винтовку, --- я не буду в тебя стрелять.

--- Нет? --- отвечает он, у него
появляется надежда.

--- Неа, я тебя придушу, --- говорю я ему
зловатым шепотом. Хватаю его за глотку,
он пытается сопротивляться, но его удары
слабы и ненаправленные. Вбиваю его в
стену, пальцы сильнее сжимают его шею.

--- Перед твоим последним взором
будет человек, выдавливающий из тебя
жизнь. Надеюсь, тебе это понравится.

--- Вы все умрете. Победа все равно
будет за мной, --- задыхается он, и я кидая
его на пол.

--- Ты это о чем? --- требую я ответа,
снова поднимая посла на ноги.

--- Кажется ваш пилот вжился в роль
наемника сильнее, чем собирался, ---
говорит он, безвольно свисая в моей
хватке, --- вы никогда не выберитесь
живыми с Эстау.

— Как и ты, чужак, — рычу я, и с разгона вбиваю его голову в стену, ломая ее единственныи ударом. Бросаю его тело у забора. Нужно найти остальных, рассказать, что планы изменились. Если они направляются к точке сбора, то есть шанс, что они в ловушке. К тому же Квидлон позволил убить себя до того, как вырубил подачу энергии на пути, так что к этому времени в этом месте будет уже рассерженный рой. Приходит в голову мысль, что приказ Полковника не брать контакт-связь, был не таким уж хорошим. Он волновался, что любой сигнал может быть перехвачен чужаками.

Но нет смысла беспокоиться о том, чего у тебя нет, напоминая я сам себе свои же слова, что говорил на тренировке. Подхватываю винтовку тау и направляюсь к фасаду здания, пройдя обугленную лестницу к короткому вестибюлю. Дверь открыта, выглядываю наружу, но не замечаю никаких признаков противника. Совершенно не представляю, где очутился, поскольку этой части не было в макете на борту "Лавров Славы". Решаю

отправиться обратно на площадь, может
быть там смогу напасть на след. Никогда
образом невозможно слить с этой
планеты живьем, если я попытаюсь
провернуть это в одиночку.

Утврждаюсь вернуться на площадь и не
ввязаться ни в какие неприятности.
Кругом по опустошенным и все еще
дымящимся от ракетного обстрела
руинам здания, в котором я встретил
остальных. Мое внимание привлечено
вспышками света, и я слышу невдалеке
треск ружейного огня. Кругом иду по
краю площади, тщательно проверяя по
пути все здания и проулки. Главная
площадь заканчивается напротив меня, и я
вижу пламя, ревущее в здании в паре сотен
метров. Сувив глаза от света, я замечаю
фигуры, тчащиеся через широкую дорогу, а
их глинные, конические шлемы однозначно
говорят, что владельцы там. Слышу, как
эхом по притихшему городу разносится
два выстрела и двое из них валятся с ног.
Осматриваю здания, пытаюсь найти
позицию Тани, так как догадываюсь, что
именно она сняла бойцов с такой

точностью. В этом нет сомнений.

Хотя отсюда мне ее не видно, и, решившись перебежать через площадь, я делаю паузу, укрывшись за останками двух уничтоженных боескафандров, после чего тучительно бегу к дальнему краю. Медленно продвигаюсь вдоль фасада здания к перекрестку бульвара и площади, останавливаюсь на углу и выглядываю на улицу. Вижу еще там и зловещие очертания боевого скафандра, проходящего мимо горящего здания.

В отблесках пламени замечаю движение в дверном проеме на противоположной стороне улицы. Наблюдаю, как из теней высовывается длинное дуло.

Раздается выстрел, замечаю небольшую вспышку, и один из там, возвращаясь, падает на землю, сраженный точным попаданием в грудь. Вижу, как Таня встает и двигается дальше по улице, перепрыгивая через заборы и занимая позицию на широком крыльце, ведущем в следующее здание. Пригнув голову, бегу через дорогу, и кучей падаю на землю.

стараясь вжаться в стену. Теперь уже задыхаюсь, ощущая, как сломанные ребра царапают легкие. Крадусь вдоль стены, приближаясь к Тане. Она снова стреляет, и затем отступает в мою сторону, низко прижимаясь и скрываясь из виду. Шепотом зову ее по имени, когда она уже готова нырнуть на боковую дорожку, примерно в пятнадцати метрах от меня, и она замирает на месте.

--- Последний Шанс? --- быстро шепчет она в ответ. --- Мы решили, что ты мертв.

--- Многие пытались, --- говорю я ей, выходя из-за угла, --- где остальные?

--- Вход в этот зал всего лишь в паре сотен метров в ту сторону, --- говорит она, указывая вниз по улице, --- хотя его блокируют тау. Я защищала тылы, но еще больше тау подошло с другой стороны.

--- Нам нужно отозвать их обратно, --- говорю я, --- Стрелли продался тау, и нас больше не ждет никакой шаттл.

--- Черт! --- ругается она, глядя через плечо на площадь. --- Еще боескафандры!

Я оглядываюсь и вижу, что она права.

Над обломками своего собрата стоят еще три огромных фигуры, а их оружие отслеживает здания вокруг площади. Вокруг них, слегка мерцая, парит группа дронов.

--- Давай к остальным, --- говорит она, направляясь по дороге. Даже не верится, насколько она теперь уверена в себе. Она кажется спокойной, убежденной, даже практически довольной самой собой.

--- И что заставило тебя наконец-то выстрелить? --- спрашиваю я, прихрамывая возле нее. Она осматривает меня, и закидывает мою правую руку себе на плечо, помогая держаться вертикально.

--- Я осознала, что или ты, или он, --- говорит она мне без смущения.

--- Всегда знал, что тебе не все равно, --- в ответ я смеюсь, а потом начинаю кашлять.

--- Ага, --- резко отвечает она, --- но я осознала, что этот Пресветлый Меч убьет сотни, тысячи. Как ты и говорил. Так что я выстрелила.

--- И? --- подталкиваю я ее, ощущая, что она хочет что-то добавить.

— Я просто подумала обо всех этих людях. Остальное было просто, — призналась она, — это дало мне уверенность, вот я и выстрелили в этого монстра.

— Так всегда легче, Таня, — соглашаюсь я с ней, прихрамывая рядом.

— Мое имя Снайпер, — отрезает она, разворачивая нас у узкой улочки слева, — ты так меня учил. Это то, чем я занимаюсь.

— Полагаю, что так, — говорю я, согласно кивая.

Через пару зданий по улице мы натываемся на Троста. Рассказываю ему об изменении планов, и он ведет нас к Полковнику и Ориелю.

Рядом с ними стоит костогесантник. Вблизи он еще более внушительен, а моя голова едва достает ему до груди. Его броня в царапинах, выбоинах и в десятке мест потрескалась, но, кажется, это его совершенно не беспокоит. Когда мы входим, он резко поворачивается, в руках силовой меч, отбрасывающий синее свечение на гладкие,

закругленные пластины его черной брони.

--- Из какого ада он появился? ---
спрашиваю я Троста, пока хромаю к
Шефферу.

--- Полагаю, что не я тут огулом
занимался диверсией, --- отвечает он,
нервно глядя на массивную фигуру.

--- Полковник, все намного хуже, ---
задыхаюсь я, мои вздохи становятся все
короче и короче. Думаю, в легкие попала
кровь, так что моя собственная жизненная
жидкость медленно топит меня. Мне
нужен медик, причем быстро.

--- Стрелли заключил сделку с
Прохладным Ветром, и он больше не ждет
нас.

--- Что? --- отрезает Ориель, отходя
от окна в дальнем конце комнаты.

--- Прохладный Ветер признался
прежде, чем я убил его, --- объясняю я, --- так
что у транспортного терминала нас не
будет ждать шаттл.

--- У нас уже огромный контингент в
терминале, --- через секунду раздутий
говорит Полковник. Разворачивается к
Ориелю.

--- Инквизитор, из купола есть другие выходы?

--- К этому времени они уже все хорошо охраняются, --- вздыхает он, --- закрывает глаза и трет переносицу, --- словно у него болит голова.

--- Они атакуют: три отделения, два боескафандра! --- слышу я крик Морка из другой части здания.

--- Трост, ты можешь взорвать наш проход? --- спрашивает Ориель бывшего агента Оффицио Сабаторум.

--- Покажите мне внешнюю стену и подрывник сделает в ней дырку! --- рычит он в ответ, похлопывая по своей сумке с взрывчаткой.

--- Тогда все отходим, --- рывкает Полковник, --- стена этого зала всего в сотне метров. Мы прорвемся отсюда в следующую область. А оттуда дальше, пока не выйдем из купола.

--- Тау наступают со всех направлений, --- подчеркивает Таня, --- они будут у нас на хвосте, словно гончие.

--- Я задержу их на выходе, --- говорит костодесантник, его голос глубокий и звенит

металлом внешних вокалайзеров шлема.

--- Нет, брат Дионис, тебе нужно удостовериться в безопасности инквизитора, --- возражает Морк, --- дайте мне больше боеприпасов, и я сдержу тау.

--- Все еще Герой, да? --- говорю я, обходя Морка. --- Ну, удачи в этом.

--- Инквизитор? --- Дионис запрашивает подтверждение, его голова в шлеме разворачивается к Ориелю, а красные линзы сияют во тьме. --- Что прикажете?

--- Уходим из этого проклятого города и направляемся в следующую зону, --- подтверждает он, шагая к двери с цепным мечом в руках, --- Морк в арьергарде. Отдайте ему запасные обоймы и энергоячейки. Передвигается быстро, отставших не ждем.

Покидает здание, осторожно обстреливая окрестность. Вижу вниз по улице приближающееся отделение тау, бегущее параллельно нам. Реактивные струи возвещают о прибытии новых боевых скафандров, и те приземляются на крышу высокого здания, примерно в сотне метров

справа.

--- Выдвигается, --- шепчет Полковник, подавая нам знак. Словно тени мы крадемся по темным улицам, впереди Дионис, сейчас его силовой меч выключен. Он двигается стремительно, несмотря на громоздкую силовую броню. Таня помогает мне, ее снайперская винтовка перекинута через плечо, да и не лучшее это оружие для перестрелки на близкой дистанции. Держу оружие чужаков обеими руками, готовый мгновенно открыть огонь.

Перебегаем от здания к зданию, останавливаясь на каждом углу и постоянно оглядываясь назад. Через несколько минут оказываемся у стены огромного зала, которая простирается вверх к фальшивым небесам над головами.

--- Давай, Подрывник, нам нужен выход, --- говорю я, похлопывая его по спине. Тем временем остальные передают запасные магазины Морку, который запикивает их в ранец, перекиннутый через плечо.

--- Мелта-бомбы, отойдите назад, --- говорит Трост, и мы отходим от стены на пару шагов. Возникает серия

последовательного яркого сияния, и секция стены, высотой чуть ниже головы, отваливается. С другой стороны сочится свет, ослепляя нас после искусственной ночи подобия городка Саркасси.

— Извини, здоровяк, — пожмая плечами, говорит Трост, когда Дионис присаживается, чтобы заглянуть в маленькое отверстие.

— Не беда, пехотинец, — отвечает костодесантник, снова выпрямляясь. Он поднимает бронированный ботинок, больше чем моя голова, и пинает стену. Еще два раза тяжелый ботинок врезается в нее, отбивая треснутые куски, после чего дыра становится почти в два раза больше. Ни говоря ни слова, костодесантник ныряет туда, а его силовой меч снова сияет.

Визг привлекает мое внимание, и я вижу, что дытный след полудюжины ракет по дуге обходит здание, неся свой смертоносный груз к нам. Ориель и Полковник ныряют в дыру следующими, за ними Таня, Трост, а потом я. Морк остается у отверстия, стреляя по целям, которые нам не видны.

--- Специально для тебя, --- говорю я, закидывая кое-что ему в ранец. Не разворачиваясь, он рычит, и я бегу за остальными, которые несутся по пыльным дюнам следующей тренировочной зоны. Встаю на ближайший пригорок и понимаю, что мы в каких-то пепельных пустошах, серая земля простирается от нас во всех направлениях. Если там поймают нас тут, где нет никаких укрытий, это будет бойня.

--- Бежим изо всех сил! --- орет Ориель, карабкаясь на следующую дюну. Слышу приглушенный взрыв и поднимаю взгляд. Потолок высоко над нашими головами кажется начинает трястись, и вниз летят частицы пыли. Не обращаю на них внимания, предпочитая концентрировать усилия на том, чтобы проталкивать себя вверх по сползающему пеплу и пыли тренировочного ангара. Еще один взрыв, уже на земле и позади, возвещает о том, что взорвался заряд, который я положил Морку в ранец с боеприпасами.

--- Какого черта это было? --- спрашивает Таня, останавливаясь и

оглядываясь через плечо. Она видит то же, что и я: огромный кусок стены разрушился и упал, рукотворной лавиной погребая под собой тая и боевые скафандры.

--- Страховка, --- отвечаю я ей, толкая, чтобы бежать, --- Морк никогда бы не смог задержать их дольше пары секунд. А так, он послужил отличной приманкой.

--- Ах ты, хладнокровный ублюдок, --- рычит она, вырывается и устремляется вперед.

--- На самом деле, --- ору я ей в спину, падаю на карачки и ползу вверх по дюне, ибо так быстрее чем идти, --- не хладнокровный. У меня от этого кипит кровь.

--- ИТАК, сколько нужно взрывчатки, чтобы пробиться? --- спрашивает Ориель Троста, пока эксперт-подрывник изучает стену.

--- Полагаю все, что у меня есть, --- отвечает он, отходя на шаг, после того как уложил последнюю взрывчатку у основания стены.

Мы обменивается ошеломленными

взглядами и начинает отходить в дюны, потом срыгается на бег, когда мимо нас, набирая скорость, проносится Трост. Снова вихрем перед собой искусственные тепельные дюны, где примерно в полукilометре слева от нас в воздух взлетают боевые скафангры тау.

--- Давай! --- орет Полковник, и мы все падаем на землю, за исключением Диониса, который просто встает на одно колено и поворачивается так, чтобы оставшийся наплечник прикрывал голову.

Кажется, что взрыв растет в объеме, когда вторичные бомбы добавляют оглушительное крещендо, к которому присоединяется визг скрученного металла. Мимо нас проносится ударная волна, оналяет волосы на затылке и дергает одежду. Раздается глухой рокот, я оглядываюсь и вижу, как трещина раскалывает свод купола.

--- Ох, фраз, --- бормочу я, мучительно вскакивая на ноги.

--- Бежим! --- орет Трост, срываясь на бег, и мы несемся вслед за ним, в то время как трещина ширится, орошая песок и

пыль кусками свода купола.

Мои ноги горят от боли, пока я заставляю себя пробираться по дюнам, а вокруг нас сыпятся обломки. Сжав зубы, я еще сильнее ускоряюсь, быстрее передвигая ногами. Поскальзываюсь и начинаю съезжать вниз по дюне, но кто-то сзади хватается меня за рубашку. Пробегавший мимо Дионис дальше несет меня на руке, вспахивая пыль словно танк, непрерывным взмахом руки и ног вторит забывание сервоприводов внутри брони. Он тащит меня с такой легкостью, с какой я мог бы нести новорожденного.

Огромная треугольная секция купола начинает заваливаться внутрь, рушится и поднимает вздымающееся облако пепла и пыли, которое омывает нас. Накатившая волна воздуха врежется в меня, пока я все еще в хватке костодесантника.

— Хорошо, можешь меня опустить, — орет я Дионису, который, проскальзывая, останавливается и кучей вываливает меня на пепел, что заставляет меня кашлять и отплеываться, а так же отзываться укулами боли в сломанных ребрах. Мы

разворачивается и направляется к пролому, созданному взрывом в стене, который зазубренным клином простирается примерно на тридцать метров вверх. Приближаются тау, их попадания выбивают сultan пыли вокруг нас, пока мы карабкаемся на разбросанную щебенку и пробирается через вновь созданные дюны пепла.

Именно в этот момент снаружи за разломом что-то вспыхивает: яркий луч ловит один из боевых скафандров в полете и превращает его в пламенный шар шлака.

--- Какого фрага?! --- восклицаю я, протаскивая себя через зазубренные куски обломков и выглядывая в огромную пробоину в своде купола.

Снаружи идет бой, и тут не может быть ошибок. Небольшие здания тау, тянущиеся в пустыню с этой стороны купола, частично разрушены до основания, частично горят. Взрывы освещают небо над всем городским пейзажем, пока к земле быстро приближаются Имперские десантные корабли. Об их приближении возвещают бомбы и ракеты, создающие

огромные воронки на широких дорогах и разносящие здания на куски. Повсюду бегают Имперские гвардейцы, сражаются с воинами Огня и боеスカфандрами. В поле зрения wpłyвает танк тау "Рыба Молот" с смонтированными на носу пушки дикострекохот, выкашивая отделение гвардейцев, пробирающихся через горящие руины сооружения тау. Смотрю на Ориеля, когда мимо пробегает взвод гвардейцев в разношерстной униформе, неся с собой различное вооружение. Один из них устанавливает лазпушку, фиксирует ее на треноге, после чего снова стреляет по тау, разряд энергии на сей раз гораздо шире. Тау открывают ответный огонь, взрывы рябью бегут по земле к нам.

Мы снова бежим, и я оказываюсь рядом с инквизитором.

--- Вы знали об этом? --- спрашиваю я его, хотя и так знаю ответ.

--- У меня на орбите были силы на случай, если вдруг Прохладного Ветра поразит сообразительность, --- отвечает он с улыбкой, после чего морщится, когда вблизи взрывается ракета, обдавая

нас потоком пыли и кусками камня. Мы все еще не в безопасности, и Полковник ведет нас через пролом.

Выходим из отверстия, но тут так же небезопасно, как и внутри. Повсюду чужаки — эскадроны боевых скафандров наступают слева, воины Огня высаживаются с кормы трех парящих БТРов справа.

— Направляется на открытое пространство, где будут садиться другие десантные корабли, — говорит нам Полковник, указывая на зазор между двух разрушенных зданий впереди. Под перекрестным огнем мы перебегаем от укрытия к укрытию. Вероятность попасть под дружеский обстрел такая же, как и под огонь тау. Натывается на отделение, разворачивающее коммуникационное оборудование в своде треснутого купола тау, маленького вспомогательного здания всего лишь семь или восемь метров в высоту. Узнаю офицера во главе — это командир наемников, которых мы встретили в баре, и на его руке все еще красуется белая

повязка.

--- Что ж, Император прокляни мою душу, --- завидев нас, он смеется, --- В следующий раз предлагаю вам больше не нарываться на граки в баре!

--- Я полагаю, капитан Дестриен? --- спрашивает Ориель, кивая офицеру. --- Я инквизитор Ориель из Орго Ксенос. Я так понимаю, вы ждете меня.

--- Когда я получил сигнал начать штурм, я едва в этом мог поверить, --- заявляет он, теперь уже серьезно и скрестив при этом руки на мускулистой груди. Его челюсть падает, когда он видит шагающего позади нас Диониса. --- Если бы не видел все это собственными глазами.

За разорванной взрывом дверью вижу пустыню, окружающую боевой купол, но теперь она завалена десантными кораблями. Выгружается еще больше пехотинцев, вниз по рампам несутся десятки и десятки мужчин и женщин. Приземляются транспортники с танками, их тяжелые раппы быстро падают, а из ангаров с рокотом выкатываются "Леман

Руссы". Как только их гусеницы касаются песка, то пушки тут же поворачиваются в сторону тау.

Возникает порыв ветра, и всего лишь в десятке метров от нас, из-за близкого сажающегося десантного корабля лавиной в воздух вздымается песок. Его реактивные двигатели поднимают пыльную бурю, которая обрушивается на ближайшие здания. Обращаю внимание на Ориеля, который только что закончил беседовать с капитаном.

--- На сегодня для нас хватит сражений, мне нужен отдых, --- говорит он. Нам устало, его плечи опущены, --- мы забираем этот корабль и возвращаемся на орбиту.

--- А там безопасно? --- спрашивает Таня. --- Я думала у Пресветлого Мечта там флот.

--- Флот уже улетел, а пока мы говорим, наши силы уже берут на абордаж две орбитальные станции, --- говорит нам капитан Дестриен, глядя на Ориеля, --- кто бы ни придумал этот план, он определенно учел все.

— А я желаю только одного: хочу
знать, где этот мерзавец Стрелли, —
рывает Трост, и его лицо искажено
гневом.

— Не беспокойтесь насчет предателя,
— уверяет нас Ориель, в его глазах сталь, —
на его шаттле устройство слежения и
мы достаточно быстро его найдем.

Инквизитор невесело улыбается нам
и через секунду удаляется к только что
прибывшему шаттлу. Пока мы ждем
выгрузки отделения, поблизости
приземляются еще два десантных корабля,
и вскоре воздух наполняется удручающим,
мутным облаком пыли и визгом
останавливающихся двигателей. Следуя за
остальными, я делаю шаг по пустой уже
рампе и остаюсь. Сражение между
Твардией и тау уже почти переместилось
внутри боевого купола. Отвернувшись от
него, я замечаю в городе поднимающийся в
десятке мест дым, и устремив взгляд
вверх, вижу дымные следы возвращающихся
на орбиту транспортников.

Поднимаюсь наверх рампы и снова
оглядываюсь, щурясь от света и

кружащегося песка, глаза болят, а голова в дурмане от боли и усталости. Клянусь, я вижу иллюзию.

Выходящее из другого десантного корабля отделение возглавляет женщина, коротко стриженная, с волосами чисто белого цвета и бледной кожей. Она облачена в камуфляж различных пустынных оттенков коричневого. Она выглядит в точности как Лори — но Лори погибла в Коританоруме. Она и ее отделение исчезает из виду за другим десантным кораблем, и я почти готов побежать вслеп за ней, когда рапна начинает подниматься.

Я разворачиваюсь и вижу Ориеля, который наблюдает за сражением.

— Это та, о ком я подумал? — спрашиваю я его, когда с лязгом закрываются двери, и десантный корабль начинает рокотать от нарастающей тяги в двигателях.

— Совершенно не понимаю о чем ты, — отвечает Ориель, спокойно встречая мой взгляд.

— Я только что видел Лори, —

признаюсь я, -- ну, или думаю, что видел.

-- Но ты единственный выживший в Коританоруме, -- напоминает он.

-- Верно, -- соглашаюсь я, и спотыкаясь, иду по проходу к главному отсеку. Плюхаюсь в сидение и начинаю застегивать ремни безопасности, убирая винтовку мою в качестве сувенира поглавку.

Ориель проходит мимо и когда он почти что выходит через дверь, до меня кое-что доходит.

-- Я так же думал, что вы погибли в Коританоруме, -- кричу я ему, -- а вы сбежали на втором шаттле.

-- Да, сбежал, -- коротко отвечает он и закрывает за собой дверь.

НА СЛЕДУЮЩИЙ день, уже на борту корабля и поглотанный долгим сном, я чувствую себя намного лучше. На самолете даже счастливый. Плохие парни убиты, а штрафники "Последнего Шанса" выполнили работу. Так что с чувством полного удовлетворения я иду с остальными в офицерскую комнату для

разбора полетов с Ориелем и Полковником. Мы входим в огромную, овальную комнату, стараемся на блеск деревянных панелей на стенах. Под ногами густой красный ковер и расставлены низкие, обитые бархатом стулья. Ориель ждет нас, стоя перед книжной полкой и смотрит на томя. Мы рассаживаемся, когда из грубой двери появляется Полковник, и кивком позволяет нам сесть. Диониса не видно. Когда мы покинули Эстау, он без слов исчез в переднем отсеке шаттла, и с тех пор никто из нас его не видел.

Ориель разворачивается и на его губах играет улыбка.

--- Что ж, штрафники "Последнего Шанса", --- обращается он к нам, глядя по очереди на каждого, --- я считаю, что это полный успех.

Он отходит от книжной полки и встает в центре комнаты.

--- Как вы уже наверное догадались, вы попали в серьезную игру, --- говорит он нам, становясь серьезным, --- игру, в которую я и остальные члены Инквизиции, должны играть каждый день. И это смертельная

игра, не только для нас, но для всех, в том числе и для вас, которые, в конечном счете, становятся пешками. Вчера мы выиграли, и это важно. Для некоторых из вас это будет единственным разом, когда вы были в нее вовлечены...

--- Для остальных, --- он смотрит на Полковника, затем на меня, --- возможно, вас снова попросят вступить.

--- Простите, инквизитор, --- спрашивает Трост, подняв руку, --- мне, конечно, нравятся цветастые речи, но может быть расскажите просто, какого фразга тут происходит? Все происходящее ведь не только ради того, чтобы укокошить какого-то восставшего командира?

Инквизитор не отвечает напрямую, вместо этого, поджав губы, смотрит на нас. Пару раз он поглаживает свою бородку, затем снова смотрит на нас, тщательно обдумывая свои слова. Перед тем как заговорить, он бросает взгляд на Полковника.

--- В любом случае, вы поклянетесь сохранить молчание, --- говорит он нам, --- вы

отлично справились, и не думаю, что вам повредит, если будете знать чуточку больше. Да, вы правы, это не просто вопрос о предотвращении вторжения О'вара в систему Саркасса, хотя это гало мне возможность составить более коварную схему, так сказать убить двух пташек одной пулей.

Я замечая, что сглаженная манера речи Ориеля вернулась, контраст усталому и взволнованному инквизитору, что убежал вместе с нами из боевого купола тау. Скрытность вероятнее всего стало его второй натурой.

--- Тау угроза нашей будущему в этой части галактики, --- объясняет он, вышагивая туда-обратно, --- а в данный момент, мы не можем всеми силами ответить на эту угрозу. Есть другие неотложные дела, к примеру, как продвижение флота-ульа Кракен, что оттягивает военные ресурсы, которые так необходимы для ведения войны с Империей Тау. Как вам и говорили раньше, это действительно правда. Тау на самом деле не сильно горят желанием вступить в

серьезное военное противостояние с Империей — это тоже правда. Однако у них было превосходство. Они считали, что мы не сможем сражаться с распространением их империи в этом секторе, и без этого вмешательства, мы действительно не могли. Но их собственное соучастие в устранении командующего Пресветлого Меча предоставило мне чудесную возможность преподать им урок о природе врага, с которыми они желают столкнуться. Они считают себя умными, научились уловкам и манипуляциям у эльдар, но их раса юная. Империя может быть и не безупречной, но у него есть кое-что, чего они лишены. Опыт. Бесчисленные поколения, инквизиторы, как я сам, сражались против угрозы вторжения чужаков и захвата своих планет. За эти долгие столетия и тысячелетия, мы научились парочке трюков. Грубо говоря, при определенных условиях мы хитрее, чем они могли подумать.

— Ну и что мы на самом деле тогда сделали, кроме как развязали войну,

которую по вашим словам, не может себе позволить? — спрашивает Таня, озвучивая мои мысли.

— Эс'тау только застава, не более чем военная база касты Огня для О'вара и его воинов, — отвечает Ориель, тщательно подбирая слова, — потеря Эс'тау, которая, кстати, называлась Скалова Брешь на наших звездных картах, пока они не отняли ее у нас, не смертельный удар для Империи Тау. За исключением одного момента. Они больше не будут считать, что могут вторгаться на нашу территорию без ответных действий. Они больше не будут думать, что мы не ответим на их агрессивное вторжение в наше пространство. Мы, конечно, не можем остановить их экспансию с помощью армий и оружия. Не напрямую. Но мы можем заставить их остановиться и подумать. Даже возможно, что они направят свое внимание на другие системы, другие земли, которые можно колонизировать и которые еще не принадлежат нам. Мы послали сообщение, которое даст им время на раздумья. Вот в

чем состояла главная цель этого предприятия. Не думайте, что я хотел смерти Пресветлого Меча только чтобы остановить вторжение в Саркассу. Мне он нужен был мертвым, чтобы сломать цепи командования, чтобы тау были ошеломлены, чтобы их внимание было приковано к боевому куполу, а не к дюжине Имперских транспортников на орбите, наполненных гвардейцами, играющими роль отступников и наемников. Именно в этот момент еще три тысячи пехотинцев высаживаются на поверхность, уничтожая последние очаги сопротивления.

Его улыбка возвращается, когда он машет Полковнику, и тот поднимает гвардейку со стола у стены комнаты. Прощения. Я узнаю их.

--- Поистине вы заработали искупление перед очами Императора, --- говорит нам Ориель, и его улыбка превращается в настоящую ухмылку, --- поистине вы заработали право снова жить свободными слугами Императора. Вчера вы ликвидировали не чужака. Вы

завоевали планету!

Я отстранено смотрю, как Полковник вручает пергаменты, дарующие Тане и Тростю прощение всех преступлений. Их осталось только двое из восьми выбранных мной полгода назад. Только двое выживших. Улыбаюсь сам себе, радуясь, что сдержал обещание данное Тане --- сохранить ей жизнь. Я надеюсь, что она насладится следующим восходом солнца.

Затем приходит мрачная мысль. Все снова закончилось. Я снова отправляюсь в тюрьму. Никакого прощения бедному, старому Кейджу, номер 14-3889, из Тринадцатого штрафного легиона. Не то чтобы мне было все равно, я и не ожидал получить прощение. Нет, я глотаю кое-что другое.

Иду к Ориелю, который снова стоит у книжного шкафа.

--- Когда я обвинил вас в колдовстве, почему вы сказали, что из всех людей, именно у меня нет права осуждать вас? --- спрашиваю я.

--- Ты же умный, Кейдж, вот разберись с этим вопросом сам, --- говорит он, не

злая на меня.

--- И что это значит? --- требую я ответа, заставляя его развернуться и посмотреть на меня.

--- Когда вернешься обратно в катеру, у тебя будет время подумать, --- вот и все, что он отвечает, при этом постукивая пальцем себе по виску.

Эпилог

Воздух был наполнен кружащейся серой пылью, поднятой вверх ураганными ветрами, что вопили вокруг твердого черного гранита башни. Мрачное здание без окон тянулось к бушующим небесам, вместо них сотни сверкающих прожекторов своими желтыми лучами бесплодно пытались разогнать пыльную бурю. Целых три сотни метров башни уходили ввысь третьей луны Гховула, практически идеального цилиндра из нерушимой и мрачной скалы, высеченной из неплодородного плоскогорья, где стоял исправительный лагерь. На вершине вспыхнули узкие красные лучи лазера, пронзая тьму облачной ночи. Секунду спустя на них ответил треугольник белых вспышек и на посадочную площадку сагился шаттл. В свете посадочных огней по площадке туда-сюда бегали техники, защищенные от свирепого климата громоздкими рабочими костюмами из тонкой металлической сетки, руки

прятались в огромных перчатках, а на ногах были ботинки с толстой подошвой.

С затихающим воем двигателей три опоры шаттла с громким лязгом коснулись металлического настила посадочной площадки. Секунду спустя сбоку открылся люк, и на шипящей гидравлике к нему, дергаясь, протянулась погрузочная рампа. Высокая фигура пригнулась, проходя через низкий вход, и вышла на мостик. Она постояла там секунду, тяжелая шинель хлопала от ветра, а руки в перчатках прижимали к голове офицерскую фуражку. Несмотря на ужасающие погодные условия, офицер держал спину прямо, словно столб. Вновь прибывший целенаправленной походкой прошагал по погрузочному мостику, постоянно глядя только перед собой.

Позади него из шаттла появилась еще одна фигура, облаченная в рваную униформу. Голова и лицо человека ничем не были защищены от стихии, но ему явно было плевать на иссушающую песчаную бурю. Его лицо было покрыто десятками шрамов и порезов, а на скальпе виднелся

чрезвычайно ужасающий рубец, тянувшийся
к левому уху. Он вышел, немного
прихрамывая, и медленно пошел вслед за
офицером, оглядывая окружение.

Он нагнал вышедшего первым у
небольшого лифта, где стоял нервный
охранник. Когда надзиратель увидел
покрытого шрамами мужчину, его глаза
расширились от удивления и страха. Он
взглянул на офицера в тяжелой шинели,
после чего зафиксировал взгляд на вновь
прибывшем арестанте. Охранник тяжело
сглотнул и нервно отошел на шаг назад.

Заклученный повернулся и подмигнул:

--- Да не ссы, --- произнес мужчина, и
однакая ухмылка сторицила его
многочисленные шрамы, --- я тут
ненадолго.

Конец

Shovul --- может быть в моем
источнике опечатка, и планета
называется Shoul, прим. переводчика.